

Александр Тебеньков
Сны во сне и наяву

Научно-фантастический роман

Александр Тебеньков

**Сны во сне и наяву. Научно-
фантастический роман**

«Издательские решения»

Тебеньков А. Ф.

Сны во сне и наяву. Научно-фантастический роман /
А. Ф. Тебеньков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745695-5

С четырнадцати лет Нину мучили странные сны — эпизоды из жизни людей, живших в далеком и недавнем прошлом. Они пугали, буквально сводили с ума. Она обращается к психотерапевту Баринову, однако ни химия, ни гипноз не приводят к разгадке. Выдвигается гипотеза «ноосферы разума», это из нее Нина черпает информацию о чужих жизнях — «мы не умираем насовсем». Проявляет Нина и способности к ясновидению, лозоходству, исцелению наложением рук, телекинезу... Но тут ее снами заинтересовались спецслужбы.

ISBN 978-5-44-745695-5

© Тебеньков А. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сны во сне и наяву
Научно-фантастический роман
Александр Федорович Тебеньков

© Александр Федорович Тебеньков, 2016

ISBN 978-5-4474-5695-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

Серебрясь под луной, рельсы паутинками сливались вдаль, а она, невесомо ступая по насыпи, шла и шла вперед. Встречный поезд появился неожиданно и страшно. Ослепил прожектором, а в следующий миг сбоку уже мелькали вагоны и в завораживающем ритме, скачками, нарастал и уходил металлический грохот колес. Так же неожиданно, вдруг, на соседнем пути возник второй. Тугой ветер бил теперь со всех сторон, прижимал к полотну, клонил под всеокрушающие колеса. Она упала коленями на колючий гравий, отчаянно сопротивляясь неодолимой силе, что заталкивала в лязгающее мигание по-над самой землей... И вот она уже в узком промежутке между темными, лоснящимися шпалами, а сверху – и она чувствует это спиной – проносятся прицепленные зачем-то под вагонами острые, отполированные землей лемеха: с налипшими кусками чернозема, с приставшей сухой, бурой травой... Проминая железнодорожное полотно, справа и слева катились тяжелые дырчатые колеса, им в такт мигал яркий свет, а лемеха под новыми вагонами оказывались ниже и ниже, безжалостно уменьшая пространство над ней. В долгой судороге вжимаясь между шпал, она задышалась удушливым мазутом, гравий больно впивался в щеку и лоб...

В свете торшера совсем близко она увидела лицо Юрия – со сна всклокоченного, с припухшими глазами. Он снова тихо, но настойчиво потряс ее за плечо.

– Что, опять? – вполголоса спросил он. – Ты так громко стонала...

Нина, не отвечая, прикрыла глаза рукой.

Совершенно напрасно он ее разбудил. Вполне рядовой, тривиальный ночной кошмар. Так, ничего страшного. Обыкновенный и несерьезный кошмар с обычными несурзностями... Правда, откуда ему знать. Лучше, пожалуй, сделать вид, что повторилось то, другое. Пусть думает на то.

Последнее время его сочувствие раздражало, хотя она готова была поверить, что было оно не напускным. Не хотелось вообще никакого сочувствия, в том числе искреннего – какие бы соображения ни лежали в основе. Притворное даже лучше. Можно, по крайней мере, так же фальшиво отозваться на него, а потом благополучно забыть.

Юра подал стакан, где на доньшке перекатывалась капелька коньяка. Она медленно, размазывая языком по небу жгучую, душистую жидкость, выпила, так же медленно, стараясь не делать резких движений, затянулась услужливо прикуренной сигаретой...

Он держал пепельницу над одеялом. Вот такая забота в принципе не обязывала к последующей благодарности и поэтому была вполне приемлемой.

Почти сразу полутемная комната приятно закружилась, кровать качнулась вперед, назад – и поплыла. Нина успела напоследок вспомнить невропатолога одной из московских платных клиник, куда она ездила позапрошлой зимой на консультацию – симпатичного старичка с мохнатыми, абсолютно белыми бровями над глубокими и поразительно пронизывающими глазами, которые, казалось, только одни жили на его неподвижном, высохшем лице – и подумала, какое все ж таки хорошее средство он посоветовал. Разумеется, абсолютно конфиденциально...

Она не слышала, как муж осторожно принял из ее расслабившихся пальцев дымящуюся сигарету, на цыпочках прошел в кухню докурить. Там, кося глазом на дверь, он плеснул коньяка в стакан на треть, быстро, одним глотком выпил и, осторожно всхлипнув, перевел дыхание.

2

Конец весны с утра до полудня душил жарой, но после обеда, словно по расписанию, с близких отрогов напоздали клочковатые тревожные тучки. Внезапные порывы ветра сбрасывали с деревьев слабые листья, сухие веточки и, перемешав их с мусором тротуаров и мостовых, швыряли с силой вдоль улиц. Оглушительно хлопали рамы и двери в домах, иногда где-то с мелодичным звоном сыпались стекла... И в четыре-пять часов начинал хлестать дождь – с молнией, иногда с градом, сначала теплый, потом холодный по-осеннему.

А через пару часов небо снова очищалось.

Нервозность погоды сказывалась не только на людях. Казалось, на нее реагируют и механизмы, и электроника. Словно по чьему-то зловредному графику выходили из строя самые различные устройства. По несколько раз за смену трезвонили раздражительные звонки из сектора подготовки информации или из машинного зала: то перегорел перфоратор, то заело карточный ввод, то барахлят лентопротяжки или печать. Регулярно, с убийственной методичностью, раз в два дня сбоил процессор на одной из ЭВМ.

Своего заместителя Нина недавно отпустила в отпуск, начальник ЭВМ №2 вторую неделю болел, и ей как начальнику отдела техобслуживания приходилось отдуваться одной. В довершении наступило совершенно жуткое время колхозов-совхозов. Со смен людей убирать было нельзя, поэтому днем на обе ЭВМ и цех перфорации вместе с ней приходилось лишь пять человек: только-только на текущую профилактику. А тут такие ЧП за ЧП...

Сегодня утром ее вызвал директор и, ни слова не говоря, протянул две докладные. Одна из отдела эксплуатации, другая от программистов.

– Так что будем делать, Нина Васильевна?

В дежурной риторике явственно проглядывала и объяснительная к завтрашнему дню, и «ковер» на пятиминутке в ближайший понедельник, и тридцать процентов от прогрессивки, и масса других, более мелких неприятностей.

Если у главного инженера можно было бы еще поспорить, как-то побрыкаться, ссылаясь на объективные причины, то с директором такие штучки не проходят. У него в кабинете полагается молчать, кивать, со всем соглашаться – и обещать. Хоть чёрта в ступе, хоть Луну с небес, хоть колесо от троллейбуса – но обещать. И с недельку придется уходить с работы не раньше, чем он. Иначе в самом неожиданном месте и в самое неожиданное время тебя настигнет его ровный, без малейших эмоций голос: «Да-а, Нина Васильевна, смотрю я, не болеете вы за производство. Вот вчера: где Нина Васильевна?... А нет Нины Васильевны. Дома Нина Васильевна. Чай пьет, отдыхает. А ведь у Нины Васильевны ненормируемый рабочий день. Или вы устали? Может, вам трудно? Вы скажите – поможем...»

Полный завал!.. Один выход – стиснуть зубы и перетерпеть. Даже такие неприятности когда-нибудь заканчиваются. Правда, начинаются другие, но это уже отдельная статья.

Солнце цеплялось за крыши, когда Нина вышла из проходной. Пообедать по-настоящему сегодня не удалось, почти полдня выводили из «тяжелого останова» ЭВМ №2. Хорошо, девочки-операторы сбегали в магазин, принесли кое-чего перекусить. Голова болела, слегка давило виски, а мир вокруг казался неестественно резок и четок в деталях.

После дождя сильно парило, мелкие лужи на асфальте съезживались на глазах. Она решила немного проветриться, пройти две остановки назад, на конечную.

Час «пик» миновал, автобусы ходили редко, даже на конечной собралась толпа. Но неожиданно повезло: дверь открылась прямо перед ней и чуть ли не первой ее буквально внесли в салон. При этом удалось сесть – у окна, слева по движению, как она любила.

Тяжело проседая брюхом почти до мостовой, автобус петлял по узеньким боковым улочкам – улица Мира была закрыта, ее уже месяца три расширяли – и Нина не заметила, как задремала.

Страх был везде.

Он словно просачивался снаружи сквозь закрытые окна, таился за бесчисленными занавесями и портьерами, гнезвился в сумрачно-темных углах. Даже великолепные пышные розы, срезанные ей самой на рассвете, пахли тревогой и беспокойством.

Она прошла из угла в угол и обратно. Ковер мягко скрадывал шаги, но почему-то от этого тоже становилось не по себе. Шелковый шорох платья источал отчетливую угрозу. Густая тишина покоев тоже была не к добру. Она села на диван, потянулась за мешочком с вышиванием, но рука бессильно упала, не дотянувшись – в который раз за сегодняшнее утро...

В стрельчатом узком окне виднелось яркое небо. Поперек окна медленно проплыло маленькое плотное облачко. Промелькнула птица: это белый мохноногий голубь из голубятни с заднего двора.

Напряжение росло, и страх не проходил.

Она знала, что все должно решиться сегодня до полудня. Вот-вот в окно заглянет солнце – у нее свои солнечные часы, кроме тех, что установили недавно при входе в замок.

Вдруг настороженное ухо уловило: в передней комнате открылась дверь. Сердце усилило стук. Колыхнулись занавеси – это открылась дверь в соседней комнате. Медленные неторопливые шаги... Кто это? Она совсем не знает этих шагов...

Она встала и пошатнулась, но тут же взяла себя в руки: распускаться нельзя, беда случилась раньше, ее уже не предотвратить, а сейчас приближается всего лишь расплата. Или – нет?... Усилием воли она не позволила разгореться бессмысленной надежде.

Из-за откинутой портьеры появилась служанка – все это время она неслышно была там, в соседней комнате – и тут же у входа опустилась на колени. Губы шевельнулись было в вопросе, но, опережая ее, глядя незнакомыми, загнанными глазами, девушка молча прекрестилась и опустила голову. Плечи ее обмякли, руки неподвижно замерли на пышных юбках.

Ну, вот и все. Тот – или те? – почему-то медлили, не решались войти к ней. Чего они ждут? Или – кого?

Нина через всю комнату прошла к резному секретеру, достала из потайного ящика шка-тулку красного дерева. Помедлив, открыла.

Витая рукоятка удобно легла в ладонь, большой палец крепко устроился на крупном нешлифованном изумруде и не скользил. Левой рукой она поднесла к губам золотой крестик, висевший на груди, но вдруг заторопилась. Крестик выпал, цепочка ласково протекла по пальцам. Сдерживая себя, стараясь не суетиться, острием кинжала она аккуратно проколола плотную ткань под левой грудью и нащупала острием промежутки между ребрами. Тонкий клинок дрогнул и уколол кожу. Нина скривила губу в усмешке – ничего, это минутная слабость, дрожание рук и ничего больше. Сейчас все пройдет. Пальцы левой руки плотно легли поверх правой. Она запрокинула голову и, как можно полнее вдохнув, всем телом подалась вперед. Сталь почти не встретила сопротивления, и руки ударили в грудь. Сзади тонко вскрикнула служанка. Лепной потолок стал удаляться, по телу прошла горячая волна. Голова закружилась. Нина хотела выдохнуть, но острая боль перехватила дыхание. Высокий потолок из белого превратился в красный и с нарастающим грохотом обрушился на нее.

Врач «Скорой» не поскупился. Два укола, Нина помнила, сделали в машине, а третий, от которого она уснула, уже дома.

Пробуждение оказалось приятным. Дышалось легко, тело было свободным, не скованным, и душу ничего не давило, не жало, не тревожило. Нина уже забыла, что можно просыпаться вот так: спокойно и сама по себе, без будильника.

Сережка собрался сам и убежал на тренировку к девяти. Юра на работу не пошел. Он бросился было разогревать завтрак, но она хотела только кофе. Крепкий и сладкий – это первая чашка. Вторая – крепкий, но без крупинки сахара. И обе чашки – горячий, обжигающий.

Юра вполне даже прилично научился варить кофе.

Он заботливо соорудил ей опору из подушек, а кофе принес на разное. Приятно иногда поухаживать за больной и слабой женой, зная, разумеется, что к вечеру она непременно будет на ногах.

Кофе приятно взбодрил. Но думать о чем-либо, если честно, было лень. Она потянулась к радиоле, выбрала пластинку с оркестром Поля Мориа. «Все капли дождя мои». Как раз под настроение.

Юра отнес чашки и пристроился на краешке кровати, хотя рядом стояла банкетка. Нина мельком посмотрела на него – он сидел и набирался решимости перед очередной гадостью. Он всегда улыбался так – слегка смущенно, и несколько выше обычного поднимал правый уголок рта – перед тем, как сказать что-нибудь неприятное.

– Ниночка, ты, пожалуйста, только не волнуйся. Врач категорически запретил тебе волноваться.

– Я не волнуюсь. С чего ты взял?

– Да видишь ли, – он потянулся и взял с трюмо синенький листок. – Тут направление... Тебе надо будет туда сходить, там выпишут больничный... и все такое...

– К участковой? Или куда? – Нина протянула руку.

– Да нет, – он замялся и опять знакомо улыбнулся. – Тут, в центре. Ну, знаешь, на Московской. – И, видя, что она не понимает, скороговоркой добавил: – В психоневрологический диспансер.

– А-а! – Нина откинулась на подушки.

«Много ж ты чего наплел этому врачу из „Скорой“!»

– Если, конечно, будешь себя более-менее сносно чувствовать. А можно их и на дом вызвать. Тут записан телефон...

«И увезут тебя отсюда, милая, в рубашке с завязанными рукавами...»

– Хорошо, я схожу. Положи, я потом посмотрю.

– Ну, вот и ладно. Вот и ладненько. Ты только не волнуйся. Лежи, не вставай. Отдыхай. Тебе какую-нибудь книжку принести?

– Нет, спасибо.

– Правильно, лучше поспи еще чуток. И ничего сегодня не делай – обойдемся. Сереге я рубль дал, он пообедает в столовой, чтобы тебя не беспокоить. А на ужин там еще котлеты с вчера остались. Так что, лежи, ни о чем не думай. Хорошо?..

Послonyaвшись еще немного по квартире, он перенес телефон в спальню, к ней поближе, и ушел на работу, пообещав периодически позванивать.

Нина выключила радиолу и посмотрела на синенький листок.

Ну вот, еще один, может, последний звонок... Она смутно удивилась себе: так спокойно принять эту новость. Хотя – что считать новостью.

Вчерашний приступ, а сомневаться, что случился именно приступ, не стоило, унес, казалось, способность чего-то страшиться, чему-то удивляться. Нина, естественно, не знала подробностей, но догадывалась, как это произошло.

Она задремала в автобусе и, похоже, сразу начала бредить – или видеть сон. Один из тех снов, которые она боялась до холодных судорог в животе, один из тех, что подводили к той неосознанной грани, за которой начинаются элементарные истерики. Кому-то из пассажиров показалось, что ей плохо, – а если видик у нее был такой же, как после, это совсем немудрено! – остановили автобус и вызвали «Скорую».

Она помнила, что, очнувшись, назвала себя и свой домашний адрес. Врач спрашивал о сердце, о церебральных симптомах, но она через силу все отрицала и просилась домой. Переутомление – оправдывалась она, с трудом ворочая языком. Собралась толпа, было стыдно за свою слабость и беспомощность, ведь даже приподняться на носилках не находилось сил. Просто сильное переутомление, – упрямо продолжала она твердить. Слишком много работы: годовой отчет, расчеты за первый квартал, и на праздники работали... Это от усталости...

Врач, похоже, не очень поверил. Хотя привезли домой. И на том спасибо...

Однажды ей уже давали подобное направление.

Она сильно запаниковала тогда. И – не пошла. Решила прежде разобраться сама. Взяла у Зиночки справочник практического врача и поздними вечерами на кухне строго примеряла к себе клинику всего тамошнего набора нервных и психических болезней. (Позже, смущаясь и краснея, она даже купила в букинистическом «Курс психиатрии» и долгое время прятала книгу дома в туалетном столике.)

Ни одна болезнь ни по симптомам, ни по течению полностью не подходила. Это Нина выяснила вполне, вчитываясь еще и еще в отобранный круг чуть ли не наизусть заученных статей. Однако некоторые абзацы заставляли холодеть.

Боже мой, как страшно становилось тогда!.. Нет, нет! Это невозможно! Этого не может быть, твердила она себе. Это слишком страшно, чтобы быть в действительности. Не с каким-то мифическим больным Х., абстрактным и далеким, а с тобой, именно с тобой!.. Нет, нет, конечно же, нет!.. Она шла под душ и подолгу стояла, глотая капли, сбегаящие по лицу.

Привычный, налаженный образ жизни ломался на глазах. Ломалось привычное мышление.

Порой она спохватывалась, пыталась вернуть свое прежнее рациональное, абстрактно-точное видение мира, издавна такое привычное и спасительное в любых ситуациях: в школе, институте, дома, на работе... Еще с седьмого-восьмого класса за ней начала тянуться репутация холодной и рассудительной натуры, а она и не пыталась ее опровергать. Совершенно привычно и естественно для нее было прежде думать, а уже потом: чувствовать – или не чувствовать, делать – или не делать, сказать – или промолчать.

Она не представляла, как может быть иначе, и раньше, в юности и молодости, часто искренне удивлялась совершенно нелепым, с ее точки зрения, поступкам подруг, приятелей, да и знакомых взрослых. А стала взрослой сама – один только раз позволила чувствам одержать верх над рассудком и здравым смыслом.

Да и то, как сказать – позволила. Ей тогда просто из любопытства захотелось узнать, каково это – беспредельно отдаться им. И она усилием воли выключила рассудок на некоторое время. Ничего хорошего, разумеется, не получилось. В полной мере рассудок все равно не выходил на позиции стороннего наблюдателя, вмешивался в самые неподходящие моменты...

Но это было давно. Давным-давно, лет пятнадцать-семнадцать назад... Нет, поменьше, но все равно – очень и очень давно. И все. Больше такого не повторялось. До последнего времени. Но теперь рассудок мог выключиться вдруг сам по себе, не спрашивая на то позволения.

Строго логически, рассудительно она пыталась доискаться до причин своих странных видений.

Непроизвольно она применяла к себе методику поиска неисправностей в устройствах ЭВМ – по косвенным признакам и точечным замерам характеристик триодов и ячеек, по прогонам тестов. Она прекрасно отдавала себе отчет, что в медицине, тем паче в психиатрии она никакой не специалист, но упрямо верила, что объективная истина ей непременно откроется: ведь кто, как не сама Нина может знать, что она чувствует в каждый момент времени. Специалисты, расспрашивая, только сравнивают ее ответы с тем, что написано в ученых книгах.

Так не лучше ли сделать то же самое самой, без посредников?

Итак: «Бред – это объективно ложное, абсолютно некорректируемое, обусловленное болезненными причинами суждение, возникающее без адекватных внешних поводов. Бредовые состояния наблюдаются при шизофрении, органических сосудистых и атрофических заболеваниях ЦНС, эпилепсии, психогенных и протрагированных симптоматических психозах»...

Продираясь сквозь частокोल профессиональных терминов, одно она поняла абсолютно – ее сны под такое определение подпадали. Именно так: суждения, возникающие без адекватных внешних поводов...

И память, моментами уже не контролируемая той аналитической и рациональной частью ее существа, которая называется разумом, и которой она так гордилась во всякое время, услужливо подсовывала Катьку-дурочку из безоблачного далека. Весело-дурашливая, в немыслимых обносках, она босиком бегала по их небольшому городку, выпрашивая копеечки, пестрые лоскутики, блестящие железки. Радостная улыбка никогда не сходила с ее безвозрастного лица, гладкого, без единой морщинки, и наивные по-младенчески, широко распахнутые глаза всегда с восхищением смотрели на мир. Она одинаково приходила в восторг от цветущей вишни, от головастика в луже, от найденного на помойке помятого, дырявого ведра без ручки, от станиолевой обертки эскимо, от праздничной демонстрации... Просто оттого, что кто-то мимоходом обратил на нее внимание, бросив: «Здорово, Катька! Как делишки?»

Мальчишки и девчонки из соседних домов, и Нина вместе с ними, подсовывали ей нагретые на спичках мелкие монетки, заставляли плясать за яркие шелковые лоскутики. А плясала Катька-дурочка с удовольствием, ей самой это нравилось. И неважно – под собственное пение, под ритмичные хлопки в ладоши окружающих или под музыку из радиоприемника.

А еще она никогда и ни на кого не обижалась, даже обжигаясь о пятак. Вскрикнув, бросала его на землю, плевалась, дула на пальцы, жалуясь своим маленьким мучителям на «нехорошую бяку», а потом, лукаво подмигнув, говорила обступившей детворе:

– А ну-ка, деточки, покарауйте, чтоб она меня снизу не укусила! – и тут же посреди улицы, к великому их восторгу, мочилась на монету. Поднимала ее, оглядывала со всех сторон и говорила торжествующе: – Ага-а! Утонула!

Она засовывала пятак куда-то в необъятные пространства своей одежды и пускалась в пляс: «По благу, по благу дала сестренка брату...»

3

Вывод напрашивался однозначный...

Еехватило на то, чтобы так же холодно и отвлеченно, как она пришла к этому выводу, продумать линию поведения на будущее – до того самого конца, пока еще сможет совладать с собственным рассудком. Потому что в книгах писалось яснее ясного – «Прогноз: неблагоприятный».

Лучшим выходом казалось соорудить между окружающими и собой непроницаемую стену. Добиться полного отчуждения. Закуклиться, покрыться невидимой броней. Добиться, чтобы все поверили в ее абсолютную обособленность. Так будет легче всем, когда она на самом деле окажется по ту сторону логического. Ведь все загодя привыкнут к этому... А пока надо заставить уже сейчас пространство и время «схлопнуться» в ней, образовав прочную, неразрушимую капсулу.

Нине понравилось это словечко из давней статьи в «Знание – сила». Там говорилось, правда, о «черных дырах», красочно описывалась эволюция нейтронных звезд к гравитационному коллапсу, когда в итоге пространство-время на поверхности звезды «схлопывается», не выпуская наружу ничего, даже излучение, и звезда как бы исчезает, становясь невидимой. И недостижимой. Превращается в абсолютно замкнутую систему...

Методично, шаг за шагом, планируя примерно на пару-тройку лет, Нина стала одну за другой гасить внешние связи. Гости, театры, просмотры, сослуживцы, знакомые, друзья. Праздники, дни рождения, вылазки на дачи, просто вечеринки...

Легче всего удалось с мужем. Он охотно вернулся в пучину домоседства. Гораздо быстрее, чем приучился в свое время выбираться на люди.

Она начала с покупки в кредит цветного телевизора. И теперь по пятницам сама подчеркивала в программке мало-мальски приличные передачи. Юра только молча хмыкал, вспоминая ее былую неприязнь к «ящику чудес в стране дураков». Но ничего не говорил: ему новые семейные порядки пришлись явно по душе... Старый же, допотопный «Рекорд» с маленьким черно-белым экраном перенесли на кухню. Там Нина приучала себя даже к хоккейным и футбольным матчам, даже к «А ну-ка, девушки!» и программе «Здоровье».

Потом потеснила серьезную литературу, перейдя на развлекательную. Трилогию о мушкетерах она перечитала дважды. «Графа Монте-Кристо» – трижды. Но философию – «ждать и надеяться» – воспринять все не удавалось. Тогда она переключилась на детективы...

С работой и сослуживцами вышло еще проще. Максимум педантичности, минимум человечности – и полный порядок! Начальник отдела, а тогда она была еще заместителем, уже через месяц стал звать ее не Ниной, а Ниной Васильевной, а следом к такому обращению привыкли другие. Даже сверстники и те, с кем проработала не один год. Хотя с ними она по-прежнему оставалась на «ты»... Но чаепитий и дней рождений на работе в ее присутствии устраивать больше никто не пытался.

И везде одна. В столовую, по магазинам в обеденный перерыв – одна. На работу – одна. С работы – одна. Везде и всюду – одна.

Скоро Нина заметила, что телефонные звонки на домашний и на служебный телефоны заметно поредел. Значит, система действовала.

Жить стало тяжелее, но и – легче. Бездумнее. Дом, работа, муж, Сережка. Наутро снова – дом, работа, муж, Сережка... Вот и все.

Однако и это было немало. Ох, как немало!.. Она иногда с ужасом чувствовала, что до конца отстраниться от всего никогда не удастся. Дом, работа, муж, Сережка. Это было все равно очень и очень много...

Она вспомнила Зиночку – как та однажды высказалась. Мужья уехали на рыбалку, а они устроили субботние посиделки: за тортом, кофе и коньяком – четыре старинные, еще первых послеинститутских лет, подруги.

«А что мне еще надо? – задорно воскликнула Зиночка и тряхнула черными, как смоль кудряшками. – У меня все есть, девочки. Четырехкомнатная крыша над головой, муж, ребенок и любовник... А что еще, собственно, бабе надо? А?»

Так прошла осень и зима прошлого года. Потом весна этого.

Стена успешно строилась, становилась выше, толще. Крепче.

– Как ты изменилась!

Виталий смотрел на нее во все глаза. Он не пытался скрыть удивление. Забыл притвориться, растерявшись.

Она задержалась на работе, а этот глупый дуралей больше двух часов ждал на остановке. И неуклюже сделал вид, будто очутился здесь совсем случайно. Это на другом-то конце города от дома и работы!..

– Здравствуй, Виталий Федорович! Какими судьбами в наших краях?

– Ниночка!.. Здравствуй.

– Как живешь?

– Да так. – И попытался пошутить: – Спорадически и крайне нерегулярно.

– Опять наговариваешь?

А он все смотрел на нее и не пытался скрыть удивление.

– Как ты изменилась!

Маленький, уютный скверик неподалеку и их знакомая скамейка никуда за это время не делись.

– Виталий Федорович, будь другом, дай сигаретку... Спасибо. Ну, рассказывай. Сколько мы не виделись? Год, два?

– Да, почти полтора.

– Так как ты живешь?

– По-прежнему, Нинок, по-прежнему... Лучше – как ты?

Она решила взять легкий, чуть игривый, чуть ироничный тон и, посмеиваясь, принялась болтать что-то о работе, о сослуживцах. Потом, смягчив иронию, переключилась на Сережку, на его школьные проделки – у Виталия сын был еще маленький, но дочь в этом году тоже заканчивала седьмой класс... Но он не слушал, а она знала причину и искренне жалела его. Нет, правильно, что они расстались.

Она говорила и смотрела, как он не слушает. Курит, рассеяно глядя перед собой, а пальцы его нервно подрагивают. Она знала, что вот-вот он скажет то, ради чего ждал ее на остановке. Вот сейчас... нет, через минуту... или чуть позже. Или сегодня не скажет, но спустя несколько дней опять словно бы невзначай попадет на пути – и снова будет длиться эта сладкая пытка...

Нина по-доброму, по-хорошему жалела его – ведь не был же он ей совершенно безразличен. Ни тогда, ни сейчас – как ни странно... Даже тот самый синдром, при котором чувства в личности преобладают, перебарывая аналитическое мышление, не казался таким уж смешным – в нем.

– Нина!

– Да? – она прервалась на полуслове и, если бы могла, сжалась бы в комочек... Господи, что ему ответить? Что?

– Послушай, Нинок, – он говорил нарочито спокойно и даже как-то равнодушно. – Извини, я хотел спросить... Тебе не очень мешает в жизни, что я люблю тебя?

...Он проводил ее до остановки и, пока автобус трогался, не сводил с нее глаз, закуривая на ощупь.

Не достроившись, стена рухнула.

Первой реакцией была досада. Вот ведь как, не хватило выдержки. Элементарной силы воли! А казалось, стоит только захотеть...

Второй была простая мысль. Простая до ужаса. До того, что поначалу Нина лишь удивилась – как до сих пор она не приходила в голову?.. Только потом сама ее простота заставила Нину задохнуться в отчаянии, заставила понять – это еще один звонок. Может быть, один из последних.

Что значит – *отгородиться от всех*?

И Нина упрямо заставила себя додумать до конца: это и есть прямой и явный признак изменения психики. Это и есть очередное и следующее проявление того, что называется – «сходить с ума».

Она повторила открывшуюся истину вполголоса, теперь на слух выверяя ее точность и правильность:

– Сам факт появления мысли о необходимости полного ухода от окружающей действительности является проявлением начала изменения психики...

Вот так, оказывается. Вот так, оказывается, сходят с ума.

Теперь уже не за горами. Теперь уже скоро. Недели или месяцы. Или – дни?.. Ничего не изменить. Ни-че-го.

«Но если ты осознаешь, что сходишь с ума, значит, пока ты нормальная?.. Или – уже нет?»

Виталий поджидал ее возле работы во вторник.

В среду же ее домой привезла машина «Скорой помощи».

4

Был славный, тихий вечер. Огромное море мягко зализывало берег в нескольких шагах перед ней. У самой кромки, на границе воды и суши копошился в песке и россыпи мелких ракушек кто-то маленький и верткий, весь в реденькой золотистой шерстке. Волна повыше иногда настигала его, он пугливо взвизгивал и отскакивал, оглядываясь на Нину большими, почти круглыми глазами. И столько в его повадках и ужимках было милого, радостного, близкого и родного, что она чуть не плакала от щемящего умиления и ласковой нежности – хотя какую нежность могла испытывать Нина к этому забавному зверьку, похожему отдаленно на небольших бесхвостых лемуру из телевизионного «Клуба путешественников» с Юрием Сенкевичем...

Но таких снов-видений, приятных и добрых, несмотря на странность, она могла вспомнить очень и очень немного. Буквально единицы.

После них тоже охватывало оцепенение и оставалась слабость, зато не было дикого, почти животного страха, ощущения разбитости и лимонной выжатости. Нина была готова мириться с ними, лишь бы не снились те, другие...

Да только кто из нас способен управлять нашими снами?

5

Нина подняла глаза. Ветви близкого клена не закрывали неба – глубокого, прозрачного, густо-фиолетового южного неба. От бетонной стены дома тянуло жарой, но воздух успел остыть, стал по вечернему приятно прохладен.

– Вы знаете, – сказала она, – голова у меня не болит.

– Знаю. – Баринов стоял чуть позади, она чувствовала его внимательный взгляд. – Вы хотели поскорее поговорить со мной.

– Да.

Баринов промолчал, ожидая продолжения.

– Вы очень пристально следили за мной весь вечер.

– Не следил. Наблюдал.

– Все равно.

– Пусть так... Но я вас слушаю, Нина Васильевна.

– Что вы хотите услышать?

– Все, что вы хотите рассказать... Ведь вам есть что рассказать? Кстати, меня зовут Павел Филиппович.

– Да-да, спасибо!.. Я, знаете, действительно забыла, извините... Вы психиатр?

Глаза привыкали к густеющим сумеркам, и боковым зрением она могла различить темный силуэт на фоне сероватой стены, дорисовывая памятью строгий костюм, белоснежную, с туго накрахмаленными манжетами и воротничком рубашку. А лицо его ускользало.

Баринов негромко рассмеялся – добродушно и не обидно.

– Смешные предрассудки... Стоит людям сказать, что кто-то работает с человеческим мозгом, так его с ходу обзывают психиатром.

– Разве стыдно – быть психиатром?

– А разве стыдно обращаться к психиатру за помощью?

На этот раз промолчала Нина.

– Вам нравится современная западная литература?

– Что?.. А-а, ну да, разумеется. Только я в последнее время мало читаю.

– Там все герои, так или иначе, но регулярно посещают своего врача-психотерапевта.

Помните?

Нина кивнула.

– Но и в жизни каждому из нас не повредило бы хоть изредка попадать к нему на прием.

– Вот я и... пришла.

– Но я же не психиатр. И не психотерапевт.

– Тогда я, наверно, должна извиниться, – Нина повернулась к нему. – Я отняла у вас много времени, Павел Филиппович, а случай мой, получается, не в вашей компетенции. Извините.

– Ваш случай? – Баринов оторвался от стены и подошел к перилам балкона. Теперь он стоял рядом. – Ваш случай... Ну, начнем с того, что «вашего случая» я пока еще не видел, не знаю. А во-вторых, понимаете, это было бы слишком откровенно и потому для меня неинтересно.

– Вы полагаете, что шизофрения...

– Нина Васильевна! Право слово, не считайте меня несерьезнее, чем я есть. Правда, мы видимся с вами впервые...

– Но мой муж...

– Обещал вам приличного психиатра?

Нина поежилась и с преувеличенным вниманием принялась рассматривать узенький серпик над черной верхушкой клена. «Денежку бы ему показать». Небо быстро темнело, теряя прозрачность, и на нем все ярче проступали звезды.

– Д-да, – с трудом произнесла она.

Баринов снова рассмеялся. Негромко и коротко, но суше, чем в первый раз.

– Вот потому я не люблю, когда меня представляют кому-то через третьи руки. А тут, видимо, даже через четвертые-пятые.

– Однако ж и вы, ничего обо мне не зная, даже не поговорив со мной хотя бы по телефону, сразу пригласили на прием.

– В гости, Нина Васильевна, в гости. Такая у меня, с позволения сказать, метода... А кроме того – я наводил о вас справки. Видите, я от вас ничего не скрываю. А то, что вы впервые в этом доме, в этом обществе... Вы же заметили, что я за вами наблюдаю?

– Да, я поняла. Тест на поведение в незнакомой обстановке.

Баринов пошарил по карманам.

– Сигареты в комнате. А вам бы не помешал сейчас небольшой допинг. Вы же курите?

Нина крепче стиснула балконные перила.

– Нет-нет, не надо. Спасибо.

– Я все-таки принесу.

Он не закрыл дверь, и Нина слышала, как в комнате низкий, чуть с хрипотцой голос – видимо, та полная брюнетка с короткой стрижкой – пел одну из тех самоделок, что удаются только под гитару и только в понимающей компании, заранее настроенной в унисон:

*Всю ночь со звонницы
в слепой бессоннице
гремят колокола:
о нас с тобой, о нас с тобой, —
о том, что ты ушел,
о том, что я ушла...*

Нина снисходительно усмехнулась словам – так глобально, на весь мир объявлять колокольным звоном о личной трагедии двоих... Как говорится, по ком звонит колокол... Эдак никаких колоколов не напасешься.

Баринов появился быстро. Она спиной почувствовала его возвращение и лишь потом на перила упала тень, балконная дверь закрылась, отсекая свет и комнатные звуки. Нина повернулась. Баринов протягивал ей высокий узкий стакан с торчащей трубочкой из пластика.

– Вы ничего не пили. Я с вином не осмелился – не зная вашего вкуса. Коктейль, думаю, будет лучше.

– Спасибо.

Он помешал трубочкой в своем стакане. Тихонько тренькнули кусочки льда.

– Так вот, Нина Васильевна, давайте вернемся, так сказать, к нашим баранам... Я не психиатр, поэтому советовался по вашему поводу с профессором Метченко, побеседовал с вашей участковой – приятная женщина, не правда ли? И специалист оч-чень толковый... Так вот, со всей серьезностью говорю вам: не берите в голову. Забудьте все ваши фантазии. Шизофрения, психопатия, всякие там психопатологические синдромы – все слишком ordinarily и нашего с вами внимания не заслуживают. В ваших симптомах мы трое не усматриваем повода обращаться к помощи психиатра. И вообще, если начистоту: меня не интересует патология... Вам это о чем-нибудь говорит?

Нина медленно покачала головой.

Сегодня, уходя на работу, Юра мимоходом бросил короткое: «Я тут договорился с одним весьма грамотным специалистом, доктором наук. Вечером идем к нему, так что не задерживайся».

Она настроилась на обычный визит к частнопрактикующему (может, подпольно) специалисту и единственно, что ее занимало, это размер гонорара и то, как этот гонорар передавать – даже после многих подобных визитов процедура передачи денег из рук в руки ее смущала и загодя нервировала.

Но здесь ничего не вязалось с прежним опытом.

Здесь неожиданно был стол с легкой закуской, веселая гурьба бутылок со спиртным в распахнутом баре – с названиями, большинство которых она и не слышала. Здесь, наконец, были люди, про которых каждый сказал бы, что они близкие знакомые или, что более похоже, друзья хозяев дома...

«Или они тоже больные?» – с растерянностью подумала Нина.

Какой-то поэт, Нина не запомнила его имени, читал стихи – свои и чужие. И те, и другие были ей незнакомы. Из-за сумбура, царившего в голове, оценить их в полной мере Нина не могла, но кое-что понравилось. Потом говорили о только что вышедшем пятом номере «Нового мира», обсуждали программу венгерского цирка, с неделю как гастролировавшего в городе. Высокая седоватая женщина с приятным строгим лицом преподавателя весьма профессионально показала несколько карточных фокусов. Сам хозяин к месту подал пару не слышанных анекдотов и повеселил всех имитацией диалога пьяного с попугаем. Кто-то, вернувшийся на днях из Москвы, рассказал о новой постановке «Гамлета» в оригинальной трактовке...

Для Нины такая обстановка оказалась настолько внове и так далека от того, к чему она привыкла на своих вечеринках с обильной едой и питьем, с оглушающей музыкой из лопавшихся от натуги шикарных акустических систем, с громкими несвязными разговорами – о работе, о спорте, о модах, о трудностях жизни... больше всего, конечно, о трудностях жизни, когда все наперебой уверяют друг друга в этих еле-еле преодолимых трудностях и взхлеб жалеют друг дружку, а заодно и себя...

Юрий, не разобравшись, с ходу вклинился в беседу и понес что-то о киевлянах и тбилисцах, о каком-то особенно некорректном судействе в последней встрече. Ему кто-то поддал – вежливо, так, чтобы не смутить, она очень остро почувствовала это! – и ненавязчиво перевел разговор на грузинский кинематограф.

Разговор то разбивался по группам, то становился общим, но оставался неизменно легким, интересным и, с удивлением отметила Нина, почти всегда нес какую-нибудь информацию. Не только для нее, а и для большинства, что было заметно... И она поняла: люди собрались здесь для общения. Для настоящего общения. И оно было для них по-настоящему приятно.

– Павел Филиппович, по какому случаю у вас гости?

– Ни по какому, Нина Васильевна.

– Или это... пациенты?

Баринов громко, от души рассмеялся.

– Тогда – кто они?

– Все гораздо проще, Нина Васильевна. Видите ли, последний четверг каждого месяца, если, конечно, я не в отъезде, я провожу с людьми мне приятными, то есть с друзьями и добрыми знакомыми. Иногда они приводят своих друзей и знакомых. Но сегодня все свои, из приглашенных только вы с мужем... Но вы, я вижу, и сейчас не пьете.

Нина послушно подняла стакан и втянула глоток пахучей, пряной жидкости.

– Ну как? Нравится, нет? – Баринов заглянул ей в лицо.

Прислушиваясь к ощущениям, Нина снова попробовала коктейль.

– Вы знаете, довольно неплохо. Такой вкус... необычный. Только немного крепко.

– О, это мой фирменный. Даже названия не имеет. Предупреждаю – рецепт не даю никому. Захотите еще – милости прошу ко мне... Ну что ж, Нина Васильевна, допивайте, да пойдем в кабинет. Там вы мне все-все расскажите.

– Подождите, а как же... как же ваши гости?

– Ничего, Нина Васильевна, не беспокойтесь. Я же говорил – это не гости. Это друзья.

6

...Нина твердо знала, что дело, которым они занимаются многие бесконечные часы, должно спасти не только ее, но и всех остальных, всю ту общность, полноправным членом которой она ощущала себя в каждый миг. Должно быть, так же думали и чувствовали окружающие, и работали молча, сосредоточенно, экономно тратя силы, но не жалея их. Спину ломило, кисти рук – большие, грубые – не гнулись от холода, перехватывая дужки тяжелых ведер, набранных, словно бочки, из клепок и стянутые металлическими обручами.

Она стояла в цепочке вполоборота и, поворачиваясь всем туловищем, различала справа и слева женские фигуры. Прямо перед ней смутно просматривалась такая же цепочка, но из мужчин – бородатых, непривычно-страшного вида, в длинных рубахах навыпуск, с непокрытыми головами. Они передавали справа налево полные ведра. По ее цепочке ведра шли обратно – слева направо – уже пустые, без воды, но все равно невероятно тяжелые.

Три факела, укрепленные в той стороне, куда подавалась вода, чадно горели; в их скупом, пляшущем свете можно было разглядеть чуть в стороне неподвижную группу мужчин. Нина почти видела – или убедила себя в этом? – что все они в островерхих шлемах, в широких, накинутах на плечи плащах, с мечами и щитами...

Ветра не было. Падал крупными хлопьями снег. Он смерзался на ресницах, но ведра шли и шли бесконечной чередой, и нельзя было прерваться на миг, чтобы оттереть лицо. Не то, чтобы получше рассмотреть ту странную группу.

У ближнего факела полные ведра поднимали на подмости, оттуда они на веревках уходили вверх, в темноту. И на веревках же возвращались, уже пустые. За подмостками угадыва-

лась мощная, сложенная из громадных бревен стена... Не туда ли, на верх стены, подавались все новые и новые порции обжигающе-холодной, парящей светлым дымком на морозе, черной, студеной воды?..

– Есть сны, которые я бы не хотела рассказывать.

– Я некоторым образом врач, Нина Васильевна.

– Ну и что? Я говорю с вами как с врачом.

– Мне можно сказать все.

– Ах, нет, не то! Совсем не то, что вы думаете... Вы извините, Павел Филиппович, но зато я не врач. Мне просто очень, понимаете, очень неприятно их вспоминать. Противно до тошноты.

– Тогда ладно, оставим их пока в покое.

– Да-да!.. Может быть, когда-нибудь потом.

– Спокойнее, Нина Васильевна. Спокойнее. Рассказывайте то, что считаете возможным.

– Хорошо... Итак, есть сны непонятные. То есть, они почти все непонятные, но есть такие, которые я даже для себя описать не берусь... Понимаете, весь сон – какое-то смутное ощущение. Иногда сильнее, иногда слабее. Ни действий, ни... как бы сказать... иллюстраций, что ли. Нет картинки... или образов – это точнее. Нет ничего, что бы напоминало сон. Даже мыслей нет, одно лишь смутно-понятное чувство, желание. Иногда чувство голода или жажды. Иногда страха. Иногда – извините – влечения к противоположному полу... А ведь я нередко ощущаю и вижу себя не женщиной, а мужчиной... Да, вот так, это чувство строго дифференцировано. Оно строго одно, словно кто-то искусственно выделил его из всего многообразия человеческих чувств. Или не человеческих, я не знаю. Но достаточно близко похожих на человеческие... Я вам рассказывала о лемуроподобном существе?

– Детеныш на берегу моря?

– Да, именно... Но я опять сбилась. Там другое. Там обычные, человеческие чувства в облики не человека, а так сон как сон, с действиями, с картинками...

– Мы потом подумаем над этим, Нина Васильевна. Продолжайте, пожалуйста.

– Есть сны с продолжением. То есть, в разное время я вижу сны, связанные между собой местом, действующими лицами... Вот, я уже начинаю оперировать чуть ли не драматургическими понятиями.

– Скорее, кинематографическими... Как вы отличаете эти сны от обычных? По каким признакам?

– Очень просто. Во-первых, обыкновенные сны по сравнению с этими очень плохо «сделаны».

– Сделаны?

– Н-ну, чтобы яснее... Понимаете, обыкновенные сны – это как киноленты начала века. Все прыгает, дергается, на глаза лезет что попало. Люди на ниточках, словно марионетки... И вдруг – широкий экран! Стереofilм или, по-современному, голограмма. Цвет, объем, звук, запах... Не знаю, понятно ли я говорю...

– Говорите, говорите. Будет непонятно, переспрошу.

– Так вот, те, другие сны всегда цветные и очень-очень ясные, словно и не сны вовсе. За исключением тех, где одни ощущения... Такие они – вроде бы внутри меня цветной телевизор.

– В них есть для вас что-нибудь знакомое? Какие-нибудь элементы пережитого, читанного, слышанного?

– Нет.

– Так категорично?

– Да, конечно. Ведь я, Павел Филиппович, сама много размышляла над ними. Поэтому так категорично – нет.

– Понятно.

– Я хотела разобраться сама... Вот еще такая деталь: ничего и никогда в снах я изменить не могу. Случается, что несколько раз подряд вижу один и тот же сон – вот как, например, смотришь уже виденный фильм. В одном из них я играю в кости на каком-то восточном базаре, может, современном, может, средневековом. Я мужчина. Одежда самая простая: халат, чалма, пояс, из-за которого я достаю мешочки с деньгами – золотыми и серебряными монетами необычного вида, есть даже квадратные, даже с дырками посередине. Я проигрываюсь в пух и прах, что называется. Я сама, то есть именно я, а не он, играть не хочу, я помню, чем все кончится. Но тот, чьими глазами я вижу, входит в азарт, который я прекрасно чувствую, и, сам взвинчивая ставки, проигрывает. Над ним смеются, а он встает, спускается с помоста, на котором сидел вместе с другими игроками и любопытными, и сразу оказывается на базарной площади. Женщины в паранджах несут какие-то тюки, мужчина верхом на осле чуть не наезжает на меня. Тут ко мне подсакивает маленький, грязный, полуголый мальчишка, протягивает руку, просит что-то, видимо, милостыню, а я, то есть он, изо всех сил даю ему затрещину. Мальчишка летит прямо под ноги толпе, а я оборачиваюсь, злобно грожу кулаком в сторону чайханы. А там смеются, показывают на меня, то есть на него, пальцами. Тут мне что-то перехватывает грудь, в районе сердца словно вспыхивает огонь – так становится горячо! – и сон заканчивается... Или вот еще. Я сижу у огня – небольшого, экономного костерка, окруженного аккуратно уложенными неровными камнями. Рядом со мной еще кто-то...

– Одну минуту, Нина Васильевна. Кассета кончилась, я поставлю другую и продолжим.

Несмотря на открытое окно, в кабинете было жарко и душно.

Кончилась еще одна магнитофонная кассета и Нина почувствовала, что силы ее на исходе. Но спать не хотелось – слишком много кофе, слишком много сигарет – и заканчивать она не стремилась. Впервые она рассказывала все. Или почти все. Ей вдруг встретился такой заинтересованный слушатель, что хотелось высказаться как можно полнее, а там – будь что будет! Если он даже не поможет, то хотя бы выслушает.

...Эти трижды проклятые сны начали сниться ей лет с четырнадцати. Первый сон она уже точно вспомнить не могла, но хорошо помнила, как сразу испугалась его – до онемения, до потных ладоней.

И началось. Ни с того ни с сего, вдруг, появились сны, наполненные странным. Она сразу отличила их от простых, привычных и незамысловатых снов, которые легко смотрятся и так же легко забываются. Иногда несуразные, иногда интересные, но всегда незлобивые, смешные своей нелепостью, где все-все как бы понарошку.

Так, забавная и нелепая чересполосица.

К тому времени Нина уже знала, что человек во сне переживает только то, что с ним случилось наяву, а значит, ничего «лишнего» видеть не может и не должен. В очередной научно-популярной книжке она прочитала про человека, который вдруг во сне увидел, что на крыльце дома, где он жил, вместо стеклянного шара появилась большая еловая шишка из меди. Наутро домашние слушали его «вещий» сон и пожимали плечами, переглядываясь. Действительно, несколько дней назад вместо разбитого шара установили новое украшение, ну и что? А то, что этот человек, объяснялось в брошюре, занятый своими мыслями, ходил мимо, но не обращал явно на это внимание. Однако в мозгу тот факт запечатлелся и однажды во сне вдруг всплыл из подсознания.

Нина помнила, как поразил ее тогда этот пример связи сознания и подсознания. Но она-то видела в своих снах нечто *иное*! Да *такое*, с чем в реальной жизни столкнуться никак не могла. Ни под каким видом.

Наутро после таких странных и страшных снов сильно болело сердце, а хуже всего, что под их гнетом Нина ходила по несколько дней подряд.

Долго, года полтора-два она ничего никому не говорила. Однако ж сны не кончались, даже, как ей казалось, становились ярче, конкретнее, продолжительнее, и она рассказала о них матери. Не вдаваясь, впрочем, в подробности, а о многом попросту умалчивая.

Пошли в поликлинику. Возрастное – авторитетно заявила участковая, но все же направила к кардиологу и невропатологу. Сердце нашли в норме, однако легкий невроз все же присутствовал. Попить бромчику, побольше свежего воздуха, заняться активными видами спорта.

«У девочки развитое воображение. Она много читает?»

Читала Нина много.

И, веря без оглядки брошюрным популяризаторам, пыталась понять, откуда все же ворвались в ее сны жуткие сцены казней и пыток, сражений и драк, насилия и убийств. Уже тогда она догадывалась, что и сны мирной тематики, но из той же категории, она, согласно науке, видеть тоже не имела права. Не говоря уж о снах, от которых она наедине сама с собой багровела от стыда и смущения...

– Вы устали, Нина Васильевна. Все, хватит.

– Ничего-ничего! Я могу еще.

– У вас очень утомленный вид. Вот уже круги под глазами, извините... Да-а, замучил я вас.

Она через силу улыбнулась в ответ.

– Машина у меня внизу, у подъезда. Я вас отвезу.

– Не стоит, Павел Филиппович, вы ведь тоже устали. Лучше вызовите такси, пожалуйста.

– Я привык работать по ночам. Отвезу вас, заодно проветрюсь. А вернусь – заново прослушаю все это. – Баринов выключил магнитофон и указал на лежащие рядом кассеты. – Вон сколько интересного вы мне рассказали. Чтобы все осмыслить, тут работы – о-го-го!

– Вы думаете... – Она помедлила. – Вы думаете, что это излечимо?

– Во-первых, я думаю, что лечить здесь нечего и некого. Это не болезнь. Слушая вас сегодня, я только утвердился в этом. А во-вторых... Во-вторых, вас послал мне сам господь наш Саваоф, не боюсь в этом признаться. В общем, будем работать вместе. Согласны?

– Да, но... но я ничего не понимаю!

– Все-все-все! Больше никаких разговоров! С ума сойти – четвертый час! А вам завтра на работу... Вот что, хотите больничный? Я утром позвоню главврачу вашей поликлиники.

– Нет, что вы, что вы! Спасибо, Павел Филиппович, это лишнее. Я завтра могу выйти во вторую смену.

– Ну, как хотите. Тогда созвонимся в субботу. А дома примите вот это. – Баринов пошарил в ящике стола и достал пластмассовую коробочку. – Хорошее венгерское снотворное, вам сейчас надо... И – давайте руку на наше дальнейшее сотрудничество. А?

Нина машинально пожала протянутую руку – по-женски небольшую, но сильную и энергичную.

...В углу гостиной светилось одинокое бра. Все уже, конечно, разошлись. Юрий спал в кресле у журнального столика. Нина подошла к нему и еле сдержалась. Позабывтое глухое бешенство первых лет его загульного пьянства вдруг снова подкатило под сердце, пеленой застлало глаза.

Она беспомощно оглянулась. В дверях стоял Баринов со связкой ключей в руках, легонько покачивая брелком на цепочке. Глаза его были серьезны и полны сочувствия.

Глава 2

1

Старенькая стиральная машина плевалась пеной, надрываясь от перегрузки. На кухне шипели конфорки, булькали кастрюли. По всей квартире резко пахло подгоревшим луком.

Нина спешила.

Сегодня, в субботу, обещал позвонить Баринов, но вот во сколько, они не договаривались. Надо поскорее, с утра, переделать великое множество дел, ведь воскресенье она давно положила для отдыха, заявив домашним, что имеет полное право устроить себе единственный выходной в неделю.

Сережка выпил стакан молока и, прихватив бутерброд, побежал во двор. Она тоже наскоро перекусила. Юра проснется, как обычно, не раньше десяти, а раскачается как раз к обеду.

Она закладывала новые порции белья в машину, торопливо прополаскивала в ванне уже выстиранное и под визгливый вой центрифуги гадала, к каким выводам пришел Баринов после их встречи.

Вчера она почти не думала об этом – работа, работа, работа!.. С ума сойти, как она выматывает, если что-то не заладится. Домой пришла за полночь, но снова приняла снотворное. Спалось на удивление хорошо. Она вполне прилично выпалась, снов не видела вообще никаких и сейчас чувствовала себя свежей, бодрой и готовой ко всему.

Но что скажет Баринов сегодня? Ведь, фактически, она не услышала прошлый раз ничего конкретного. Он слегка обнадежил ее двумя-тремя фразами, и все. Другое дело, что видом, манерами он внушает доверие к себе, к своим словам. И все же, убеждая, что никаких нарушений в психике у нее не находит, был предельно осторожен в выборе выражений.

Ох, если бы можно было ему поверить!..

Она снова строго одернула себя. Нельзя распускаться! Что вернее верного ломает и скручивает любого человека, так это несбывшаяся надежда. Ломает в одночасье! Единственно, что совершенно непереносимо – это разочарование. И поэтому от него надо беречься всеми силами. Поэтому любая вера и надежда – только в крайнем случае...

Сквозь гул машины прорвалась телефонная трель. Тяжелый от воды пододеяльник с плеском полетел в ванну; она бросилась в кухню, споткнувшись в коридорчике о пылесос, и, схватив мокрой рукой трубку, несколько секунд не могла перевести дыхание. Звонил Баринов. Нина попросила сорок минут на сборы.

Когда через час с небольшим она сбежала с третьего этажа, его сиреневый «Москвич» стоял перед подъездом. Нина торопливо нырнула на переднее сидение и, лишь здороваясь, разглядела Баринова.

– Павел Филиппович! – не удержалась она от восклицания.

Контраст был поразителен. Позавчера она видела перед собой абсолютно безупречного джентльмена, теперь за рулем сидел хиппующий молодчик. Потертые джинсы, тонкий реденький свитерок с кожаными нашивками на локтях, сандалии на босу ногу...

– Что-то случилось, Нина Васильевна?

– Да, собственно... нет, ничего. Вы говорили, что поедем в ваш институт...

– Ну да. Покажу вам лабораторию, поговорим. – Трогая с места, он скосил на нее глаза, и Нине показалось, что в них проблеснула изрядная лукавинка.

Петляя по узким дорожкам, выехали из микрорайона. Баринов пошарил сбоку сидения, надел наизюбнейшие темные очки. Нина снова не сдержалась и смешливо фыркнула – приглушенно, почти про себя, но он услышал.

– Веселитесь?

– Вы уж извините, Павел Филиппович, но ваши перевоплощения... Как в цирке, честное слово.

– Да-а? – как-то странно протянул он. – Ничего, привыкайте.

– Снова тест?

– «Встреча по одежке»?.. Согласен, идея перспективная, да только не новая. Кстати, вы цирк любите?

Машины он вел хорошо. Плавно притормаживал перед перекрестками, одним движением выводил ее на нужную полосу, но не лихачил, не старался обогнать всех и вся. Тогда, ночью, на пустых улицах Нина не могла оценить его шоферское искусство. Она всегда с опаской относилась к незнакомым водителям, но тут буквально через несколько минут совершенно успокоилась и просто наслаждалась быстрой ездой.

Пересекли Ленинский проспект, миновали центральный рынок. По сторонам замескали частные домики с купыми приусадебными участками за мощными заборами. Разбитый асфальт заставил сбавить скорость. Нина удивилась: насколько она знала, академические институты располагались в центре, но промолчала. Обогнав окутанный сизыми выхлопами «Беларусь» с вихляющей тележкой, машина свернула в неприметный переулок и через квартал остановилась у небольшого трехэтажного дома в глубине.

На опрятном фасаде в десять-двенадцать окон, прямо над подъездом, красовался слегка выцветший плакат про славу советской науке. Двор, обнесенный высокой металлической сеткой, был чист и опрятен. Перед домом густо толпились деревья, посреди двора уютно устроился небольшой розарий. Под деревьями вились узенькие асфальтированные дорожки, в художественном беспорядке стояли лавочки с гнутыми спинками – небольшие, на троих-четверых, совсем непохожие на те неопрятные мастодонты, что распаханы по паркам и скверах города.

Баринов своим ключом открыл ворота и проехал неширокой аллеей справа от дома. На заднем дворе, тоже зеленом и аккуратном, выстроились в ряд несколько небольших беленых флигелей в два этажа и гараж с красными воротами. Чуть в стороне стояло странное здание – приземистое, без окон, с бронированной дверью, как в бомбоубежище. Баринов затормозил прямо перед ним. Слева от двери на гладкой стене выделялась синяя стеклянная табличка «Лаборатория сна Киргизский филиал НИИЭМ АН СССР».

Если Баринов ожидал священного трепета неопита, то напрасно. Нине по роду занятий не привыкать к электронике. Собственно, ей приходилось временами даже скрывать невольную улыбку: до такой степени примитивно выглядело большинство приборов, которые с гордостью демонстрировал Баринов. Памятуя про чужой монастырь, она вежливо слушала объяснения, невольно отмечая непрофессиональный лексикон, когда он вдруг пытался рассказать принцип действия какого-нибудь прибора.

С гораздо большим интересом она разглядывала обстановку места отдыха, «дежурку», как назвал ее Баринов. Занимала она три небольшие комнатки анфиладой в дальнем углу здания, единственные, кстати, с окнами. Во всем же здании окна были заложены кирпичом, заштукатурены и забелены, и угадывались только по нелепо торчащим из стен подоконникам. Как пояснил Баринов, по всем стенам, по потолку, даже под полом была проложена металлическая сетка, надежно экранирующая от наружных электромагнитных полей.

«Дежурка» Нине понравилась.

То, как обставлялись, оборудовались комнаты отдыха в учреждениях с круглосуточным режимом работы, прямым образом говорило об отношении руководителей к своим сотрудникам, об атмосфере, в них царившей. Уж Нина-то прекрасно знала об этом на примере не только своего вычислительного центра, случалось бывать в ВЦ многих городов и ведомств.

Здесь все было по высшему разряду. Две задние комнаты с мягкими диванами, шкафами, столами и стульями, служили спальнями. Передняя была разделена функционально на две части. На одной половине стоял цветной телевизор, круглый стол с мягкими полукреслами, небольшой книжный шкаф. На другой – кухонный уголок за ширмой, оборудованный двухконфорочной электроплиткой, электрическими самоваром и кофеваркой, двумя холодильниками и сервантом с посудой. Симпатичные обои, шторы на окнах им в тон, общие светильники на потолке и настенные бра, палас на полу... да чем не домашняя обстановка?

Нина не удержалась и, когда выходили из «дежурки», спросила словно мимоходом:

– Коллектив у вас женский?

Баринов прекрасно ее понял, хмыкнул, но ответил почти исчерпывающе:

– В основном – да. Но присутствуют и особи мужского пола в количестве одиннадцати человек, включая вашего покорного слугу.

Пока ходили по комнатам, воздух заметно посвежел. Нина догадалась, что Баринов включил кондиционер.

– Ну вот, Нина Васильевна, основное мое хозяйство, которое представляет для вас непосредственный интерес, мы осмотрели. Остальные лаборатории, а также операционная, виварий с собачками и парой обезьян, мастерская располагаются в домиках по соседству. Заходите – при случае посмотрите. Для вас вход везде свободный. Мой кабинет, кабинет зама, архив и библиотека – в административном корпусе... Что скажете?

– Что я могу сказать? – Она пожала плечами. – Я, собственно, никогда не бывала в таких местах... Интересно, конечно.

– И все?

– Не только. Кое-что даже понятно.

– Это же прекрасно! – Он смотрел прямо и открыто, и улыбался, прищурив глаза. Нина подумала, что смутить его не так-то просто.

Они сидели в самой большой комнате, главной, как догадывалась Нина. Ее назначение она не знала: в самом начале экскурсии они прошли через нее, не задерживаясь. Задняя стена была задернута от потолка до пола пестренькими занавесками, за ними угадывались небольшие кабинки, словно в физиопроцедурном кабинете поликлиники. По двум углам стояли несколько письменных столов, стены занимали стеллажи и глухие шкафы, а оставшееся место посредине – длинные массивные лабораторные столы с приборами.

– Ну-с, начнем, пожалуй! – Баринов нервно потер руки и Нина удивленно посмотрела на него – он явно волновался, что было на него не похоже...

Хотя – почему не похоже? Она видит его всего второй раз, какие можно делать выводы о его привычках, натуре, склонностях? Да и вообще, с какой стати озабочиваться его самочувствием? Это он должен думать о ее самочувствии, она – больная, он – врач... Но тут же пришла в голову мысль, что за последний час она ни сном ни духом не вспоминала о том, что привело ее сюда, и она несколько смутилась. И испытующе бросила на него взгляд: не догадался ли? Но Баринов был занят своими мыслями, пришлось кашлянуть, чтобы напомнить о себе.

– Да, так вот, – он тряхнул головой, словно прерывая раздумья, но начал бесцельно перекладывать на столе листы бумаги, блокноты, карандаши. – Так вот, Нина Васильевна, такая получается штука... Я так понимаю, вам нужно серьезно обследоваться. Здесь, у меня. В этой лаборатории.

«Вот так! – Нина почувствовала, как у нее внутри зародился противный холодок и колючим онемением разбежался по телу. – Вот так!..»

А следом за холодным онемением ее охватила такая слабость, что невозможно было пошевелить даже пальцем. Нечто подобное она уже однажды испытывала...

Да, это случилось на первом году после окончания института. Попутным грузовиком она возвращалась от родителей в деревню, где работала в школе. Весенний раскисший грей-

дер чуть присыпал свежий утренний снежок, и вдруг прицеп, подпрыгнув на ухабе, попал задним колесом в кювет. Нина видела, как змейкой по льду глубокого кювета пробежала вперед трещина. Грузовик дрогнул, вильнул вправо, потом влево, снова вправо и как-то по-особому мягко, осторожно лег на бок. Хрустнул лед, ржавая, жгуче-холодная вода хлынула с ее стороны в кабину. Водитель, ухватившись за баранку, болтался где-то высоко вверх, его глинистые сапоги беспомощно елозили по ветровому стеклу. Из-под скособоченного сидения вывалились тяжелые инструменты в промасленной тряпке и ударили ее по голове, сбив беретку. Страха не было, была отстраненность мышления и напряженность воли и тела.

Потом она не могла вспомнить до подробностей, до деталей, как выбиралась из кабины. Отчетливо помнила себя лишь с момента, когда, поддержнув узкую юбку, спрыгнула с нелепо торчащего переднего колеса на развороченную, скользкую глину грейдера, прошла несколько шагов назад и – села прямо на груды красного кирпича, вывалившегося из кузова... И вот тогда, точно как сейчас, холод, зародившийся в груди, слабостью и онемением прошел по телу.

«Господи, да что же со мной делается?» – подумала она растеряно и вдруг, словно отдав последний долг рационально-холодной и аналитической части своего разума, испугалась невыносимо – до последней клеточки тела, до последней молекулы мозга.

– Но как же так?! Ведь вы... вы же говорили...

– Что я говорил?... Что с вами? Страшного ничего нет, я же не предлагаю вам ничего экстраординарного, – Баринов встал и, заложив руки за спину, отошел к стеллажам. – Просто я хочу, чтобы между нами не было никаких неясностей, – добавил он уже оттуда.

– Павел Филиппович! Но я же... – У нее перехватило дыхание. – Но вы же говорили! Вы же обещали помочь!.. Помогите мне! Помогите!.. Прошу вас...

«На коленях прошу!» – простонала она про себя, даже сделала движение вперед, туда, к нему, но удержалась, ощутив внезапно такой резкий стыд, что слезы моментально высохли, не успев появиться.

И тут же отчетливо поняла – где-то там, в затаенных уголках сознания, – что все равно не верит в самое страшное, что должно случиться с ней, иначе без всякого стыда грохнулась бы сейчас на колени. Но там же, в тех же самых закоулках сознания возникла и ехидная мысль, что просто сработал тормоз хомо сапиенса, заговорило ее истинное «я», проявилась гордость в чистом виде, такая никчемушная и смехотворная в ее теперешнем положении. Ну что ж, так тебе и надо, дура набитой, на, получай, превращайся в недоумка, в бездумную, слюнявую идиотку, сходи с ума... или же проси его, умоляй, кидайся в ноги. Ну же! Где твой инстинкт самосохранения?.. Ну!.. Стиснув зубы, она невольно застонала – громко, протяжно.

Баринов стремительно повернулся от стеллажей и шагнул к Нине. Резко остановился почти вплотную, хотел что-то сказать, но увидев ее лицо, замер. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу.

– Нина Васильевна!.. – Баринов словно поперхнулся. – Нина Васильевна... Что с вами? Вам нехорошо?... Это я, я должен просить вас – помогите мне!.. Одну минутку, погодите, я сейчас!..

2

В странных снах была чужая, неведомая жизнь.

Сейчас, наедине с собой, она иногда усмехалась и думала, что часть странностей, похоже, перекочевала из снов в явь. С той ли памятной субботы, то ли еще раньше, с вечера четверга, но как бы то ни было, жизнь третий раз делала крутой поворот, выходя на новую дистанцию.

До сих пор ей становилось не по себе, она испытывала пронзительное и неприятное чувство душевного дискомфорта, если ненароком вспоминала ту субботу. Ничуть не утешало, что

Баринов наверняка с похожей внутренней неловкостью вспоминает тот нелепый день, когда они так блестяще запутались в трех соснах, не понимая друг друга, но вызывая друг к другу о помощи.

Первый и последний раз Нина видела его растерянным и суевающимся. По совести, видик у нее, должно быть, был неприглядный, когда Баринов выволок ее, бьющуюся в элементарной истерике, на свежий воздух, усадил на скамейку, а сам ринулся назад за шприцем...

Потом, слава богу, она довольно быстро пришла в норму. Умылась в душевой лаборатории, причесалась, заново накрасилась.

Настоящий разговор состоялся уже у Баринова в кабинете.

Беспрестанно поддерживая растянутые рукава свитера, он быстро сварил кофе, достал из шкафа чашечки тончайшего фарфора, печенье «курабье»... Но долго не мог подобраться к теме, все ходил вокруг да около, пытаясь развлечь ее историями институтского фольклора.

Случаи он рассказывал, бесспорно, забавные, массивное кожаное кресло было удобным, кофе просто великолепным... Но Нина, перебив на полуслове, спросила в лоб:

– Значит, Павел Филиппович, вы гарантируете?

Баринов улыбнулся и покачал головой.

– Полную гарантию, и это знал еще Остап Бендер, не дает даже страховой полис.

Но она, поставив чашку на разделяющий их журнальный столик, смотрела строго и требовательно, и он собрался, стал серьезным.

– Все, Нина Васильевна, все, больше не буду... Еще кофе?

– Нет, спасибо.

Он откашлялся.

– Если откровенно – генезис ваших снов для меня совершенно неясен. Но! – Он смотрел ей в глаза. – Будем до конца откровенны и в другом: психика ваша абсолютно в норме. Абсолютно! – подчеркнул он голосом и жестом. – В том качестве, в каком вообще можно говорить об абсолютно нормальной психике. Поэтому давайте договоримся сразу: думать на данную тему больше не будем. И затрагивать ее тоже. Никогда. Эту гипотезу мы отмечаем как несостоявшуюся.

Нина послушно кивнула.

– Вот и хорошо, вот и славно. Теперь так, – Баринов на минуту задумался, глядя в сторону, и Нине представилось, как он читает лекции студентам. Если читает, конечно.

– Павел Филиппович, вы преподаете?

– Что?.. А-а, да, у меня спецкурс в мединституте. Восемьдесят часов, на большее нет времени. А раньше читал – курс психологии. Но это не важно. Ваши сны... Фантазмагория, честное слово! Я все забросил, несколько раз прослушал ваши записи... Ну, об этом потом. Итак, сон – вообще одна из величайших загадок природы. Последние пятнадцать-двадцать лет я занимаюсь главным образом и исключительно механизмом сна и сновидений в частности. Вот почему мне так важна ваша помощь, Нина Васильевна. Вы видели, в лаборатории за ширмами стоят пять кроватей. На сегодняшний день мы имеем неплохую статистику: почти восемьсот человек в общей сложности набрали здесь свыше двадцати тысяч, так сказать, «человеко-ночей». Приходят добровольцы, спят, а мы обвешиваем их датчиками, и ночи напролет пытаемся выяснить, что же все-таки происходит с человеком во время сна... Да, конечно, сон – это глубокое торможение, наступающее в коре головного мозга. Это вы еще в школе проходили. Но уверяю вас, ни одна монография в мире не скажет о сне ничего более конкретного. Частности – да, но конкретно – нет... Ведь сон – это далеко не общий отдых организма. Напротив, активность мозга во время сна зачастую многократно превосходит дневные уровни бодрствования. То, что мы называем сном – это самый сложный непрерывный процесс, и он характеризуется особыми фазами, которые сменяют друг друга. Кстати, искусственный сон, вызванный препаратами, совершенно неравноценен сну естественному. И последнее, что обязательно надо

сказать. Видеть сны жизненно необходимо. Сон без сновидений приводит к серьезным нарушениям психики... Вообще можно выделить пять фаз сна. Сначала это переход от бодрствования к первому легкому сну, через несколько минут начинается нормальный сон, а примерно через полчаса наступает первый глубокий сон. В следующей стадии бессознательное состояние становится глубже. И через какое-то время вдруг возникает новая фаза, сопровождающаяся повышенной активностью мозга. Мало того, что мозговая деятельность усиливается, у человека повышается кровяное давление, учащается пульс, увеличивается частота дыхания и, соответственно, расход кислорода. Наступает так называемая фаза «парадоксального сна». Именно в эти минуты человек видит собственно сон. Если его разбудить, он сможет рассказать, что ему снилось. Если же он проснется спустя какое-то время после окончания этой фазы, то почти всегда забывает большую часть того, что видел... В сущности, «парадоксальный сон» настолько далек от наших представлений о ночном отдыхе организма, что впору говорить о трех состояниях сознания человека: сон, бодрствование и «парадоксальный сон». Вот как они далеки друг от друга!.. Я не утомил вас своей лекцией?

– Нет-нет, Павел Филиппович! В конце концов, – она улыбнулась, – все это некоторым образом меня касается.

Нельзя сказать, что Нине эти сведения были совсем уж в диковинку, но временами казалось, что все это она слышит впервые: одно дело – узнавание из книг, совсем другое – из живого рассказа специалиста.

– Впрочем, это вам должно быть знакомо, – Баринов словно читал ее мысли. – Не такой вы, мне кажется, человек, чтобы не поинтересоваться, отчего видят сны. Небось, и Павлова, и Сеченова проштудировали, до Бехтерева добрались, весь наш современный «научпоп» изучили.

– Что? – не поняла Нина. – Какой «поп»?

– Научно-популярная литература, то есть. Читали ведь?

– Естественно. И даже до солидных трудов добиралась. Мало что поняла, конечно, образование не то.

– Так-так, молодцом, ей богу... Но – побоку популяризаторщину, ближе к делу. Думал я, думал, Нина Васильевна, над вашими прекрасными видениями и, каюсь, заподозрил поначалу самую обыкновенную буйную и неконтролируемую фантазию. Однако, по зрелым размышлениям эту гипотезу благополучно, так сказать, похерил... И вынужден был под давлением фактов, извините, признать, что все достаточно серьезно и заслуживает самого пристального внимания и изучения. Поэтому давайте-ка мы с вами сейчас сообща порассуждаем... Итак: сны ваши вполне реальны и объективны как явление – никакой мистики, никакой фальсификации. Принимаем за основу, иначе работать смысла никакого. Но если мы имеем дело с нечто реальным и объективным, значит, это нечто можно изучать так же реально и объективно... Само содержание снов, боюсь, мало что нам даст. Разве что богатейшую пищу для сногшибательных гипотез во вне рабочее время. Я считаю, что главная работа должна вестись в области физиологии и биохимии. Сначала возьмемся за самое простое. Первое – выясним фазы вашего сна, обычного сна, нет ли каких отклонений от нормы. Не берусь загадывать, но вдруг все аномалии из-за нарушения, скажем, цикличности этих фаз? У взрослого человека в среднем сновидения, то есть фаза «парадоксального сна», составляет около двадцати процентов. Вот и выясним, нет ли отклонений здесь. Второе. Попытаемся выявить фазу сна, ответственную за *ваши* сновидения... Кстати, не мешает их обозвать как-нибудь по научному, а то начнем путаться с терминологией... Дальше. Алкоголь, снотворные, разного рода успокаивающие средства вызывают обычно резкие нарушения в соотношениях фаз – в основном, сокращают «парадоксальный сон» по времени. Наблюдается, так сказать, разбалансировка. Попробуем их. Четвертое. Есть кое-какие препараты, что наоборот, увеличивают его продолжительность. И их

попробуем... Кстати, не боитесь? Препараты-то довольно известные своей скандальностью, особенно диэталамид лизергиновой кислоты. Слышали?

– Нет, не приходилось.

– Ну, а мескалин?

– Что-то припоминаю. Вызывает галлюцинации, да?

– Точно так. Мескалин, псилоцибин – очень сильные галлюциногенные вещества, собственно говоря, наркотики, получаемые из мексиканского гриба. А диэталамид – это ЛСД-25, попросту – ЛСД.

– Вот оно что! Но о нем пишут совершенно жуткие вещи.

– Правильно пишут. ЛСД – исключительно мощное и, на сегодняшний день, самое точное психотропное оружие. Но одновременно и отличное лекарство. И совершенно невероятной силы наркотик.

– К нему тоже привыкают?

– Не беспокойтесь, Нина Васильевна, не в моих интересах делать из вас наркоманку. Кроме того, я сам его пробовал.

– Ну и как?

– Страшная штука, доложу я вам. Налицо полный распад личности и сознания, шизофрения чистейшей воды, как мы ее представляем. Поразительнейшие по силе галлюцинации, совершеннейшая потеря всякого представления о пространстве и времени. И учтите, все это на фоне крайней эйфории... Ты свободен от всех забот и обязанностей, от тревог и сомнений, для тебя нет ни долга, ни сомнений, любое уродство прекрасно, любая какофония – райская музыка... Словом, живым на небо попал. Но зато потом... Ох, потом не возрадуешься! Из рая – прямиком в ад. Тоска, беспричинный страх – и это еще цветочки. Тебя охватывает предчувствие чего-то ужаснейшего, что произойдет с тобой вот-вот. Оно неотвратимо приближается, ты это твердо знаешь, но не в силах ничего изменить. Оно все ближе и ближе, и, наконец, ты валяешься в пропасть. Она засасывает тебя в свою бездну долгие миллионы лет, ты чувствуешь, что и это еще не все, что главный ужас впереди... А потом – полнейшая апатия. Ко всему.

– И вы через это прошли? Зачем?

– Не могу же я пользоваться своих добровольцев тем, чего не попробовал сам. Нечестно как-то, знаете ли.

– Да-а, приятные перспективы...

– Ну-ну, Нина Васильевна, не принимайте слишком близко к сердцу. Пугать я вас не собирался. Все эти ощущения чисто индивидуальные. Кроме того, мне показалось, что вы предпочитаете иметь глаза открытыми.

Нина улыбнулась.

– Теперь мой черед вас успокаивать?

Баринов напряженно кивнул.

По его скованности, по тому, как он быстро отвел глаза, Нина поняла, насколько важен для него сегодняшний разговор, будущая работа. Правда, неизвестно, принесет ли это хоть какую-то пользу непосредственно ей... Но если есть хотя бы ничтожный, маленький шанс...

Нина помнила, что о ней самой Баринов не сказал ни единого словечка. Вернее, он ни разу не забылся и не пообещал не то что исцеления, но даже сколько-нибудь облегчения в ее ситуации.

Что ж, судя по всему, разговор пора заканчивать. Вот только прояснить для себя еще пару принципиальных моментов.

– Можно вопрос?

– Да, конечно, Нина Васильевна. Ваше право. Хоть сто.

– Павел Филиппович, меня привело к вам, как вы понимаете, одно-единственное желание. Сами вы захвачены наукой, а что достанется мне? Что дадут *мне* ваши исследования? Извините, я без всяких экивоков, напрямик, но для меня... Вы понимаете?

– Да-да, разумеется! Понимаю и принимаю. Спасибо за откровенность, Нина Васильевна, за то, что вы сами вот так – быка за рога. Я как-то... Боялся, что ли... Отвечу так же откровенно: не знаю. Если бы знал, сказал бы сразу, не дожидаясь вопроса. Повторю: *не знаю*. Но – надеюсь узнать. Очень хотелось бы сказать: «Успокойтесь, Нина Васильевна, через два-три месяца будете спать сном младенца». Но сейчас – не могу. Вообще ничего не могу сказать, поверьте. Надо сначала понять причину, корень, суть явления. Потом – искать средство, ликвидирующее причину. Все очень и очень непросто. Во-первых, мы можем не найти причину. Во-вторых, даже найдя ее, можем не отыскать средство. Поэтому – вам решать. – Он вздохнул и энергично хрустнул пальцами рук. – Настоящий врач, я имею в виду лечащего врача, а не такого как я научного дятла, обязан в силу гуманности профессии быть великим утешителем и правдивым обманщиком. А я так не умею. Мне даже кажется, что в большинстве случаев человеку следует говорить только правду. И без умалчиваний, ибо умалчивание – наихудшая ложь... Ну вот, а теперь решайте. Сколько вы потребуете на размышления? День? Два? Неделю?.. Я подожду.

– Мне выбирать не из чего.

– Стоп, стоп! Альтернатива есть всегда. Здесь, со мной – работа на полном серьезе, в перспективе – возможное понимание себя. В другом месте – лечение наобум Лазаря, которое, тем не менее, может случайно помочь. И третий вариант: оставить все как есть. Ведь вы, в конце концов, не больны.

– Именно этого-то мне и не хочется! Ни лечения вслепую, ни, тем более, продолжения прежней жизни. Хватит, сыта по горло... Так что, уважаемый Павел Филиппович, – она напряженно улыбнулась, – не оставьте своей милостью. Не будем ждать ни недели, ни даже дня. Согласна с вами работать, согласна глотать ваши таблетки и обвешиваться датчиками. Обещаю быть примерным и послушным кроликом. Если нужно где-то что-то подписать – давайте.

– Спасибо, Нина Васильевна.

– Но одно условие...

– Да-да, конечно, я вас слушаю.

– В общем, так, Павел Филиппович... Я, разумеется, не специалист, десятой доли не пойму, но все же... Словом, я прошу ничего от меня не скрывать. Хорошо?

Баринов встал.

– Обещаю вам. Моего слова достаточно?

– Да.

– Слово я вам даю. Ни один вывод, вас касающийся, от вас скрыт не будет... А теперь – еще по чашечке кофе, и наметим, с чего начнем.

– Завтра?

– Нет, с понедельника.

Нина была достаточно умудрена жизнью, чтобы ждать чего-то необычного и особо интригующего от начала их совместной работы. К словам – по поводу их именно «совместной» работы – она с самого начала отнеслась скептически. Какая тут работа с ее стороны! Подопытная морская свинка, уважительно именуемая добровольцем – вот какие ее функции.

Люди в лаборатории Баринава подобрались на удивление неплохие, по крайней мере, на первый взгляд.

Собственно, Нина не по-женски всегда предпочитала видеть в человеке с самого начала что-то хорошее, зачастую даже закрывая глаза на какие-то не нравящиеся черты характера или манеру поведения. Нередко это выходило ей, как говорится, боком, но она не слишком огор-

чалась: все мы люди, все мы человеки, и ничто человеческое нам не чуждо. Если в принципе какие-то недостатки могут быть у людей вообще, то почему бы им не оказаться у данного, конкретного человека?.. Поэтому она большей частью предпочитала мириться с таким положением, стараясь уживаться со всеми людьми, с которыми вынужденно сталкивала жизнь, чем бессмысленно сетовать на неприятное соседство. Принимать окружающих как они есть – это и проще, и спокойнее.

«Работа» поначалу казалась нетрудной, даже приятной. Тем более что за нее, оказывалась, еще и платили: по пять рублей за ночь.

...К половине одиннадцатого вечера Нина появлялась в лаборатории. Через полчаса, опутанная проводами, оклеенная датчиками, она ложилась спать в персональной кабинке. Больше от нее ничего не требовалось – только семь-восемь часов крепкого, здорового сна.

Утром она минут на сорок появлялась дома, кормила Сережку и мужа. Удивительное дело, у нее почему-то появилось даже немного свободного времени – по сравнению с прошлым. На Юру она переложила только два дела: вымыть посуду и проследить вечером, как Сережа уснет, а укладывала сына в постель она сама.

Ночи на субботу и воскресенье Нина проводила дома и кошмарно не высыпалась, хотя старалась все равно взять свои восемь часов сна.

Глава 3

1

Новизна быстро кончилась, настали будни нового образа жизни.

Юре уже через неделю приелось заглядывать сочувственно в глаза, лишь только она переступала утром порог, и спрашивать проникновенно, чуть не со слезой: «Ну, как? Выяснили, в чем дело?»

Баринов вышел проводить ее к автобусу.

Утреннее солнце сидело на крышах домов. Розы в цветнике пахли все сильнее, наполняя ароматом небольшой, закрытый со всех сторон кустарниками и деревьями двор.

Вопреки уверениям, что работать он привык в основном по ночам, выглядел Баринов неважно. Нина про себя даже пожалела его. Чего ради так изводиться? Неужели мало сотрудников, или он им не доверяет? Или думает прямо вот так, с ходу, понять и объяснить то, что с ней происходит?..

Они шли неторопливо, перебрасываясь округлыми, ничего не значащими фразами – небо сегодня будто вымытое; а дышится-то как хорошо ранним утром; да, жары пока нет...

На безлюдной остановке он, не дожидаясь автобуса, протянул руку:

– До свидания, Нина Васильевна.

– До свидания, Павел Филиппович. До вечера.

– Да, до вечера. Только я хочу вас попросить – приходите сегодня пораньше, пожалуйста.

На часик. Сможете?

– Конечно.

– Вот и прекрасно. – Он улыбнулся, кивнул и пошел назад.

Нина смотрела ему вслед. Усталой походкой он шел по свежеподметенному и вымытому асфальту, слегка сутулясь и чуть заметно приволакивая правую ногу.

В его кабинете появился узкий и высокий шкаф.

Демонстративным движением Баринов открыл перед ней глухую полированную дверцу, из шкафа противно дохнуло новой мебелью. В темном и пустом чреве на средней полке сиротливо приютились две небольшие картонные коробки и красная коленкоровая папка для бумаг.

– Этот глубокоуважаемый шкаф для вас, Нина Васильевна. Вернее, для материалов вашего обследования. А вот и первые ласточки.

Внутри коробок лежали рулоны линованной бумаги из самописцев.

– Итак, что мы имеем на сегодня, – развязывая тесемочки папки, Баринов опустился в кресло. – Ваш сон, как вы знаете, мы фиксируем по тридцати двум каналам телеметрии. Пишем ваши энцефалограммы, кардиограмму, замеры температуры и биопотенциалов на отдельных участках тела, еще кое-что. Словом, почти полный набор параметров, которые мы можем не только замерить, но и худо-бедно понять и объяснить. Мы с вами отработали двенадцать ночей, в общей сложности около ста часов чистого сна. Здесь, – он похлопал ладонью по красной папке, – здесь протоколы. Помня наш уговор... Будете сами читать, или мне лучше коротенько прокомментировать, что и как?

Нина неопределенно пожала плечами.

– Ну, хорошо, – он раскрыл папку и, повернув, пододвинул ее по гладкой поверхности стола к Нине.

«Протокол №1, опыт 24/84.» – Прочитала она. – «Испытуемый: Афанасьева Нина Васильевна, 34 года. Ответственный за опыт: ст. лаборант Костикова Л. Начало: 23 часа 11 минут 28 мая. Конец: 7 часов 02 минуты 29 мая.»

Дальше шел перечень аппаратуры, потом сплошная таблица с десятком граф. Понятны были только две – «Время» и «Примечания». Шапка протокола и графы таблицы были заполнены одним почерком, по школьному округлым и аккуратным. Нина наугад прошлась по примечаниям, выхватывая отдельные фразы: «повернулась на правый бок», «левой рукой поправила одеяло», «два раза кашлянула»...

– За мной наблюдают? – Нина подняла голову.

– Да, конечно. Разве я не говорил? Кроме снятия телеметрии на первых порах ведется и непрерывное визуальное наблюдение.

– Впрочем, – Нина облокотилась о стол, – какая разница. Назвался груздем... Рассказывайте, Павел Филиппович, что уж там.

– Разрешите, – Баринов осторожно потянул папку из-под ее рук. – Вот здесь, в конце, выводы. И вот такая закавыка получается, дорогая Нина Васильевна: ничего интересного мы у вас не обнаружили. Ни-че-го!.. Абсолютно все в норме – начиная от артериального давления и кончая режимом потоотделения. Во время сна, разумеется. Нормальней нормального, хоть в космонавты! Отклонений никаких. На энцефалограммах совершенно четко прослеживаются все пять фаз, включая и фазу сна «парадоксального». Косвенным путем это подтверждает и другая телеметрия. Будить вас, чтобы получить прямое подтверждение, на начальном этапе не стали. Вы за это время не видели ни одного «вашего» сна?

– Нет. Я бы сказала.

– Нет-нет, это я так, чисто риторически... Так вот, «ваших» снов вы не видели, все они были обыкновенными. Однако сто часов – уже статистика. Поэтому я решаю первую серию экспериментов на этом закончить. Контрольную, тоже из двенадцати ночей, проведем позже, а сейчас начинаем следующий этап. Попробуем воздействовать на вас химией.

– ЛСД?

– Нет, пока рановато. Пока более приятное. Или – менее неприятное, формулировку выбирайте сами, – усмехнулся Баринов. Он посмотрел на часы. – Итак, двадцать два тридцать пять.

Он достал из тумбы стола широкогорлую мензурку. Из холодильника появилась бутылка апельсинового сока, блюдечко с нарезанным лимоном и колба с бесцветной жидкостью. Все это он поставил перед Ниной и, сделав приглашающий жест, сказал:

– Прошу вас.

– Что это?

– *In vino veritas**. Перевести?

– Не надо. Но зачем?

– Требуется немного расшатать вашу нервную систему. Начинаем с самого простого, но эффективного – алкоголя. Мы говорили об этом. Так вот, в программе второй серии вы будете в течение двух недель принимать по пятьдесят граммов спирта за полчаса до сна. А даже легкое алкогольное отравление резко нарушает работу головного мозга, вот мы этим и воспользуемся. Как говорится, начинаем гонять ваш мозг на разных режимах.

– Я ведь предупреждала, Павел Филиппович, сны мне иногда не снятся месяцами, а иногда я вижу их по два-три за неделю.

– Ничего, ничего, Нина Васильевна. Мы люди терпеливые, будем работать – результат появится... А тут не беспокойтесь, все по науке. Чистейший спирт, медицинский.

– Я вообще-то...

– Тогда я вам разбавлю. Фифти-фифти, пятьдесят на пятьдесят.

Серия «пьяных» ночей закончилась тоже ничем. Нина стала даже чувствовать определенную неловкость своего положения, чуть ли не вину, что вот, мол, отвлекает она занятых людей от дела, а результатов – ноль. К Баринову с такими мыслями она обратиться не посмела, но как бы ненароком, «кстати, о музыке», поделилась ими с Александрой Васильевной, его заместителем.

Нину готовили ко сну – оклеивали датчиками, брали кровь из пальца, измеряли давление... Александра Васильевна стояла, наблюдая, рядом.

– Ниночка, успокойтесь, пожалуйста, и не берите в голову, – строго и внушительно сказала Александра Васильевна, сразу все поняв. – Мгновенных результатов в науке не бывает. Наработаем статистику – тогда и поговорим.

2

Следующая неделя была объявлена контрольной. Ночь на понедельник прошла обыкновенно, а утром во вторник Нина смогла по протокольным записям узнать, как *это* выглядит со стороны.

...Дежурила Сталина Ивановна, пожилая полноватая женщина. Она работала у Баринова с незапамятных времен и слыла самой опытной лаборанткой. С первых дней она почему-то прониклась к Нине неприкрытой симпатией, окружила ее такой заботой и вниманием, что поначалу это даже настораживало. Однако довольно быстро Нина научилась воспринимать ее достаточно безболезненно, в том числе, и в больших дозах. Сталина Ивановна любила и умела поговорить, и, говоря обо всем, талантливо умела не сказать, практически, ничего. А Нина и раньше замечала, что люди избыточно, так сказать, разговорчивые, вызывают больше доверия, чем молчуны. Пусть их зачастую меньше уважают, но зато и меньше опасаются – трудно предположить, что у болтунов могут быть еще какие-то мысли, кроме тех, что они беспрерывно исторгают.

Нина уже не испытывала неловкости от того, что спать приходится ложиться не дома, не в гостинице или пансионате.

Две молоденькие лаборантки закончили свои дела и ушли. Сталина Ивановна прервала очередной обзор последних событий, еще раз проверила крепления датчиков, заставив Нину повернуться с боку на бок, запустила самописцы и, пожелав спокойной ночи, выключила верхний свет. Сама же монументально устроилась в кресле у столика вблизи изголовья кровати, поправила ночник, чтобы он светил только на раскрытый лабораторный журнал, налила из громадного термоса свою первую чашечку крепчайшего кофе без сахара...

Логично полагая, в два часа двадцать четыре минуты пополуночи она сидела в той же позе, когда заметила, что дыхание Нины резко участилось. Следом за дыханием стал меняться пульс. Почти стенографически она делала записи в журнале, аккуратно фиксируя в соответствующей графе время – с точностью чуть ли не до секунды – и не забыла дать сигнал в «дежурку», что происходит нечто, выходящее за рамки обычного.

«...повернулась с правого бока на спину. Кулаки сжаты, мышцы тела напряжены. Лицо заострилось и неподвижно. Кожные покровы на руках побелели, на лице появляются области покраснения – на скулах и на лбу. Дыхание частое и прерывистое. Впечатление нарастающих каталептических явлений. Испытуемая стонет – длительно и протяжно. Веки плотно сжаты, глазные яблоки неподвижны... Продолжительный громкий стон... Резко меняется ритм дыхания – до 5—7 вдохов-выдохов в минуту. Пульс – примерно 130—140... Тело напряжено и неподвижно... Испытуемая делает глубокий выдох и открывает глаза. Зрачки на свет реагируют, испытуемая в сознании. Мышцы полностью расслаблены, кожные покровы постепенно приобретают естественный цвет. Общая слабость, испарина. С трудом может пошевелить пальцами рук. На вопрос: „Как себя чувствуете?“ – шевелит губами, пытается что-то

ответить. Пытается улыбнуться, поднять правую руку. Вялость и незавершенность движений... Закрывает глаза. Мышцы лица расслаблены, глазные яблоки подвижны... Открывает глаза, еле слышно просит позвать П. Ф. Баринова...

Дальнейшее Нина знала без «Примечаний» и запомнила, несмотря на состояние, прекрасно.

Разогнав темноту, вспыхнули неяркие матовые светильники, лаборатория наполнилась движением. Нина и не подозревал, сколько людей ночи напролет ждут ее снов. Баринов оказался тут же. Он не командовал, а неподвижно стоял за входом в кабинку, его сотрудники знали свое дело.

Уже потом, задним числом, Нина поняла, что суэта вокруг нее была обманчива, казалась таковой лишь для непосвященного. Ее осмотрели и обстучали со всех сторон, проверяя рефлексы и еще что-то, быстро и точно взяли кровь из пальца и из вены – и все это не снимая датчиков.

Она едва успевала повиноваться коротким приказам: «Дышите... Не дышите... Повернитесь... Теперь направо... Закройте глаза... Откройте... Руки вперед... Ноги согните в коленях...» Так же внезапно, как появились, сотрудники лаборатории исчезли, остались только Баринов и Сталина Ивановна.

Нина в изнеможении лежала навзничь, из-за дикой слабости не в состоянии двинуть пальцем. Однако эта слабость была настолько хорошо знакома по прежним подобным пробуждениям, что на нее можно было не обращать внимания. Морально же она чувствовала себя на редкость неплохо и подумала, что дело, видимо, в том, что сон пришел на этот раз тут, в лаборатории, под наблюдением. Прежние страхи куда-то делись, хотя, если вдуматься, ровным счетом ничего не изменилось. И где-то глубоко теплилась наивная надежда – вдруг сейчас, сию минуту все станет на свои места. Вот-вот Баринов улыбнется, наклонится к ней и скажет: «Поздравляю, Нина Васильевна! С вами все ясно. Завтра начинаем курс лечения – и через месяц как рукой снимет!»

Она постаралась улыбнуться и спросила слабым голосом:

– Ну, как, Павел Филиппович? Успели зарегистрировать? Или придется еще один сон смотреть?

– Да-да, конечно! – торопливо и невпопад ответил он и, пододвинув стул, сел у изголовья. – Как вы себя чувствуете?

– На редкость паршиво, если честно, – помедлив, призналась она. – То есть, как обычно в такие моменты. Словно всю ночь на мне черти воду возили... А который час?

– Около трех. Скажите, есть разница по сравнению с прежними случаями?

– Как вам сказать... Объективно – ни малейшей.

Баринов пристально посмотрел на нее.

– А вот субъективно... Понимаете, Павел Филиппович, – она понизила и без того слабый голос, так, что ему пришлось наклониться, чтобы расслышать. – Понимаете, сегодня я первый раз не боюсь этих снов.

Баринов выпрямился и посмотрел на Сталину Ивановну. Та встала, закрыла журнал, подошла к Нине, заботливо поправила подушку и вышла, плотно задернув за собой занавеску. Баринов взял Нину за руку и легонько пожал.

– Понимаю, Нина Васильевна. Спасибо... Вот и не верь в предчувствие. Сегодня ведь не мое дежурство. Но я отпустил Александру Васильевну и остался сам. К счастью... А теперь, – он поколебался, глядя на ее осунувшееся, бледное лицо, но все же продолжил: – вы не возражаете, если мы с вами сейчас немного поработаем? Совсем чуть-чуть.

Искорки смеха мелькнули у Нины в глазах. Она слегка приподнялась на локте и оглядела себя.

– Хорош же у вас работник!.. Спрашивайте, Павел Филиппович. – Она подумала, прислушиваясь к себе, потом добавила просительно: – Только не очень долго, хорошо?

– Да, конечно! Я приду минут через пять-десять.

Пока он ходил, Нина с помощью Сталины Ивановны привела себя в относительный порядок и, закутавшись в халат, устроилась в углу кровати, подоткнув под спину подушку.

Баринов вернулся, держа в руке шприц.

– Слегка поддержим ваши силы, – ответил он на ее немой вопрос и жестом попросил закатать рукав.

Сильными пальцами он разминал место инъекции, а Нина подумала, что у него, оказывается, «легкая рука» – не всякая медсестра может похвалиться таким безболезненным уколом.

– Ну вот, сейчас вы немного взбодритесь... А теперь – по горячим следам. Как все было?

Этот сон снился Нине впервые, поэтому многих подробностей она не помнила. Главное, что осталось от него – это совершенно невероятное чувство голода. И еще – холод.

...Резко, словно нарисованный на холсте, она видела противоположный берег реки, заиндевевшие черные ели на крутом косогоре. Себя она ощущала сидящей на куче хвороста, опирающейся спиной на толстый ствол.

Она сидела здесь много дней, но река никак не становилась. Темные полыньи – куда хватало глаз направо и налево – парили отчетливым белым дымком, особенно заметным при косом свете стоящего по-над верхушками елей маленького, четко очерченного диска солнца. Торосы у берегов отбрасывали неяркие тени. Воздух был прозрачен и неподвижен. И все вокруг казалось неподвижным – неяркое солнце, на которое можно было смотреть, не щуря глаз, припорошенные инеем кусты травы, матово поблескивающая гладь замерзающей реки...

Нина нагнулась и подняла небольшой окатанный водой голыш – из кучки таких же камней у ее ног. С минуту почти невидящими глазами смотрела на него. Голыш был серый, с красноватой прожилкой посередине, и весил около килограмма. Ладонь на вид казалась раза в три больше той, что была у Нины на самом деле. Свежий шрам, начинаясь от места, где должны были быть мизинец и безымянный палец, тянулся через ладонь, подныривал под голыш и скрывался за запястьем под рукавом из грязного, свалявшегося меха. Нина крепко сжала камень, почувствовав боль в отсутствующих пальцах, медленно размахнулась и бросила. Звук удара она не слышала. И вообще, почему-то этот сон оказался беззвучным. В месте падения лед слегка прогнулся, в стороны брызнули короткие светлые трещинки. Камень отскочил, оставив белесый след, и заскользил по льду.

Она встала и, прихватив несколько камней, подошла к торосам.

Раз за разом, она бросала камни на лед – так, чтобы следующий падал на несколько шагов дальше. Последний упал за серединой речки, но и там не смог пробить корку льда. Нина облегченно вздохнула и снова почувствовала нечеловеческий голод, заставляющий терять последние силы. Напрягая волю, она попыталась подавить его. Но голод не уходил, забыть или прогнать его не удавалось. Он только на время, пока она бросала камни, затих, притаился, и теперь обрушился на нее в полной мере: так, что закружилась голова и в глазах поплыли багровые червячки. Нина тяжело осела на торчащую льдину.

Круговерть в голове постепенно улеглась.

Нина вышла по пологому берегу к куче хвороста, где сидела раньше, подняла с земли запорошенную инеем молодую елку с обломанной вершиной. Она перехватила ствол наперевес и, впериwв глаза в тускло-желтый солнечный диск, что-то яростно прокричала ему – раз, другой, третий... Смысла беззвучного крика Нина не запомнила, но твердо знала, что трижды кричала одну и ту же фразу... Она почувствовала, как наполняются мышцы прежней силой, которой должно было хватить для задуманного.

Легко перемахнув через торосы, она оказалась на гладком льду. В черной прозрачной воде под ним стелились причесанные течением водоросли и пучки длинной прибрежной травы. Нина на полусогнутых ногах медленно зашагала вперед.

Лед прогибался все сильнее, каждой ступней Нина чувствовала, как что-то лопается внутри него. Заросшее дно отделилось и исчезло. Нина осторожно опустила на колени, потом легла на дышащий под ней лед. Она не смотрела далеко вперед – только на пять-десять шагов – но знала, что пройдена едва ли треть пути. Полуобняв ствол, она ползком продвигалась дальше и дальше, поочередно подтягивая то правую, то левую ногу, стараясь, чтобы большая часть тяжести тела приходилась на елку. Сквозь бесцветную корочку льда просвечивала та же черная вода. Ползти было тяжело, еще тяжелее было передвигать елку. Она скользила плохо, приходилось всем телом распластываться по льду и одной рукой подталкивать ее вперед.

Струйки пота текли по шее и спине, затекли на бока. Стало жарко. Она приостановилась, переводя дыхание, и первый раз глянула вдаль перед собой. Берег казался рядом. Она осторожно оглянулась, перевалившись на бок. Так и есть, больше половины осталось позади. И тут ее охватило нетерпение, да такое, что она до дрожи стиснула зубы, понимая, что именно сейчас торопиться никак нельзя. Она заставила себя двигаться так же медленно и размеренно, как раньше.

Почти у кромки берега она все же приподнялась на колени, отпустив на миг ствол деревца. Правая нога ощутила слабый хруст и, не встречая больше сопротивления, ушла вниз. Нина дернулась в сторону, но вслед за правой ушла и левая. Ноги сразу стали невероятно тяжелыми, неуклюжими и потянули за собой остальное. Нина взмахнула руками, пытаясь дотянуться до елки, но та неожиданно оказалась далеко. Лишь тонкая веточка скользнула между пальцев, слабо уколов хвоинками, и рука схватила пустоту.

«Крутой берег! – мелькнула мысль, первая отчетливая мысль, которую Нина восприняла за весь сон. – Стрежень около него, а не на середине!...»

Нину завернуло на спину. На короткое мгновение она увидела синий осколок неба, в нос и рот хлынула вода. На месте неба заскользили мутные зеленовато-голубые тени с темными разводами – все быстрее, быстрее, быстрее... Они размазались в одну сплошную грязноватую зелено-синюю полосу, полоса вспыхнула, ослепила, и Нину словно выстрелили в эту ярчайшую, ярче солнца, вспышку...

Баринов выключил магнитофон.

– Все, Нина Васильевна, все. Достаточно. Спасибо... А теперь так: Сталина Ивановна даст вам микстурку, ложитесь и досыпайте. Уже пятый час.

– Да, правда. Мне сейчас бы полезно поспать... А вы?

– А я в кабинет, и – работать, работать, работать... Кстати, на завтра, нет, уже на сегодня, бюллетень вам обеспечен. Нет-нет-нет, не спорьте, пожалуйста! – Он предупреждающе поднял руку, хотя Нина не сделала и попытки возразить. – По вашим показаниям вам на работу нельзя денек-другой. На основную работу, разумеется, а сюда, в эту кровать – милости прошу нынче же вечером.

Результативной оказалась и следующая ночь.

Когда Нина открыла глаза, ее тесноватая кабинка снова была наполнена людьми. Снова были осмотр, обстукивание, пробы для анализов...

Снова она испытала ставшие традиционными и привычными слабость, полную разбитость в теле, жуткое сердцебиение. Новым было то, что в этот раз непривычно долго в сознании присутствовало ощущение из сна – голода, тоски, смертельной усталости и жестокого зноя.

Дежурил Игорь, аспирант Баринова и, неофициально, его второй зам. Сам же Баринов появился, когда Нина заканчивала диктовку.

«...так что, практически, я ничего не видела все это время. Может, это каменоломня, может, какое-то строительство. Но скорее каменоломня, потому что я словно на дне небольшого карьера. Справа и слева краем глаза угадываются люди. Разглядеть я их не могу, потому что знаю, что не имею права прерваться ни на секунду. Не то, чтобы оглянуться по сторонам или передохнуть, но даже чтобы оттереть пот с лица. Только долблю, долблю, долблю проклятый камень, эту чертову скалу. Знаю, что от нее требуется отделить большой кусок, и я бью, бью по ней чем-то вроде медного или бронзового топора или кайла, углубляю уже вырубленную бороздку. Солнце в зените, жжет невыносимо... пыль, духота... свинцовая усталость в руках, ногах, во всем теле... И вот наступает момент, когда я уже не в силах поднять топор. В глазах расплывается плотная багровая пелена, я ничего не вижу. Не выпуская рукоять, падаю на колени, потом заваливаюсь на бок – и все. Все исчезает, а я просыпаюсь...»

Игорь выключил магнитофон и встал, уступая стул Баринову. Тот отрицательно качнул головой.

– Вы закончили?

– Да, Павел Филиппович.

– Тогда материалы ко мне, посидим, посмотрим. – Он повернулся к Нине. – Как себя чувствуете?... Ну-ну, вижу, вижу... Вам – спать. Глюкоза, снотворное и – спать. До упора.

3

Заседание у директора затянулось. Нина изнервничалась и изозлилась под бесконечное пережевывание одного и того же: нестабильная работа ЭВМ, нехватка перфораторщиц, плохое качество подготовки первичных документов – и так далее, по старому, наигранному сценарию.

Под конец, когда все облегченно задвигали стульями, начальник планового отдела вдруг вспомнил о не подписанных процентках по 307-й задаче, и вновь пришлось рассаживаться по местам и слушать занудную перепалку между главным инженером и начальником отдела эксплуатации. И снова ничегошеньки не было решено, вот что удивительно! Так и разошлись, оставив и этот вопрос решаться «в рабочем порядке». А в итоге – по два часа у каждого украдено самым беспардонным образом, причем, минимум по часу времени личного, послерабочего...

Имитация бурной деятельности, сокращенно «ИБД», – вот единственная задача, с которой их директор справляется вполне успешно. Производство-то давно налажено, ВЦ функционирует по своим внутренним законам и, как всякая жизнеспособная система, будучи единжды запущена, сама себя подпитывает, исправляет внутренние ошибки и сбои, находит новые сферы деятельности – независимо ни от кого и ни от чего. Роль начальника в такой ситуации проста как табличный интеграл – не мешай! Не суйся со своими идеями, «рацухами» и кадровыми перестановками, особенно, если в деле ты ни уха, ни рыла. Не способен помочь, хотя бы не мешай... И все тебе за это спасибо скажут!

В итоге домой она попала только под вечер.

Юра опять задерживался, а ей пора в лабораторию. Сережка крутился здесь же на кухне, путаясь под ногами, но не прогонять же его. В последнее время им редко удается побыть наедине. Чувствовалось, что ему тоже недостает общения с ней. В летние каникулы он вообще остался один-одинешенек. В пионерский лагерь отправить не удалось, в зиму о путевке не побеспокоилась, а теперь уже поздно.

Может, к родителям отвезти? Дед работает, но бабушка-то на пенсии, присмотрит.

Но это, в первую очередь, конечно, дорого – через полстраны, за четыре тысячи километров. Одного не отпустишь, а отвезти, затем приехать за ним... Нет, никак не получится. Да и что делать мальчишке в Волжском – в чужом городе, без приятелей, летом, в квартире

на третьем этаже панельного дома? Ну, Ахтуба рядом, так ведь это еще хуже – повадится бегать один, мало ли что и как...

В довершении, у родителей в этом году свои сложности. Отцу до пенсии года полтора, но он уже заранее психует – что, мол, я буду делать? чем заниматься? куда свободное время девать? Сдохну, мол, в этом панельном курятнике без дела!

Понятно, что на нынешней должности главного энергетика завода его не оставят, а переходить в рядовые монтеры – и возраст не тот, и здоровье не то. Да и самолюбие срабатывает: всю жизнь, считай, на руководящей работе, высококвалифицированный специалист – и вдруг окажется наравне со вчерашними пэтэушниками!.. Вот и ударился в панику.

Советовали ему дачу купить, заняться рыбалкой, еще что-то в том же духе... Сам он тоже принимался перебирать самые разные варианты, строить разнообразные планы дальнейшей жизни. И, кажется, придумал. Правда, этот последний вариант изрядно отдает авантюрой, требует немалых моральных издержек и материальных затрат, однако при известной удаче вполне может удовлетворить и его, и буквально всех домашних.

Он запланировал ближе к осени проехать на своем старом «Жигуленке» Черноморское побережье примерно от Тамани до Геленджика и присмотреть там какой-никакой домик с участком земли, обязательно с виноградником. Трехкомнатную кооперативную квартиру в Волжском и машину продать, а домик купить. И поселиться там уже до конца жизни.

В этом году у Нины отпуск был в марте, слетала провести их на пару недель. Под большим секретом отец поделился своим планом. Младшую-то сестренку, Светлану, он считал несерьезной девицей, тем более, жила она еще дальше, аж на Камчатке, а к Нине с недавних пор относился не просто как к старшей дочери, а как к взрослому человеку, равному себе. Особенно после того, как она стала начальником отдела в вычислительном центре одного из республиканских министерств.

Нина в принципе план одобрила, прикинув, что парой-тройкой тысяч рублей они родителям помочь смогут. Да и Светланка в стороне не останется. А так, во-первых, на старости лет родители переберутся в более благодатный климат, во-вторых, отец получит круглогодичное занятие на свежем воздухе, причем работать уже будет не на чужого дядю, а на себя, в радость и удовольствие. И наконец, что тоже немаловажно, у нее и у Светланы появится реальная возможность отдыхать летом не где-нибудь, а на берегу Черного моря. И не в санатории, не в доме отдыха, не дикарями, а у собственных родителей!..

Ну, а пока придется потерпеть. В том числе, и Сережке.

Жалко его. Посмотришь – ведь буквально изводится мальчишка от ничегонеделания. Во время учебы-то волей-неволей загружен по макушку: школа, общественные мероприятия, бассейн, фехтование... А сейчас, летом, когда многие одноклассники разъехались на каникулы, а отец с матерью целыми днями на работе, парню и свихнуться недолго!

Нина попыталась представить себя на его месте: чем заняться тринадцатилетнему подростку? Ну, сбегает в кино, ну, посмотрит телевизор, ну, почитает книгу... И болтается на улице день-деньской.

– Сережик, ты чем сегодня занимался?

Сын сидел у холодильника, жевал бутерброд, не дожидаясь, пока она накроет на стол: опять забыл пообедать!

– Да так, ничем особенным. Сидели у Витьки, слушали новые записи.

– У какого Витьки?

– Ну... у Витьки, у Безбородько, – смутился Сережка.

– Я же говорила тебе, не надо с ним связываться.

Этот Безбородько жил в соседнем подъезде, учился вместе с Сережей, но был на год старше. Почему-то видом и манерами он казался Нине малосимпатичным, впрочем, как и его родители. Правда, с ними она знакома весьма поверхностно, просто здоровались при встрече.

– Да-а, – обиженно протянул Сережка. – Знаешь, какие у него мировые записи! Ни у кого таких нет!

И начал сыпать названиями каких-то ВИА, рок-групп, именами певцов и певиц – наших и зарубежных. Нина только диву давалась, как он не перепутает, кто из них что поет и что играет.

– Мам, а мам! – Сережка исподлобья, насупившись, посмотрел на нее. – Давай купим магнитофон, а?

4

Опыт по воздействию ЛСД Баринов постарался провести совершенно для нее неожиданно.

В пятницу она проснулась словно по будильнику, без четверти семь, и привычно чуть виновато улыбнулась лаборантке Любочке, словно извиняясь за то, что и в эту ночь ее не посетили нужные сновидения.

Пока Любочка хлопотала по своему обширному хозяйству, выключая приборы, сматывая провода и убирая датчики, Нина быстро привела себя в порядок и принялась по заведенному здесь обычаю варить кофе. Тем более, что она прихватила с собой двойную порцию бутербродов, наметив позавтракать в лаборатории и отсюда ехать на работу. Но тут Любочка вспомнила, что поздно вечером, когда Нина уже спала, звонил Баринов. Он просил ее утром сразу не уходить, обязательно дожждаться его появления. А с ее работой обещал все уладить сам.

Но у Нины в запасе имелось два отгула. Она только пожал плечами, усмехнувшись про себя его самоуверенности – как это он сможет уладить такие вопросы в абсолютно чужом ведомстве – и позвонила дежурному инженеру, что сегодня ее на рабочем месте не будет.

За легкой болтовней о том о сем Нина откровенно отдыхала.

После бессонной ночи Любочка выглядела свежей и румяной, была, как с вечера, весела и смешлива. Нина с тайной грустью вздохнула, глядя на нее, подумала, что прошли времена, когда и она могла, не отдохнув после дневной смены, работать ночь напролет, зачастую в авральном режиме, и не чувствовать при этом большой усталости, и выглядеть после всего вполне нормально.

«Или укатали Сивку крутые горки?.. Рановато».

Баринов появился после десяти в сопровождении незнакомой женщины лет пятидесяти с небольшим дипломатом в руках. Она оказалась врачом-невропатологом областной клиники, и Нина слегка встревожилась. По тому, как Баринов мелко покашливал и часто поправлял очки, знакомя их, Нина поняла, что он волнуется, и встревожилась еще больше.

Любочка попрощалась и упорхнула.

И тогда Баринов небрежным тоном, словно речь шла о пустяках, заявил, что пришла пора попробовать «немного расшатать» ее психику галлюциногенными препаратами. Он посмотрел на Нину и торопливо добавил:

– Ну, вы же помните, Нина Васильевна, мы с вами предусматривали эту необходимость с самого начала.

Женщина, имя которой у Нины от волнения сразу вылетело из головы, профессионально быстро осмотрела ее. Баринов на это время деликатно вышел. Процедура обследования несколько успокоила, дала возможность внутренне собраться. Женщина уложила инструменты в дипломат, холодно кивнула Нине и вышла из комнаты. Минутой позже появился Баринов.

– Ну вот, Нина Васильевна, карт-бланш на опыт получен, – несколько возбужденно, чуть ли не суетливо сказал он. – И не волнуйтесь, пожалуйста. Врач рядом, в соседнем кабинете, а оперативный контроль за вашим состоянием буду вести я сам.

Из внутреннего кармана пиджака он достал небольшой пузырек светло-коричневого стекла с этикеткой, наискось перечеркнутой красной полосой, а из бокового – коробку с обыкновенным легкорастворимым сахаром-рафинадом.

Следом за ним, но не вслух, а про себя, она невольно считала капли: раз, два, три, четыре... Жидкость на вид казалась желтоватой, слегка маслянистой и мгновенно впитывалась в сахар.

– Итак, Нина Васильевна, – Баринов осторожно протянул ей блюдце с потемневшим от влаги кусочком. – Кладите в рот, но не раскусывайте. Пусть постепенно растворяется и впитывается слизистой. Садитесь сюда и постарайтесь направить себя, свои мысли и чувства на какой-нибудь из ваших снов. Может быть, на тот, который вам приятен или лучше всего запомнился... Да, вот что, препарат начинает действовать минут через десять-пятнадцать. Эмоции сдерживать не пытайтесь, не надо, магнитофон пусть вас не смущает. Все материалы этого эксперимента идут под грифом «секретно», так что с ними буду знаком только я и очень ограниченный круг моих сотрудников.

Пресловутый ЛСД оказался совсем безвкусным, или же его вкус перебивался сахаром – Нина не поняла. Она украдкой, пока Баринов готовил магнитофон, посмотрела на часы, засекая время. Потом, ощущая постепенно расплывающуюся во рту сладость, послушно принялась вспоминать один из снов. Нине он даже нравился – едва ли не единственный из всех. В нем была широкая, без конца и края, степь, и Нина ехала среди высоких кустистых трав навстречу восходящему солнцу. Длинные тонкие ноги гнедого жеребца оставляли на росистой траве темные полосы, то там, то здесь в предвкушении грядущего дневного зноя раскрывались бледно-розовые, красные и ярко-алые маки. Стояла умопомрачительная тишина, вокруг не было ни-ко-го! – только степь, только утренний ветерок, только невесомые розоватые перья облаков в невообразимой вышине. И среди всего этого великолепия разливался, усиливаясь на глазах, свет невидимого еще солнца...

Нина мысленно почувствовала даже запах, исходивший от коня – резкий, терпкий, горький – и погрузилась в эту картину, будто в реальные воспоминания...

«Что ни говори, а моими предками наверняка были степняки, кочевники», – подумала она и открыла глаза.

Пододвинув кресло почти вплотную, Баринов сидел напротив и пристально вглядывался в ее лицо.

Что это он, слабо удивилась Нина. Ах да, идет же опыт, эксперимент! Но почему он так на нее уставился? Это же неприлично!.. Стоп! Подождите! А кто он, собственно, такой? Ах да, это же Баринов! Павел Филиппович Баринов, профессор, доктор наук, заведующий лабораторией. Но почему у него такой странный вид?

Его лицо непонятным образом деформировалось. Верхняя половина вполне нормальна, а вот подбородок вдруг начал прямо на глазах расти, увеличиваться в размерах совершенно необъяснимо, но совсем не пугающе. Стало даже интересно, до какой же величины он сможет дорасти. Она ощутила неподдельное любопытство исследователя. Подбородок уже закрывал приспущенный узел галстука, уже подбирался к верхней пуговице пиджака. Нине показалось странным до нелепости, что кроме подбородка у Баринова больше ничего не меняется. А это было обидно. Но тут же поняла, что надо хоть на мгновение отвлечься, проверить, допустим, как ведут себя предметы в комнате, а потом, неожиданно для Баринова, снова перевести взгляд на него. Они, эти изменения, конечно же, просто опасаются проявить себя, когда за ними так пристально наблюдают.

От спинки кресла голову оторвать не удалось. Голова еле-еле, с большим трудом смогла повернуться вправо, но мгновенно закружилась, и очень сильно. Пришлось скомандовать ей вернуться на прежнее место. Очень неохотно голова повиновалась, строго предупредив, что это последний раз, но Нина легкомысленно отмахнулась – еще чего!.. Ее поджидал сюрприз:

подбородок Баринаова уменьшился до нормального. Нина до слез огорчилась – что же получается, стоит лишь на секунду выпустить его из-под присмотра, как он начинает делать, что хочет!.. А сам Баринов! Вон как губами шевелит, словно поет. Или же изъясняется на чужом языке, который плохо знает. Стараются выговаривать слова как можно правильней, тщательно отрабатывает артикуляцию, да только смех один получается: словно рыба – губами двигает, а ничего не слышно...

О-о, о-о, а вот это уже – смешней некуда! Очки спрыгнули с носа и повисли в воздухе в полуметре от его лица. И надо же, все равно он как-то умудряется смотреть сквозь стекла. Ну и цирк! Ну и штучку он отмолил! Как тут сдержишься?

Она рассмеялась – так, слегка, только чтобы не казаться надutoй. Рассмеялась – и тут же замолкла. Он ведь может не так понять, он может подумать, что она смеется не над ним, а над сбежавшим вчера из вивария подопытным псом по кличке Клоун. Тот на прогулке погнался за кошкой и уволок в своем мозге на круглую сумму золотых электродов, на такую же круглую, как физиономия недавно принятого садовника, хотя дураки в наше время все чаще не круглые, а скорее продолговатые, иногда с такими вот мелкими крапинами, но они, разумеется, тем не менее, абсолютно толерантны, потому что запирающий эффект пограничного слоя в полупроводнике всегда имеет такую тенденцию, чтобы электрон не смог попасть в дерево, а струился бы по веткам, наталкиваясь на листья и образуя огни святого Эльма, потом он уходит по металлу в самую сторону середины, через ватерлинию к рулю и, наматываясь на винт, спиралью растворяется в вершушках электромагнитных волн синусоидального вида, где горизонтальная составляющая состоит из железнодорожных составов, составленных из состояний ста семейств Европы, Америки и Гренландии, выраженных в шестнадцатеричной системе счисления, при каждом превышении разрядности стреляющих плавкими предохранителями от полюса к полюсу скачком напряжения по параллелям через вулканы к подводным меридианам на тему лунного света когда он отблесками ложится на березовые языки пламени степных маков ярчайшей вспышкой расплывающегося по стеклянным горам и пригоркам гигантским грибом по обугленным жителям срединной поверхности тороидального тела внутренней пирамиды...

Вторично испытать действие ЛСД Нина категорически отказалась. Слишком недобрые воспоминания остались у нее от той недели, которая последовала за приемом препарата. А отголоски давали знать о себе и дней десять спустя.

Самым страшным и неприятным было то, что Нина до подробностей помнила не только свое состояние, но и те чувства, те мысли и образы, которые возникали в ее отравленном мозгу.

Чего стоило только ощущение, прочно завладевшее ей дня на три, едва она попыталась встать. Ее ноги внезапно удлинились на десятки километров, но, тем не менее, ходить она могла, правда, напряженно следя за ногами и контролируя каждый шаг. Дверной порожек представлялся чуть ли не горным хребтом, трещина в линолеуме – бездонной и широкой пропастью, которые она, впрочем, вполне легко преодолевала. Нужно было лишь сделать над собой усилие. Остальные же предметы вокруг, как ни странно, сохраняли привычные масштабы как сами по себе, так и относительно друг друга.

Баринов рассчитал точно, наиболее черные ощущения подкатили к вечеру...

Уснула она быстро, почти как обычно, но спала пятнадцать часов подряд. Проснулась разбитая, совершенно не отдохнувшая, и не могла заставить себя подняться с постели. Даже против обыкновения пожаловалась дежурной лаборантке: «Господи, впечатление, словно в голове черти горох молотили»...

Вдобавок, надежды не оправдались: ни наяву, ни во сне она *тех* снов не видела. Нина помнила, что кошмары душили всю ночь, однако ж то были кошмары, так сказать, обыденные,

самые нормальные, несмотря на то, что, как выразился Баринов, многие связи в ее мозгу под воздействием ЛСД смялись, перепутались и искорежились до предела.

Но Баринов все же спросил, почти мимоходом, не вдаваясь в подробности:

– Как, похоже?

– На что?

– Действие ЛСД на ваши сны.

– Ну, знаете ли, Павел Филиппович! Это уже слишком!

– Да-да, вы правы, Нина Васильевна, извините. Конечно же, ЛСД – типичная шизофрения...

Еще сутки она провела в лаборатории под присмотром медсестры из психоневрологического диспансера. Потом ее снова обследовала давешняя врач-невропатолог, сухо заявившая, что «ремиссионные явления имеют ярко выраженную клиническую картину». В переводе это означало, что все идет штатно, как положено по науке, и Нину тотчас же отпустили домой, вручив бюллетень до конца недели.

Она с удовольствием отдыхала, приводила в порядок запущенные домашние дела, а вечером ехала в лабораторию. Однако снов, как, впрочем, она и предполагала, не видела ни одного. Баринова это, похоже, беспокоило, хотя он старался не подавать вида. Нину не покидала мысль, переходящая в уверенность, что *те* сны надолго ее оставили.

...Так прошла неделя, началась другая.

Нина вышла из своей кабинки и задержала шаг.

Баринов сидел, задумавшись, за большим лабораторным столом над развернутыми лентами самописцев, видимо, сегодняшними, и ее не заметил. Нина с минуту понаблюдала за застывшим выражением его усталого лица, потом тихонько спросила:

– Павел Филиппович, вы когда в последний раз были в отпуске?

Он поднял голову, слабо улыбнулся и снял очки. Строгие и внимательные за стеклами, его глаза сделались близоруко-мягкими, по-детски наивными, почти беспомощными. Он сильно провел ладонью по лицу, как бы стирая признаки усталости и беспокойства.

– Ах, Нина Васильевна, Нина Васильевна! И вы туда же! Лиза каждый день пилит: «когда в отпуск?», «когда в отпуск?» Позавчера встретил приятеля, сто лет не виделись, и он ту же песню завел... Неужели и впрямь у меня вид такой отвратительный?

– Лето в самом разгаре, Павел Филиппович.

– Э-э, чепуха! Одно время очень даже популярна была песенка со словами: «Трудовые будни – праздники для нас!» Помните?... С тех пор мы так и живем.

Нина оглянулась на лаборанток, занятых в другом конце комнаты, и, понизив голос, спросила:

– Что-то не ладится, Павел Филиппович?

Он не ответил, надел очки и встал. Глаза снова смотрели иронично, остро и только самую малость устало.

– Вы домой, Нина Васильевна? Я подвезу.

Она молча кивнула и отошла. Баринов неторопливо смотал в тугие рулоны голубоватые ленты самописцев, уложил в коробки.

В машине он сразу включил приемник, словно отгораживаясь от возможных расспросов. Под голоса веселых затейников из «Опять двадцать пять» доехали до ее дома, и здесь он сказал, не глядя на нее:

– Держу пари, что будете рады. Даю вам, Нина Васильевна, двухнедельный отпуск – прямо с сегодняшнего вечера. Отдохните от нас, мы отдохнем от вас. Но увидите сон – звоните мне домой или в лабораторию в любое время суток. Появлюсь незамедлительно.

— — — — —

**In vino veritas* (лат.) — *Истина в вине.*

Глава 4

1

Неловко прижимая сумочку локтем левой руки, в которой держала зонт, Нина на ощупь набрала код замка, и калитка послушно отворилась. Узкой дорожкой, стиснутой высоким, ровно подстриженным кустарником, она прошла во двор. Прямо под фонарем стоял сиреневый «Москвич», и струи дождя выбивали маленькие фонтанчики из его глянцевої поверхности.

Нина удивилась. Обычно Баринов ставил машину на заднем дворе, у черного хода. Она замедлила шаги, всматриваясь. На месте водителя кто-то был. Свернув с дорожки, она подошла к машине вплотную. Баринов сидел, склонившись на руль, положив голову на руки. Нина секунду помешкала и открыла дверцу.

– Павел Филиппович?

– А я вас жду. – Он поднял голову, щурясь на свет в салоне. – Здравствуйте, Нина Васильевна.

– Вы случаем не заболели? – с беспокойством спросила Нина. – Добрый вечер, Павел Филиппович.

– Нет-нет, ничего. – Он улыбнулся – с трудом, как-то вымученно. – Устал я что-то сегодня, да и погода... Вы идите сюда, дождь-то какой.

Нина обошла машину и торопливо юркнула на переднее сиденье. Складывая зонт, приглушенно ойкнула – холодные струйки с него неприятно обожгли ноги.

– Кладите зонтик назад.

– Да он мокрый!

– Ничего, положите на плед... У меня для вас приятная новость: сегодня вы спите дома.

– Что-нибудь случилось?

– Ничего серьезного. Что-то с аппаратурой. Думали к вечеру наладить, однако... Соня звонила вам домой, на работу – но не застала. У вас есть здесь какие-нибудь дела? Нет? Тогда поехали.

Дождь заканчиваться не думал, хотя лил с обеда. Для конца лета он был редкостной силы, «дворники» не успевали смахивать потоки воды, и Баринов вел машину медленно, пристально всматриваясь. Нина глянула на часы, подумала и решилась.

– Павел Филиппович, раз уж так вышло, не подбросите меня к ВЦ? Тут почти по дороге.

– Сейчас? На ночь глядя?

– Ну, наша конторка круглосуточная.

– Понятно, – Баринов на мгновение перевел взгляд с дороги на Нину. – Внезапный визит начальства?

– Что-то вроде, – согласилась она, улыбнувшись. – У меня вторая ЭВМ уже неделю барахлит, а электронщик сегодня в ночь не очень... Вы меня высадите, а сами поезжайте.

– Я подожду.

– Вы же устали. А я вызову такси, не первый раз.

– Ничего, Нина Васильевна, ничего. Посижу на воздухе, подышу. Чем лезть в душную квартиру... Все польза.

Он подрулил к самой проходной, развернувшись правым боком, так что Нине осталось пробежать под дождем всего метра три. Вахтер, поднявшись от телевизора, солидно поправил на поясе тяжелую кобуру и потребовал пропуск. Работал он второй, если не третий год, и не знать Нину никак не мог, но спорить не хотелось. Пришлось вернуться к машине за сумочкой.

Темными коридорами она прошла в машинный зал.

На первый взгляд работалось нормально. Четыре оператора – по паре на ЭВМ – занимались делом, и за плотным, забивающим уши гулом, который ночью, казалось, еще больше усиливался, не слышали, как она вошла. Стол для входящей информации был тесно уставлен коробками перфокарт и контейнерами с магнитными лентами, а на соседнем столе, для информации выходящей, уже лежали, перевязанные бечевками, первые рулоны табуляграмм. Печатающее устройство ближней ЭВМ деловито тарахтело, выпуская из своих недр бесконечную бумажную ленту.

Нина подошла к старшей смены, сидевшей за дисплеем.

– Здравствуй, Валюша! Как дела?

– Здравствуйте, Нина Васильевна! Вы разве в ночь?

– Нет, забежала на минутку – как тут у вас?

– Пока по графику. Триста восьмую задачу просчитали, теперь вводим бухучет. А на той машине всю ночь пойдет сортировка и слияние массивов для складского учета.

– Ошибок много?

– Просто удивительно, Нина Васильевна, прямо кот наплакал! Вот, гляньте протокол, – среди бумаг на приставном столике она нашла сложенную в несколько раз табуляграмму.

Действительно, на этот раз цех подготовки постарался. Протокол ошибок длиной метра четыре, значит, не более двухсот-трехсот выброшенных позиций. То есть, меньше половины процента!.. Нина выборочно просмотрела распечатку. Похоже, большинство ошибок из-за нечеткого заполнения первичных документов. Молодцы перфаторщицы, надо завтра узнать, кто готовил информацию, и отметить в «молнии».

На пульте вспыхнула сигнальная лампочка, по экрану поползли строки очередного сообщения. Валя повернулась вместе с креслом и, поглядывая в потрепанную инструкцию, принялась вводить в ЭВМ следующую директиву.

Нина неторопливо обошла машинный зал. Кондиционеры работали нормально, температура в шкафах и устройствах держалась в пределах. Как всегда, ночью напряжение в сети вышло на стабильный уровень. Она заглянула в журнал сдачи-приема смен – один дисковод и два накопителя на магнитных лентах остановлены на профилактику, к остальным устройствам замечаний не оказалось.

Она снова подошла к Вале.

– А где сменный инженер?

– Василий Никифорович до половины десятого был здесь, потом поднялся к себе.

– Как – Василий Никифорович? Сегодня в ночь Сахненко.

– Не знаю, – пожала плечами Валя, не отрываясь от дисплея. – Его я не видела. Может, девочки?

Нина поднялась на второй этаж. В коридорной полутьме разносился голос Челентано – в комнате дежурных электронщиков крутили магнитофон. Она взялась за ручку, дверь оказалась закрытой.

«Спит, что ли?»

Она достала из сумочки связку ключей, привычно нашла нужный. Предохранитель не был спущен, замок открылся.

Ее и тут не заметили.

Сахненко сдавал карты. Напротив него сидел Живицкий, механик ее же отдела, спиной к двери – системный программист Трофимов. Посреди стола лежал разграфленный на ЭВМ лист бумаги для преферанса и три авторучки. Перед игроками стояло по пепельнице и по стакану, на соседнем столе Нина увидела три пачки сигарет и аккуратно разложенную закуску: хлеб, светло-коричневые ломтики копченого сала, помидоры, вареную картошку.

– Бог в помощь! – перекрывая Челентано, сказала она от порога.

Все трое дернулись и повернулись к ней.

– А где Василий Никифорович?

– Д-домой ушел, – Сахненко понуро встал, бросил тоскливый взгляд на соседний стол, потом себе под ноги. Убирать улики было поздно.

– Та-ак! – Нина прошла вглубь комнаты, выключила магнитофон, демонстративно открыто заглянула под стол. Рядом с Сахненко на полу стояли графин и литровая банка. Нина молча указала на нее. Сахненко послушно наклонился и подал банку. Нина сняла полиэтиленовую крышку, взболтнула содержимое. Запах спирта в комнате стал явственнее.

– Значит, так, Сахненко. Ты какой ВЦ меняешь за последние три года?

– Да я, Нина Васильевна! – Его раскрасневшееся лицо побагровело, на носу и щеках еще резче проявились синевато-пурпурные прожилки. – Нина Васильевна! Ей богу, больше не повторится! Ну, честное слово!

– Зимой ты уже давал такое слово. Помнишь?

– Да тогда ж... Нина Васильевна! Тогда ж у меня день рождения был!

– А сегодня? Твой день рождения, Живицкий? Или ваш, Геннадий Александрович? – повернулась она к системному программисту.

Трофимов нарочито громко вздохнул и потянулся за сигаретами. Весь вид его говорил – да, попались, да, придется отвечать, но ты, к счастью, не мой начальник, так что, будь добра, распекай своих, а меня не трогай...

– Что ж, картина ясная, прямо по Репину – «Приплыли!», – сказала Нина. – Значит, делаем так. Ты, Живицкий, завтра утром положишь мне на стол объяснительную. В лучшем случае – плакала твоя прогрессивка за квартал, да и пол тринадцатой тоже. А ты, Сахненко, выбирай: или завтра я пишу докладную, или сегодня ты пишешь «по собственному».

– Нина Васильевна!

– Я понятно выражаюсь? Или – или.

– Да я ж...

– КЗоТ, статья тридцать третья, Сахненко, пункт седьмой.

Она повернулась и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Коротким кивком попрощалась с вахтером и, садясь в машину, почувствовала, как ее колотит нервная дрожь.

– Можно сигарету, Павел Филиппович?

– Неприятности? – негромко спросил, выдержав паузу, Баринов.

Нина не ответила. Она до половины опустила боковое стекло и, глубоко затянувшись, выпустила дым струей в дождь. Потом спросила:

– Отчего люди пьют? И никакие указы им нипочем.

– Сложный вопрос. – Баринов помолчал. – Если субъективно... Кто – от горя, кто – от радости, кто – из желания забыться, уйти от себя или от окружающей действительности. Кто – из стремления, пусть на время, почувствовать себя другим: умней, смелей, добрей... в его понимании, разумеется. И все они при этом хотят получить удовольствие. А на деле, объективно – от собственной дури, от внутренней распущенности и бескультуры. И опять же – чтобы получить удовольствие... Это я так понимаю, извините. Что касается указов, запретов, постановлений... Страх перед наказанием еще никого не останавливал, если речь идет об удовольствии. Султан турецкий даже на кол сажал за табак, однако ж – курили! И курят!.. Лечить надо болезнь, а не симптомы.

2

Прошедшие два с половиной летних месяцев представлялись Баринову одной длинной, нескончаемой ночью. Дней он почти не помнил, перестроив рабочий режим так, чтобы ни в коем случае не пропустить моментов Нинино пробуждения. Благо, время года тому спо-

собствовало: отпуска, каникулы, колхозы – всякая деловая жизнь в городе традиционно притухала, если не замирала вообще.

Сложным сплавом удивления, недоумения, некоторой растерянности, предчувствия чего-то очень важного он констатировал свое отношение к Афанасьевой как к объекту исследования. Интуитивно он чувствовал, что столкнулся на этот раз с явлением неординарным, таким громадным, что масштабы его явно выходили за масштабы известных явлений. Конечно, интуиция – дело хорошее, но на одну интуицию Баринов, разумеется, не полагался. Опыт профессионального экспериментатора подводил к мысли о том, что судьба дала ему шанс узнать нечто такое, с чем мало что может сравниться в его науке. Да что там, в науке, могут открыться такие грани сущности человека, его естества, которые окажут влияние на жизнь каждого, без исключения.

Да, конечно, теория не была его коньком, он это усвоил со времен студенчества, когда умудрялся не только учиться, но и работать в настоящих лабораториях, причем сразу в двух – в институтской, на кафедре общей физиологии, и в некой «хитрой», занимавшей целый особняк на Большой Дорогомиловской, неподалеку от Смоленской площади. И там, и там он работал на полставки лаборанта, но если в институте получал зарплату официально, через кассу, то на Большой Дорогомиловской деньги в конверте каждое первое число ему вручал руководитель лаборатории Иванов-Барковский, причем расписываться нигде не надо было. Баринов сильно подозревал, что Кирилл Витольдович просто-напросто платит ему из собственного кармана, но по этому поводу не комплексовался, полагая в юношеском максимализме, что академик от такой малости не обеднеет. А сорок рублей разбегались за неделю-полторы, и все, практически, шли букинистам и книжным «жучкам» на Кузнецком мосту, или же «Дому книги» на улице Кирова, где у Баринова были «прикормлены» две молоденькие продавщицы.

Баринов уже тогда прекрасно понимал, как ему необыкновенно повезло. Если в институте и на кафедре он постигал науку официальную, жестко регламентированную, строго разграниченную на теорию и практику, с четко очерченными границами и рамками, и не допускающую даже намека на попытку сомнения в самих своих основах, то на Дорогомиловской было наоборот. Если на кафедре добытые факты любовно укладывались в прокрустово ложе теории, то на Дорогомиловской теорию пробовали на прочность добытыми фактами. И если теория вдруг не выдерживала их тяжести и весомости, если прогибалась или даже рвалась, то не горевали, а строили новую. Впрочем, это строительство не афишировалось ни статьями в научных журналах, ни докладами на конференциях, ни в частных разговорах. (К слову, за время работы там Баринов ни разу не слышал от сотрудников даже упоминания о готовящихся кандидатских или докторских диссертациях.) Такое условие в достаточно жесткой форме сразу же, в первый день поставил перед Бариновым сам Иванов-Барковский. Поначалу Баринов удивлялся, от того разговора у него даже несколько дней держался неприятный осадок «тайн мадридского двора», но по прошествии месяца он и сам бы не решился на вольные беседы с посторонними. Между прочим, тогда, при разговоре, он нахально и даже с вызовом спросил у Барковского: «Может, мне где-нибудь расписаться, что, мол, обязуюсь не разглашать, и об уголовной ответственности предупрежден?» На что тот ухмыльнулся в усы и сказал с какой-то странной, пугающей интонацией: «Мы, товарищ Баринов, привыкли устанавливать степень доверия к сотрудникам не по количеству подписанных ими бумажек об ответственности. Мы сами устанавливаем степень ответственности наших сотрудников. И степень доверия им тоже устанавливаем сами, без ненужных формальностей». Слова, а особенно интонация, долго помнились. Потом как-то затушевались, заретушировались последующей захватывающей работой. (Его определили ассистировать в исследованиях «парадоксального сна», в их группе пытались вычленить набор биоритмов, наиболее полно и исчерпывающе характеризующих эту фазу.) Вспомнились своим страшноватым смыслом только спустя два года.

...Слякотным октябрьским вечером шестьдесят седьмого он спешил в лабораторию. В подворотне на подходе его перехватил Николай Банник, руководитель группы и фактический заместитель Барковского.

– Все, парень, финита, – сказал он. – Отработались. У шефа обширный инсульт, он сейчас у Склифа, на всем принудительном. Ты медик, тебе все понятно, не так ли?.. Личные вещи у тебя в лаборатории есть?

– Н-нет, – растерянно ответил Баринов, кутаясь от подворотного сквозняка в тоненький плащик. – Ну, чашка там, ложка... Полбанки кофе растворимого, сахар... Все.

– А дневники, записи какие-нибудь?

– Да нет, только лабораторные – дневники опытов и журнал наблюдений... А своих записей я не веду.

– Ага, понятно... Словом, дуй «нах хауз», а через четыре дня, в воскресенье, ровно в четырнадцать ноль-ноль жду тебя в лаборатории. Запомнил? В воскресенье, в два часа. Будь здоров, не кашляй! – он мягко, но сильно развернул Баринова за плечи на сто восемьдесят градусов и подтолкнул в спину. – Не дрейфь, старик, все там будем.

Воскресный визит в лабораторию оказался последним, и он поразил Баринова даже сильнее, чем скоропостижная смерть шефа, человека, что ни говори, возраста преклонного.

Во-первых, лаборатории уже не было. То есть, помещение-то оставалось там же и тем же, но оно сделалось вдруг совершенно пустым – ни аппаратуры, ни кабинок для сна, ни даже мебели не было и в помине. Пустые комнаты, пустые коридоры... Во-вторых, всюду успели сделать ремонт: стены и потолки побелены, линолеум блистал девственной новизной и удушливо вонял химией, оконные рамы и двери только-только не брались краской...

Лишь в кабинете Иванова-Барковского, бывшем его кабинете, тоже отремонтированном, сиротливо приютился в углу старый защитного цвета сейф, да посредине мастодонтом громоздился покрытый зеленым сукном письменный стол еще нэповских, а то и дореволюционных времен. Не стало старинных черной кожи кресел, громадных, до потолка, застекленных книжных шкафов. Кресла заменили три современных стула с полумягкими сиденьями и слегка гнутыми ножками, совершенно новые, прямиком из магазина или сразу с фабрики. Даже в полупустом кабинете они казались нелепыми и неуместными. Этот контраст тоже запомнился, и его ощущение какое-то время присутствовало в Баринове, добавляя лишний душевный дискомфорт и усиливая тягостное недоумение происходящим. Как после наждака по пальцам...

Вахтера не было, на входе его никто не встретил. Он беспрепятственно прошел через всю лабораторию, поднялся на второй этаж и везде видел стерильную чистоту готовой к приему сотрудников конторы – то ли домоуправления, то ли строительно-монтажного треста, то ли главка средней руки...

Поражала скорость ремонта и полное отсутствие при этом традиционных следов маляров-штукатуров – емкостей с засохшим раствором, пустых банок из-под краски, обрезков линолеума или другого строительно-ремонтного мусора.

Так, озираясь по сторонам, заглядывая в комнаты через настежь распахнутые двери, он дошел до бывшего кабинета шефа. Здесь из-за неплотно прикрытой двери на него пахло табачным дымом. Это тоже показалось диким – шеф табачком не баловался и для сотрудников ввел жесткое, зимой даже жестокое правило: курить только в дворовой беседке.

Баринов заглянул в узкую щель. Банник стоял у окна и наверняка наблюдал, как тот входил в лабораторию. Баринов нарочито громко откашлялся и потянул на себя массивную дверь.

– Можно, Николай Осипович?

Привычный и знакомый Банник выглядел тоже как-то и непривычно, и незнакомо. Что-то в его манере держаться, разговаривать, смотреть на собеседника вызывало настороженность и желание соблюсти дистанцию.

Они и раньше не были запанибрата, отношения сложились вполне нормальные – как еще могли общаться студент-лаборант и его непосредственный начальник: старший научный сотрудник, руководитель темы, кандидат наук... В другом месте разницей в возрасте можно было бы и пренебречь – лет пять-шесть, не больше, но только не здесь. И все же, то были отношения коллег – старшего и младшего, начальника и подчиненного, но – коллег. А сейчас... Создавалось впечатление, что Банник внезапно оказался вообще не в той плоскости, в которой некогда пребывал вместе с Бариновым и всеми остальными, сейчас он казался «над» или «вне» того мира, в котором они продолжали обитать. Отстраненность и отчужденность сквозили во всем – как он поздоровался, как пригласил сесть, как выдержал паузу перед разговором, как предложил сигарету... Даже курево у него оказалось не из этой жизни. Таких сигарет Баринов и не видел, только слышал о них или читал: твердая коробочка с желтым верблюдом и надписью буквами экзотической формы – «Camel». А ведь раньше курил «Яву» в мягких пачках, правда, именно «явовскую», не «дукатовскую», тогда как Баринов смолил болгарскую «Шипку» или «Солнце», а если повезет, «Дерби».

Душистый, ароматный табак, довольно крепкий, Баринову не показался – слишком душист и ароматен, слишком много в нем химии... словом, непривычен, а потому и пришелся не по вкусу. Так, ничего особенного.

А после нескольких минут замешательства и растерянности Баринов вдруг осознал, что и в манерах Банника тоже не было ничего особенного – обыкновенное желание «держать мазу», на дворовом жаргоне, а на языке привычном это называется «пижонство» и «фасон».

Стало просто любопытно. На своей работе в лаборатории он уже мысленно поставил крест, а увидев пустоту помещений, лишь утвердился в догадке. Так что и Банник с сегодняшнего дня – пройденный этап. Может, больше с ним и не встретимся никогда, подумал он, и от этой мысли почувствовал какое-то непонятное облегчение... Шеф умер, похороны завтра на Ваганьковском, об этом он прочитал вчера в «Вечерней Москве». Теперь, выходит, и лаборатории «кранты». Шефа, конечно, жалко по-человечески, серьезный был старикан, еще той, старой закваски. Однако, как-то выходило, что Баринов больше переживал по поводу работы. Досадно, тема уж больно интересная, перспективная, только-только начал разбираться и входить во вкус...

Банник сидел по одну сторону стола, Баринов – по другую. Курили молча. Спohватившись, Банник пододвинул Баринову поближе в качестве пепельницы чайное блюдце, дико смотревшееся в данном качестве на зеленом сукне стола.

– Значит так, Павел Филиппович, – весомо и значительно проговорил, наконец, Банник, с видимым удовольствием затягиваясь заморской сигаретой и пуская в потолок изящные струйки дыма. – Как вы, должно быть, поняли, нашей с вами совместной работе настал конец. Может, для вас и к лучшему. Все ж последний год, сможете больше сосредоточиться на учебе... Я в курсе, что вы работали, не состоя в штате, а по личному приглашению Кирилла Витольдовича, поэтому обойдемся без формальностей.

Он достал из внутреннего кармана пиджака конверт и, слегка перегнувшись через стол, положил его перед Бариновым.

– Это мне?

– Вам, вам. Здесь зарплата за октябрь и выходное пособие. – Банник слегка скривил губы, обозначая улыбку. – Согласно КЗоТу – при увольнении в связи с ликвидацией учреждения. Обязаны выплатить. Кстати, суммой не смущайтесь, все правильно, вами заработано... Вот, пожалуй, и все. Я вас больше не задерживаю, Павел Филиппович, будьте здоровы, всех благ.

– Ну что ж, раз так – значит, так, – Баринов демонстративно пожал плечами, встал, сунул конверт в карман плаща. – И вам не хворать, Николай Осипович.

Тут-то и вспомнились ему слова Барковского о степени ответственности и степени доверия.

Он не смог удержаться напоследок и, уже открывая дверь, оглянулся.

– Николай Осипович, я полагаю, что о работе в лаборатории Кирилла Витольдовича, равно как о самом содержании данной работы мне распространяться не рекомендуется?

Банник, сидя за столом, улыбнулся на этот раз привычной улыбкой, только голос его оставался новым – сухим и размеренным:

– Я всегда предполагал у вас, Павел Филиппович, крепкие нервы и на редкость логически организованный ум. Очень рад, что не ошибся.

...В первой же подворотне с горящей лампочкой Баринов остановился и заглянул в конверт.

– Ни черта себе! – не удержался он от возгласа. В конверте обнаружились пять новеньких стольников и два таких же хрустящих червонца.

«Значит, зарплата за месяц... плюс выходное пособие... Это что же, – сообразил он, – выходное пособие за целый год?.. Да-а, дела-а... А ведь дешево купили, ей богу, дешево!.. Ну и ладно, ну и хорошо. Главное, Лиза-то как обрадуется!»

3

В один из вечеров Александра Васильевна, заглянув к Нине в кабинку, протянула ей ведомость и деньги.

– Ниночка, распишитесь вот здесь, пожалуйста. Это за два месяца, сорок восемь ночей.

Сложилось очень удачно, из квартальной премии не придется ничего выкраивать. Незапланированные деньги, как правило, подворачиваются очень даже вовремя.

Помнится, в студенческие годы она работала на станции наблюдения за искусственными спутниками Земли при институте, там тоже платили – по рублю за каждую точку с координатами спутников, отправленную в «Астросовет». У среднего наблюдателя, как, например, у нее, в месяц набегало до двадцати-тридцати рублей, считай, еще одна стипендия. И как-то она поддалась искушению и купила транзисторный приемничек «Гауя». Мечталось, правда, о «Спидоле», но та была раза в три дороже, да и достать ее можно было только «по благу», или как сейчас называют стыдливо – «по знакомству».

...Магнитофон был, по большому счету, паршивенький, четвертого класса, тяжел и не очень удобен в управлении – но гордо звался «Протон-401». Зато он был кассетным, приемлемым по цене и на его поиски она потратила всего вечер, объехав шесть или семь магазинов с отделами радиотехники. Пока Сережа поучится на нем, потом можно будет купить что-нибудь приличнее.

А у мальчишки просто загорелись уши, когда она, выставив покупку на стол, позвала сына.

– Это... это наш? – с надеждой спросил он, не смея дотронуться до темно-коричневого ящичка из пластмассы.

– Это твой. А вот к нему пять чистых кассет. Пиши, слушай и изредка позволяй нам с папой тоже им пользоваться, – она обняла сына, поцеловала в выгоревшую на солнце макушку. И не удержалась от назидания: – Только помни: через неделю в школу – на первом месте должна быть учеба, а не музыка.

Несколько дней спустя она сама воспользовалась новым приобретением.

Накануне, смущаясь, Нина попросила Баринова дать ей прослушать то, что она наговорила на пленку тогда, при первой встрече. Зачем это ей понадобилось, она и сама не знала. Но допускала, что и с покупкой поспешила из-за постепенно формирующегося желания прикоснуться к тем своим рассказам. Баринов не выразил удивления, не спросил, зачем, просто на следующий вечер принес четыре кассеты, предупредив, что это оригиналы, что копий не существует.

«Если хотите, Нина Васильевна, можно переписать их на лабораторном оборудовании – специально для вас. А эти вы мне обязательно верните, хорошо?»

На работу надо было во вторую смену, и утром она осталась дома одна. И все же через минуту-другую переключила звук на наушники. Во-первых, как-то неприятно было слушать свой собственный голос, доносящийся со стороны. И опять же: сделаешь потише – ничего не разберешь, погромче – а вдруг услышит еще кто-то... А еще – вроде свой голос, а незнакомый: и тембр, и интонации какие-то не те, обороты речи неуклюжие, бесконечные повторы, и слова какие-то вымученные... Неужели она действительно так говорит?.. Странно, очень странно было слушать свой голос. Сначала пришлось привыкать к его звучанию, не очень-то вникая в содержание. Она часто останавливала ленту, отматывала назад и слушала заново...

Когда закончилась вторая кассета, Нина поймала себя на том, что забыла – а что же было на первой?

Дня два-три она обдумывала, прикидывала, соизмеряя желания с возможностями, и решила, что лучше бумаги носителя информации не существует. А хотелось ей – ну, пришла внезапно фантазия! – зафиксировать все сны, которые она когда-либо видела. Ну, если не все, то уж большинство. Сделать, так сказать, Полное Собрание Снов. Обкатывая мысль так и эдак, она постепенно наработала и форму, и способ, и технику исполнения своих желаний. И чем дальше, тем больше эта мысль ей нравилась, становилась абсолютно правильной. Зачем ей понадобилось «ПСС», она как-то особо не акцентировала. Захотелось – вот и все. Дело за воплощением. А отправной точкой она выбрала те самые кассеты.

Все свободное и не очень время Нина стала посвящать своим записям. Когда было невозможно взяться за авторучку – по дороге на работу, домой, в лабораторию, в магазине, в не очень загруженные рабочие минуты – она вспоминала очередной сон, мысленно проговаривала его, подбирала слова и фразы, укладывая в памяти, чтобы потом можно было сесть и писать, как с листа.

Стопка бумаги накопилась быстро, однако читать и перечитывать рукописный текст оказалось затруднительным. Пришла мысль о пишущей машинке. Печатать ей приходилось по долгу службы – календарные планы, отчеты, инструкции – и машинкой она худо-бедно владела. Закрываясь после работы в комнате дежурных электронщиков, Нина перепечатывала то, что написала днем.

Сны получались как маленькие рассказы от первого лица, всем им Нина придумала названия. Она вдруг почувствовала интерес к литературной работе, старалась каждый эпизод описать не только с документальной точностью, но и красочно, и, по возможности, литературно грамотно – в той степени, в какой она себе это представляла. В общем, неожиданное занятие ей нравилось. Но его она держала в секрете от всех, даже от Баринова. Может быть, позже, но пока работала исключительно для себя.

И как-то раз, перечитывая собранные в скоросшиватель отпечатанные листы, она вдруг подумала о том, что, занявшись описанием снов, стала относиться к ним резко по-другому. В первую очередь – перестала бояться их!..

Мысль показалась интересной и неожиданной. Нина отложила скоросшиватель и принялась додумывать ее до конца.

Ну да, так и есть! Она больше не вспоминает о своих снах с содроганием, не думает о них как о кошмарах и ужасах, как о чем-то противоестественном и чужом.

Двадцать лет она до жути, до судорог боялась снов, в отчаянии ожидала прихода следующего – получается, от их необычности. Получается, мучила себя от незнания, от невежества, ведь то, чего не понимаешь, всегда пугает. Теперь же она знает, что есть у нее такое свойство: видеть сны из чужой жизни. Очень редкое, неординарное, в науке не описанное – ну и что из того? Достаточно взглянуть на факт снов в другой плоскости, и окажется, что это просто-напросто весьма интересное и любопытное явление!

Тем более, что за двадцать лет они, по большому счету, не причинили ей ни физического, ни морального вреда, и психику, похоже, оставили в неприкосновенности. Значит, стоит окончательно перестать их бояться, и слабость и разбитость после них исчезнут сами собой...

Но если так, стало быть, она вылечивается, вернее, она сейчас, в эту вот минуту сделала первый шаг к излечению!..

И это здорово, просто отлично! Сны не кончились, кончился страх перед ними. Все правильно и логично: сначала ситуация владеет тобой, потом ты владеешь ситуацией... Но надо отдать должное: если бы не Баринов, не исследования в лаборатории, ей самой и в голову не пришло записывать и систематизировать сны, тем более, отнестись к ним не как к патологии, не как к несчастью, а как к редкому дару. Да-да, именно дару! Ведь это дар – прожить, пусть во сне, десятки и сотни жизней за одну, тебе отпущенную!

...Нина сидела за столом в комнате дежурных электронщиков, часы показывали половину первого ночи, кругом стояла тишина, а в ее душу – избитую, израненную, многолетне истерзанную собственными мыслями – возвращалось спокойствие, тихая радость и что-то, похожее на умиротворение.

Она словно раздвоилась в ощущениях вековой усталости и, одновременно, необыкновенного прилива сил.

«Наверное, именно так выглядят покой и благодать», – спокойно и чуть отрешенно подумала Нина.

Больше не надо строить бетонных и каменных стен между собой и окружающими, больше не надо замыкаться в себе, не надо стремиться к тому, чтобы сознание «схлопнулось» в ней...

4

Коробок с лентами самописцев прибавилось, это Нина заметила, когда Баринов доставал из шкафа знакомую красную папку.

Достал – и положил перед ней. Нина улыбнулась и покачала головой.

– Своими словами, Павел Филиппович. Своими словами!

– Понял, – не смутился он. – Итак, восемьдесят ночей – девять снов. *Ваших* снов. Статистика – не ахти, ни один серьезный экспериментатор не стал бы даже думать над обобщением, тем более, делать выводы, даже предварительные. Но мы – люди несерьезные, – Баринов прищурил правый глаз, – поэтому... Одним словом, мы убедились, что ваши сны имеют место быть. Они – объективная реальность, данная нам, вернее, вам в ощущениях. А нам, естественно, в показаниях приборов.

– А вы сомневались? – не выдержала Нина.

– Лично я – нет. Но ряду моих коллег присущ здоровый скептицизм, что нормально и правильно, и показаниям приборов они верят больше, чем себе. Ваши же энцефалограммы, Нина Васильевна, могут убедить любого. Они четко и однозначно указывают на шестую фазу сна – при абсолютном совпадении во всех девяти случаях. Поверьте специалисту: такого еще не наблюдал никто. Или скажу осторожнее: никто и никогда не публиковал подобных биоритмов человека – ни в спящем, ни в бодрствующем состоянии. Причем, флуктуации фиксируются буквально во всех ритмах, которые мы умеем уловить, начиная от альфа- и кончая каппаритмом. Мои гвардейцы уже успели окрестить это явление «эффектом Афанасьевой». Будьте уверены, оно так и закрепится официально в научном мире.

– А почему не «эффект Баринова»?

Баринов демонстративно преувеличенно развел руками:

– Мы не физики-химики: закон Ньютона, число Авогадро, теорема Ферма – это не про нас. Нам подобные вольности не положены.

– Ну, понятно: «больной икс», «больной игрек»...

– Нина Васильевна! – Баринов так укоризненно посмотрел на нее, что она невольно рас-
смеялась.

– Все, все, Павел Филиппович! Больше не буду, извините!

– Смотрите, ваш первый сон – протокол №12 – длился двадцать две минуты, второй – протокол №13 – четырнадцать минут. Третий – восемнадцать, четвертый – одиннадцать и так далее... Вы смогли бы реально, наяву «проиграть» их в уме? А я прохронометрирую. У меня такое чувство, что сны вам снятся в реальном ритме и уже тем отличаются от остальных. В тех, обычных, сплошь и рядом перепутаны не только причинно-следственные связи, но и в протяженности отмечается такая же чехарда. Бывает, за две-три минуты человек насмотрится такого, на что в реальности нужны десятки минут. А бывает, получасовой сон уложился бы, утрирую, в полминуты.

– А ведь я, Павел Филиппович, уже думала над этим! – почти обрадовано воскликнула Нина. – Как интересно получается... Я пыталась вспомнить кое-какие сны, как вы говорите, «проигрывать» про себя. Я почти уверена, что они снятся мне именно в режиме реального времени, «он-лайн».

– Как-как? – не понял Баринов.

– *On line*. Это термин программистов и электронщиков.

– Отлично, мы друг друга поняли. Значит, на следующей неделе назначаем «вечер воспоминаний» вкупе с хронометражем... Теперь далее. Полагаю, что у вас индивидуальная непереносимость галлюциногенов, ЛСД в частности, и на сегодня мы их выводим за скобки. Снотворные трех групп – названия вам ни к чему – равно как алкоголь угнетают вашу способность к сновидениям. Не скрою, именно в этой области может лежать метод лечения, но кто знает, какая реакция последует в будущем на применение снотворных препаратов? Не исключено, что они не купируют сами сны или способность их видеть, а просто временно подавляют, загоняя внутрь, и спустя какой-то промежуток времени мозг отреагирует совершенно адекватно, словно сжатая пружина: кончится действие препарата – и пружина развернется с тем большей силой, чем сильнее мозг угнетался.

– Хорошенькая перспектива, – Нина представила, как в течение одной ночи ей приснится три-четыре-пять *ее* снов, и невольно поежилась.

– Не то слово!.. Мы это учитываем и пока – пока! – химическое воздействие на ваш мозг прекращаем. И вот вам второе задание: попробуйте скоррелировать свое состояние с появлением снов. То есть, попробуйте соотнести их появление с физическим, психологическим своим состоянием, со временем года, с атмосферным давлением, с температурой окружающего воздуха, с солнечными и лунными затмениями, наконец!.. Грубо говоря: после чего или же перед чем? Чувствуете ли вы их приближение, можете ли предугадать – по каким-либо косвенным признакам. И не отвечайте сходу, подумайте, проанализируйте.

Нина очень серьезно посмотрела на Баринова и отрицательно покачала головой.

– Я дорого бы дала за то, чтобы заранее знать или предугадать. Слишком многих неприятностей мне бы тогда удалось избежать.

Баринов поднялся из-за стола, походил по кабинету, достал из холодильника бутылку сока, из серванта пару высоких стаканов.

– По причине позднего времени кофе не предлагаю. Курить хотите? А то мне одному как-то неудобно, а жутко хочется. И вообще, давайте-ка переместимся вон туда.

Они перешли в «гостевой угол», в удобные, хоть и современные кресла у журнального столика. Закурили.

– Когда-то давным-давно, в период щенячьего восторга от причастности к большой науке, работал я в некоей «хитрой» лаборатории. Много интересного там происходило, потому как занимались в ней человеческим мозгом. – Баринов говорил негромко, пристально следя, как растет сероватый столбик пепла на его сигарете. – Выискивали по градам и весям массу

занимательной публики: ясновидцев и гадалок, лозоходцев и телепатов, людей-счетчиков и людей-магнитов, прорицателей, колдунов, целителей, гипнотизеров, гениальных дурачков и сумасшедших гениев... Пытались исследовать физиологию сна и природу сновидений, доискивались причин феноменальной памяти, таланта и способностей в самых разных областях науки и искусства... много чего значилось в ее тематике. Был я там нулем без палочки, лаборантом: «кушать подано», «подай – принеси», и меня нередко одалживали другим группам – помочь в подготовке эксперимента, помочь прибраться после него. Так что, пришлось пови-
дать...

Баринов аккуратно затушил догоревшую до фильтра сигарету, сделав, в общей сложности, не более трех-четырех затяжек, тут же достал новую, прикурил, положил на край пепельницы и словно забыл про нее.

Пауза затягивалась, но Нина не смела пошевелиться, чтобы не нарушать его мыслей. Она чувствовала, что перед ней открывается нечто такое, что недоступно не только широкой общественности, но и официальной науке, что ее краешком, по касательной подвели к знаниям посвященных, и эти знания могут быть опасными для его обладателя – всерьез и на самом деле.

– У человека под местным наркозом удалили часть височной кости и обнажили мозг, – снова заговорил Баринов и остро глянул на Нину. – Человек в полном сознании, боли практически не ощущает. Прикосновение электрода со слабым током к одной из точек правой височной доли, вот сюда, – он показал на себе пальцем, – и человек вдруг слышит давно забытый блюз. Он видит давно забытую маленькую, тесно заставленную громоздкой мебелью комнату, яркую бахрому тяжелой плюшевой скатерти на круглом столе посередине. На диване сидит мама – молодая и красивая, в вечернем нарядном платье, а рядом с ней на столике с гнутыми ножками стоит патефон и бесконечно играет одно и то же. Мама снова крутит ручку, снова ставит иглу на начало пластинки. Молча сидит – и слушает... Электрод перемещается в другую точку, и из глубины детства всплывает запах ландыша, любимых духов тети Риммы – она снова приехала в гости, привезла в подарок модель яхты и толстую книжку сказок Андерсена... Все отчетливо и ясно, может даже, отчетливей и яснее, чем наяву... Человек дает себе отчет, что идет операция, что он сидит в кресле и ему трепанирован череп... но сквозь призрачную обстановку операционной властно пробивается залитая весенним солнцем карусель, зелень парка, медная браваурность духового оркестра, а его кулачок крепко обхватывает большой палец отцовской руки...

Баринов говорил совсем не в своем стиле: медленно и размеренно, перемежая фразы паузами, а голос у него стал каким-то серым, бесцветным. И Нина вдруг безотчетно испугалась, да так, что холодок пробежал по спине.

– Павел Филиппович, зачем вы это мне рассказываете? – с нервными нотками в голосе вклинулась она в очередную паузу. – Вы меня к чему-то подготавливаете, да?

– Мир наш многомерен и непредсказуем, Нина Васильевна. – Было заметно, как усилием воли Баринов снова стал почти самим собой. – И бесполезных знаний в нем быть не может. *Praemonitus praemunitus*, что означает: «Предупрежден – значит, вооружен»... Однако мы с вами засиделись. Почти одиннадцать, вас ждут.

У самой двери Нина обернулась.

– Там ставили опыты над людьми?

Баринов ответил, ни на секунду не задумываясь:

– Претенденты на роль властелина мира всегда пристально интересовались людьми. В первую очередь – людьми, и ничем больше, кроме людей. Ведь чтобы властвовать над людьми – их надо знать. А чтобы знать – изучать.

Той же ночью Баринов улетел в Москву, неделю они не виделись.

А по его возвращении оба держались так, словно этого разговора не было вообще, ни взглядом, ни словом, ни намеком не возвращаясь к нему. Нина понимала, что раз инициатива прошлый раз исходила от Барина, то ей предписано просто ждать. Будет ли продолжение или нет... будущее покажет.

Глава 5

1

«Стенограмма неофициального совещания в Лаборатории сна Киргизского филиала НИИЭМ АН СССР, состоявшегося 31 октября 1984 года, г. Фрунзе.

Присутствовали: сотрудники лаборатории: П. Ф. Баринов, А. В. Аксельрод, И. А. Лебедев, а также д. м. н., профессор, проректор Ташкентского мединститута И. Б. Моисеев.

Стенограмма расшифрована и обработана 1 ноября 1984 года, сокращений и изъятий нет. Кол-во машинописных страниц – 15. Отпечатано в 3-х экземплярах.

БАРИНОВ: *Итак, я собрал вас, господа... Ну да ладно, все свои, предмет разговора ясен. И очень хотелось бы, чтобы он получился. Кто первый?*

МОИСЕЕВ: *Э-э, Паша, послушай... эта штука, пожалуй, лишняя будет.*

БАРИНОВ: *По свидетельству Геродота скифы тоже устраивали «мозговые штурмы»: собирались старейшины, пили от души и в полную глотку. По пьяни мысли высказывались разные, вплоть до бредовых, а трезвые секретари их записывали. Наутро, похмелья, все прочитывалось, и оптимальное решение находилось. Так что, извини, Илья Борисович, магнитофон – не роскошь.*

МОИСЕЕВ: *Мы ж не по пьяни.*

БАРИНОВ: *Могу налить.*

МОИСЕЕВ: *От тебя, жлоба, дождешься!*

АКСЕЛЬРОД: *Ну, опять! Разрезвились!*

МОИСЕЕВ: *Все-все-все! Все, Шурочка, все! Я серьезен, трезв, и готов, как пионер.*

БАРИНОВ: *Итак, начнем. Мы трое непосредственно работаем с Афanasьевой. Илья Борисович по приезду получил от меня все материалы, провел с ней беседу и тоже в курсе. Хочу, чтобы вы помнили: в сегодняшней дискуссии нет места науке биологии – мне не надо знать, каков механизм передачи возбуждения от синапса к синапсу, меня не интересует биохимия клеток мозга в стадии «парадоксального» или иного сна, мне до лампочки каталептические явления на периферии нервной системы. Все это исследуется в лаборатории. Мне необходимо понять – откуда у нее эти сны? Правомерно ли называть их снами? Но тогда – что это? Грезы? видения? галлюцинации? миражи? морок?.. Наводятся ли они извне или зарождаются у нее в мозгу? Фантазия или отражение действительных событий?.. Ваше мнение, коллеги. Игорь, ты младший, тебе начинать.*

ЛЕБЕДЕВ: *Ну, во-первых, о содержании снов мы можем судить исключительно со слов испытуемой, так что вполне допустима просто буйная фантазия. Правда, сам факт снов подтверждается объективными показаниями приборов... Теперь по существу. Первое, что бросается в глаза – явная чужеродность виденного. Простой советский инженер по ночам вдруг преобразается в средневековую даму, кончающую самоубийством у себя в замке. Или – в эскимоса на Чукотке, на Аляске, а может, в Гренландии. Или – в чернокожего юношу-раба при дворе, допустим, царя Соломона или Хаммурапи. Или – в древнекитайского мудреца, которому за какие-то повинности рубят голову... Ну, не ее это сны! Стреляйте меня из поганого пистолета, не ее! Ну, не может она владеть столь разнородной информацией, да еще в таких объемах, да еще столь правдоподобной! Это – навязанные, внушенные ей сны.*

МОИСЕЕВ: *Ага, съела что-нибудь.*

БАРИНОВ: *Илья, кончай паясничать!*

АКСЕЛЬРОД: *Действительно, Илья, что за балаган!*

МОИСЕЕВ: А это я принимаю твои условия, Павел Филиппович!.. Балаган, театр, цирк, Вольф Мессинг, Ури Геллер, Роза Кулешова – вот что здесь происходит!.. Ладно, проехали. Материалы я внимательно просмотрел, против методики и техники экспериментов возражений не имею. То, что вы в тупике – согласен. Ты, Паша, тысячу раз прав: не поняв, не уяснив генезис ее снов, не понять и их механизм. То, что это не сны, Игорь, согласен – сто процентов! Найдите какой-нибудь другой термин, что-нибудь умное и ученое, по латыни. Ты, Шурочка, сможешь. Я же, как профессор психологии, врач-психиатр с многолетней практикой, официально заявляю об абсолютной адекватности Афанасьевой, комплекс Франциска Гойя в данном случае отсутствует напрочь. Я имею в виду его офорт «Сон разума рождает чудовищ». И Иерохим Босх тут не причем, заранее заявляю. Она не страдает патологической фантазией, маниакальным психозом или раздвоением личности. А если вспомнить сюжеты снов – то даже растроением, раздесатерением и так далее. Я бы с легким сердцем доверил Афанасьевой кнопку пуска стратегических ракет или управление ядерным реактором. Если необходимо мое заключение – пришлю на официальном бланке, как только вернусь. Приватно скажу: ребята, ищите истину совсем в другом направлении.

БАРИНОВ: То есть, это не галлюцинации? Тогда что?

МОИСЕЕВ: Аналогов в литературе не припоминаю. А так, навскидку, скорее, мираж. Галлюцинация – продукт мозга, мираж – информация посторонняя. Наведенная.

АКСЕЛЬРОД: Разрешите мне. Я уже указывала Павлу Филипповичу, что если отталкиваться от содержания снов, то тему надо либо переоформлять, либо закрывать, потому что она получается не профильная. Не вписывается ни в какие каноны современных представлений о природе сна и сновидений.

ЛЕБЕДЕВ: Закрывать-то зачем?

АКСЕЛЬРОД: Из формальных соображений. Лаборатория исследует природу сна, а не его содержание.

МОИСЕЕВ: Ну, по-моему, вас это волновать не должно. Укажите в отчете, что в ходе экспериментов получены интересные результаты, обоснуйте необходимость новых направлений – вот и все.

АКСЕЛЬРОД: Это понятно, Илья, обычно так и делается. Но, дело-то в том, что тогда мы как бы отходим от изучения собственно мозговой деятельности. Вторгаемся в область нам несвойственную.

МОИСЕЕВ: Паша, а ты что думаешь?

БАРИНОВ: Формально, конечно, Александра права, не наш это профиль. С другой же стороны, явление как факт существует и напрямую связано с высшей нервной деятельностью. Ergo – наша епархия... А дальше, уж как на это посмотреть – мистика ли с точки зрения науки, наука ли с точки зрения мистики...

АКСЕЛЬРОД: Вот чего я и опасюсь. Какая, извините, моча кому и как в голову стукнет.

БАРИНОВ: Ладно, ребята, как говорится, чем дальше в лес, тем толще партизаны. Вот и мы: заберемся в чащу и постараемся не высовываться. А пока вернемся к Афанасьевой. Итак, что в первую очередь вам показалось странным в ее снах?

АКСЕЛЬРОД: Лично мне странно все. Начну с такой детали: она видит себя то женщиной, то мужчиной, и чувствует себя в каждом образе одинаково комфортно.

МОИСЕЕВ: Кстати, ты обратила внимание, что она никогда не видела себя ребенком?

АКСЕЛЬРОД: Это так. Хотя, косвенно... Помните «смутные» сны? Когда ни образов, ни действий – одни ощущения.

ЛЕБЕДЕВ: Ребенок уже на первом месяце жизни умеет распознавать образы – в цвете и контурах. Вот если до рождения, в эмбриональном состоянии... Но детских снов у нее нет, это точно.

МОИСЕЕВ: А я, коллеги, позволю себе обратить внимание не только на содержание, но и на форму. Согласен, содержание поражает многообразием, многовременьем, многосюжетом, так сказать. Абсолютно разные люди, разные судьбы, разные ситуации, но, как правило, фиксируются исключительно эмоциональные моменты. Практически всегда присутствует состояние аффекта, сильнейшего стресса.

АКСЕЛЬРОД: Бедная девочка! Ведь это началось у нее с четырнадцати лет! Пережить, пусть даже во сне, столько трагедий, столько личных смертей...

ЛЕБЕДЕВ: Да, почти ни одной ординарной ситуации.

БАРИНОВ: Ладно, свои эмоции оставим для беллетристики. Где мысли, коллеги? Мыслей не слышу, идей.

ЛЕБЕДЕВ: Надо абстрагироваться от информационной составляющей.

МОИСЕЕВ: Наоборот, именно от нее придется отталкиваться. Иначе кроме факта шестого состояния ничего не остается.

БАРИНОВ: Но это же бред!

МОИСЕЕВ: Скорее, буйная фантазия. С такой фантазией книжки писать.

ЛЕБЕДЕВ: Не может она оперировать таким объемом информации, тем более, выстраивать ее в законченные, строго логически организованные сюжеты. Да, Афанасьева начитана и образована, но совершенно в других областях. Она не гуманитарий, она естественник. Это – не ее.

БАРИНОВ: То есть, Игорь, в самостоятельности, так сказать, ты ей отказываешь, и считаешь, что сны – продукт не ее мозга.

ЛЕБЕДЕВ: Да. Она перцепиент, а не индуктор.

АКСЕЛЬРОД: Но если ее видения не генерируются ее же мозгом...

МОИСЕЕВ: ...они есть объективная реальность, данная ей в образах и сюжетах. Так?

ЛЕБЕДЕВ: Так. Повторю и настаиваю – они генерируются и навязываются ей извне.

БАРИНОВ: Ага. «Властелин мира» Александра Беляева. Злой дядя-изобретатель внушает на расстоянии картинки из чужой жизни.

ЛЕБЕДЕВ: Почему – злой дядя? Почему – на расстоянии? А тысячи тысяч ее предков? Почему бы не считать ее видения генетической памятью?

БАРИНОВ: С логикой плохо.

ЛЕБЕДЕВ: Это как, Павел Филиппович?

БАРИНОВ: Память поколений – фактор внутренний, и это подкупает: не надо притягивать за уши сумасшедших изобретателей... Но вспомните: девять снов из десяти кончаются гибелью главного действующего лица. Вот если бы ей снился момент зачатия, а не смерти...

АКСЕЛЬРОД: А-а, ну да, конечно... Герой гибнет и память о своей кончине, естественно, передать потомкам не успевает чисто физически.

БАРИНОВ: Словом, генетическая память даже на гипотезу не тянет. Обратимся к внешним источникам.

ЛЕБЕДЕВ: Слушайте, а если это аберрация памяти? Передача информации на генетическом уровне, но другого человека. Кто-то видел смерть главного героя, представил себя на его месте – и передал своим потомкам.

АКСЕЛЬРОД: Натяжки, Игорь, натяжки. Во-первых, какой жуткий стресс нужно испытать, чтобы так в деталях запомнить смерть даже близкого человека! Далее, абсолютно неординарно, что кто-то будет представлять себя на месте этого человека. Да еще в полной правдоподобности ощущений.

МОИСЕЕВ: А еще, Шурочка, во многих снах герой гибнет без свидетелей. Помните? «Беспальный» тонет в таежной речке, охотника с поломанным копьем задирает медведь, женищина

в ожерелье из зубов срывается со скалы, лодку «рыбака» из Океании штормом разбивает о камни... Ну и много других, похожих сюжетов.

БАРИНОВ: Принято. О внутренних факторах говорить не приходится. А внешние?

ЛЕБЕДЕВ: То есть, идею самогенерации видений закрываем? Так, Павел Филиппович?

БАРИНОВ: Похоже, она себя исчерпала. А жаль, откровенно говоря.

АКСЕЛЬРОД: Почему?

БАРИНОВ: Придется выходить за пределы обособленной системы, именуемой мозгом. Выдумывать новые сущности, привлекать я уж даже не знаю какие механизмы... Словом, подумаем о внешних факторах-причинах.

ЛЕБЕДЕВ: Ясновидение?

АКСЕЛЬРОД: Источник информации, действительно, возможен внешний, но причина все же внутренняя, зависит от перцепиента.

БАРИНОВ: Осторожнее, коллеги, здесь начинается мистика.

АКСЕЛЬРОД: Павел Филиппович, вы причисляете к мистике все, что не относится к понятному и объясненному.

БАРИНОВ: Хорошо, пусть метафизика. Устроит?

МОИСЕЕВ: Не будем лепить ярлыки, ребята. За нас это успешно сделают другие. Явление, с которым вы столкнулись, явно относится к паранормальным. Вы хотите найти ему цельное, непротиворечивое объяснение. Так пусть начальная теза будет как угодно фантастична или бредова – но все остальное должно быть логически безупречно. Тогда это гипотеза, а не чушь собачья.

ЛЕБЕДЕВ: Чем вам не нравится ясновидение?

АКСЕЛЬРОД: Я, например, всегда думала, что ясновидение направлено из будущего в настоящее. Нострадамус там, гадалки всякие. А Афанасьева снов из будущего не видит. Только из прошлого.

ЛЕБЕДЕВ: Это-то и говорит в пользу генетической памяти.

МОИСЕЕВ: Опять за рыбу гроши!.. «Ясновидение» – термин довольно емкий. У цыганок – помните? – «что есть, что было, что будет, на чем сердце успокоится»... Показывают ясновидящей фото, а она говорит, что, мол, этот человек жив, ищите его там-то и там-то. Или – человек мертв, а труп находится, скажем, в воде или в лесу, среди деревьев. И даже примерное место укажет на карте. Если есть у людей такой дар, почему бы у Афанасьевой не оказаться дара видеть окружающий мир глазами другого человека? Герберт Уэллс, «Замечательный случай с глазами...» то ли Дэвидсона, то ли Мэйсона...

БАРИНОВ: Понимаешь, Илья, психологически легче поверить в ясновидение сиюминутное, в способность видеть глазами другого – но строго в настоящий момент, в сию секунду. Назовем своими именами: односторонняя телепатическая связь. Но представить – и поверить! – в прием информации от человека давным-давно умершего... Извини, мозги закипают.

АКСЕЛЬРОД: А если это наши современники? Сколько на земле укромных уголков, где люди в шкурах ходят, на медведей с копьем охотятся?.. Еще возможен такой косвенный штрих: у этих детей природы еще проявляются атавистические способности к телепатии, вот они и «телепают» что попало и на какое угодно расстояние. А у цивилизованного человека их уже нет.

БАРИНОВ: Ну да, а еще эти «дети природы» в каменоломнях бронзовым кайлом орудуют, на галерах под веслами и парусами ходят, в глинобитных дворцах живут: по стенам золото и парча, а не то что электричество, элементарной канализации не знают!.. Это где же такие «укромные уголки»?

АКСЕЛЬРОД: Павел Филиппович, я немного не в тему. Вы обещали Афанасьевой ничего от нее не скрывать. Значит ли это, что наш сегодняшний разговор будет ей тоже известен?

БАРИНОВ: Ну-у, Александра Васильевна, все зависит от того, к каким выводам мы придем. И придем ли.

АКСЕЛЬРОД: Что-то кроме ясновидения ничего больше не вырисовывается. Другие мысли есть?

ЛЕБЕДЕВ: Чувствуется, Александра Васильевна, вам эта гипотеза не по душе, не нравится.

АКСЕЛЬРОД: Я так вопрос не ставлю: нравится – не нравится. Просто предпочитаю иметь альтернативу.

ЛЕБЕДЕВ: Чтобы потом из двух зол выбрать третье.

МОИСЕЕВ: Друзья мои, не будем отвлекаться!.. Что мы имеем с гуся? Афанасьева видит картинки прошлого глазами тех людей, что жили когда-то в самых разных местах. Давайте пройдемся по всему спектру, может, это что даст. Итак, кое-что мы можем угадать: Ближний Восток, Средняя и Центральная Азия, Сибирь или Канада, тропическая Африка, юго-восток Азии, океанические острова... То есть, практически, все регионы Земли как планеты... Конечно, сцены средневековья, первобытной жизни и каменного века географически можно привязать только исходя из климата, рельефа местности, растительности и животного мира. Дома, дворцы, здания и сооружения, тем более, пещеры и хижины с ныне существующими мы отождествить не можем. Но разброс колоссальный: от тропических лесов, саваны, пустыни, берегов теплых морей до полярной тундры, тайги, подножий гор и высокогорья... А вот теперь обращаю ваше внимание, друзья, на такой факт: ведь это все не цель, это фон, на котором разворачиваются основные события. То есть нечто второстепенное, не главное – но как четко проработано!

ЛЕБЕДЕВ: И это косвенно подтверждает правдоподобность видений. Как мираж – ты видишь призрак, но все это где-то есть на самом деле.

АКСЕЛЬРОД: Мы дилетанты. В этих пейзажах специалист обнаружит информации много больше. Может, увидит и несуслащцу.

МОИСЕЕВ: Да, если они надуманные. А если подлинные? Натуральные?.. Лично мне кажется, что последнее. Помните сон про нападение на оазис? Явно Африка или Ближний Восток средневековья: бедуины, верблюды, жара, песок, пальмы... Или каменистая пустыня, где человек в непонятной хламиде копает колодец на дне высохшего русла реки? Явно Центральная Азия. Впрочем, может и Мексика, Аргентина... Мы не специалисты.

АКСЕЛЬРОД: Ты предлагаешь подключить географа, историка... Так, Илья?

МОИСЕЕВ: Негласно, ребята, негласно. Исключительно на личных контактах.

ЛЕБЕДЕВ: Но, Илья Борисович, о нас и так уже по городу легенды ходят!

АКСЕЛЬРОД: Да-да! Я ведь недаром обеспокоилась тематикой. В таких условиях расширять круг посвященных... Того и гляди, обвинят в самых разных смертных грехах.

МОИСЕЕВ: Понятно... А у тебя, Паша, за плечами – и экстрасенсы, и знахари, и лозоходы, и телепаты...

АКСЕЛЬРОД: Обязательно припомнят!

БАРИНОВ: Плевать, переживу. Одной легендой больше, одной меньше... Не отвлекайтесь.

АКСЕЛЬРОД: Я так понимаю, что ясновидение из прошлого, то есть ясновидение со знаком минус большинством не принимается. Не нравится, что оперируем сдвигом во времени. А в пространстве? Допустим, существует система параллельных миров с бесконечным множеством планет под названием «Земля». Пусть половина из них – наше прошлое, половина – наше будущее. Мы – посередине. И именно оттуда, из параллельных миров Афанасьева черпает информацию, которая трансформируется у нее во сны. То есть сейчас, сиюсекундно существует и средневековье, и каменный век, и наше сегодня.

ЛЕБЕДЕВ: Противоречие первое: почему она видит сны только из прошлого? По теории вероятности, половина снов ей должна идти из прошлого, половина – из будущего... Если, конечно, оно есть, это будущее. Прошлого-то уж точно существовало.

МОИСЕЕВ: Действительно, если есть информация из десятого века, то почему нет, скажем, из двадцать первого?

АКСЕЛЬРОД: Может, человеку недоступно знание будущего... Хотя, как тогда быть с Нострадамусом? А может, ее мозг настроен только на прошлое. У Нострадамуса – только на будущее. А Ванга, например, одинаково легко проникает и в прошлое, и в будущее, и в настоящее конкретного человека.

БАРИНОВ: Не знаю, не знаю... Параллельные миры, множественность Земель, сдвиг по времени... Глобально все как-то. Сложно. Из факта необычных снов одного человека мы выстраиваем космогоническую теорию. Несопоставимо как-то. Мегатонной бомбой по кузнечикам. Вот, скажем, пересохла речушка, а мы уже талдычим о глобальном потеплении, об изменении наклона земной оси, о парниковом эффекте. А объяснение тривиальное, под боком: какой-то дурак осушил луговину, где эта речушка начиналась родничком, и понизил тем самым уровень грунтовых вод. Попутно исчезло еще несколько родничков, что подпитывали ту речушку. А дальше по цепочке – обезводились болота, засохли рощицы, на лугах трава зачахла, торфяники гореть стали... А мы – климат-де, меняется!

МОИСЕЕВ: Дурак-мелиоратор – это впечатляет. Но множество Земель в эн-мерном пространстве со сдвигом по фазе впечатляет не хуже... А если, действительно, попроще, а? Земля наша, как была одна-единственная, так и останется... Знаю, знаю, вы меня сейчас с туфлями, со шнурками, с пуговицами съедите! А если, и вправду – переселение душ?

БАРИНОВ: Не ново, Илья, не ново! Реинкарнация, Атлантида, древние цивилизации, Гондвана, Шамбала... а также НЛО, зеленые человечки, контактеры-гуманоиды, жизнь после смерти... Что-нибудь пооригинальнее, пожалуйста.

МОИСЕЕВ: Ну вот, что я говорил!

АКСЕЛЬРОД: Погодите, коллеги! Мы же условились. Высказываем любые, самые дикие и бредовые идеи, откровенно-шарлатанские, скандальные или набившие оскомину, глупые до безобразия – лишь бы они внутренне были логичны и непротиворечивы, и полностью объясняли известные нам факты. Ваши слова, Павел Филиппович?.. Кстати, реинкарнация объясняет, практически, все.

БАРИНОВ: И это-то как раз особо и настораживает... Хорошо, предположим. Но – тогда мы такой клубок проблем получим, что никому не позавидуешь! Куда там ясновидение с телепатией!.. Во-первых, что значит – «душа»? Во-вторых, как она «переселяется»? То есть механизм. В-третьих... Впрочем, для начала хватит и этих двух моментов.

АКСЕЛЬРОД: Ну да, раз она «переселяется», значит, должна быть материальна.

ЛЕБЕДЕВ: Кстати, не помню где, но промелькнуло сообщение, что группе медиумов, по-моему, в Верджинии удалось «взвесить» душу. В момент смерти, в том числе клинической, человек теряет от тридцати до пятидесяти граммов веса.

МОИСЕЕВ: А источник?

ЛЕБЕДЕВ: Сейчас не помню, Илья Борисович. По-моему, в какой-то газете.

МОИСЕЕВ: «Правда», «Труд», «Сельская жизнь»? Или даже – «Аргументы и факты»? Оч-чень авторитетный источник, коллега!

БАРИНОВ: Ладно, Илья, отстань от человека. Есть свидетельства посерьезнее. Ну, не по душе, разумеется, а по явлению.

МОИСЕЕВ: Например?

БАРИНОВ: Лет восемь или десять назад, кстати, именно в Верджинском университете опубликована статья канадского профессора Стивенсона под названием, если не путаю, «Двадцать случаев реинкарнации»*. Довольно интересная работа, я бы сказал.

ЛЕБЕДЕВ: *И что там, Павел Филиппович?*

БАРИНОВ: *Надо поискать, где-то у меня должна сохраниться фотокопия на микроплёнке. На английском, разумеется. А тебе, Игорь, я ее, по-моему, давал почитать. Для общего развития.*

ЛЕБЕДЕВ: *Не помню, честное слово!*

БАРИНОВ: *Или хотел дать... Ну, неважно, найду. Сам Стивенсон биохимик и психиатр, за сенсацией, как я понял, не гонится, полагает, что концепция реинкарнации могла бы помочь современной медицине понять различные аспекты развития человека и его поведения в условиях меняющейся внешней среды. Идею перевоплощения он трактует как выживание личности после смерти, и особо указывает, что даже не берется связывать это явление с каким-либо физическим процессом.*

МОИСЕЕВ: *Паша, не тяни кота за хвост! Суть давай, факты! Статью, надо будет, найдем.*

БАРИНОВ: *Да ради бога! Работал он с детьми от двух до четырех лет, которые «помнили» о своих предыдущих жизнях. Доказанным случаем считал тот, для которого потом получал документальные подтверждения происшедших в прошлом событий. Важен такой нюанс: Стивенсон никогда не платил деньги как вознаграждение семьям этих детей. Дальше, он отмечает, что наиболее ярко дети помнят события, связанные со смертью прежней личности, как правило, насильственной, трагической – убийство или несчастный случай.*

МОИСЕЕВ: *Это серьезно, это может коррелироваться с нашим... вернее, с вашим случаем. А как насчет фактов? Факты Стивенсон приводит?*

БАРИНОВ: *Я их, естественно, не помню, но статья базируется как раз на конкретных фактах и ситуациях. О событиях прошлой жизни дети рассказывают, находясь в самых обыкновенных бытовых обстоятельствах, не в трансе или под гипнозом. Где угодно и когда угодно – во время прогулок или игры, за едой или в обычном разговоре, случайно оказавшись в местах, где жили или бывали в прошлой жизни и так далее...*

ЛЕБЕДЕВ: *Но не во сне, Павел Филиппович?*

МОИСЕЕВ: *А когда дети вырастают?*

БАРИНОВ: *Ну, я так и знал! Теперь вы за это дело ухватитесь, не оторвешь... Да не помню я всего! Заинтересовались – найдите труды Стивенсона, проистудируйте. А по поводу сна... По-моему, Стивенсон нигде не говорит, что кто-то во сне видел себя в прошлой жизни. Но он упоминает, что после шести-восьми лет дети перестают вспоминать об этом.*

ЛЕБЕДЕВ: *Ну да, видимо, перерастают, старая информация забывается новой, приобретенной...*

МОИСЕЕВ: *Стоп, Игорь, стоп! Не увлекайся. Ты забыл, мы просто рассматриваем различные гипотезы*

АКСЕЛЬРОД: *Ту работу я знаю. И еще кое-что читала.*

МОИСЕЕВ: *И как?*

АКСЕЛЬРОД: *Не знаю, Илья, что и сказать... Стивенсон еще и другие доказательства приводит, что-то связанное с родимыми пятнами.*

МОИСЕЕВ: *Спиритизм, астрал?*

АКСЕЛЬРОД: *Нет-нет, ничем таким он, по-моему, не оперирует. Скорее, наоборот.*

БАРИНОВ: *Ну-у, договорились!.. Не-ет, коллеги, дело, похоже, пахнет не сдвигом Земли по фазе, этот сдвиг намечается лично у меня. Нам бы теперь еще каким-нибудь образом присобачить сюда спиритизм, ведьм, привидения и домовых с русалками...*

МОИСЕЕВ: *К слову, работает в Москве профессор по фамилии Миркин, Иван Александрович, по-моему. Доктор физматнаук, между прочим. Его лаборатория, рассказывают,*

очень плотно занимается изучением телепатии, телекинеза, полтергейста, ясновидения... вообще, паранормальных явлений, к коим я склонен относить и сны Афанасьевой.

БАРИНОВ: Прикажешь свозить ее на консультацию?

МОИСЕЕВ: Сам справишься, Пашенька.

АКСЕЛЬРОД: А что, Миркин и реинкорнацией занимается?

МОИСЕЕВ: Нет, что вы, ребята! Едва ли кто у нас в Союзе на такое отважится... кроме тебя, Баринов.

БАРИНОВ: Пошел ты!..

АКСЕЛЬРОД: И правда, давайте-ка закругляться, третий час бодягу разводим.

БАРИНОВ: Кому бодяга, а кому от этих снов и жизнь не в жизнь. Удариться в мистику просто, а выбраться... «Вход бесплатный, выход – рупь!»

МОИСЕЕВ: Шурочка, ты среди нас самая благоразумная, подводи итоги. Остальное порешаете в рабочем порядке.

АКСЕЛЬРОД: Хорошо. Значит, определились две группы гипотез, разнящихся в вопросе: откуда в мозг Афанасьевой поступает информация для ее снов? Итак: генетическая память, ясновидение со знаком минус, параллельные миры, переселение души...

ЛЕБЕДЕВ: Мистер Икс.

МОИСЕЕВ: Кто-кто?

ЛЕБЕДЕВ: Злодей-изобретатель со своим аппаратом. «Властелин мира».

МОИСЕЕВ: А я-то думал, что ретрансляцию в ее мозг тщательно выстроенных и отрежиссированных сцен из неизвестных пьес неизвестных авторов мы с негодованием отвергли.

АКСЕЛЬРОД: Илья Борисович!

МОИСЕЕВ: Понял, понял!.. Итак, пятое – мистер Икс. Все, иссякли?

АКСЕЛЬРОД: Павел Филиппович, я бы дополнила список неким неизвестным фактором. Скажем, «фактор икс». Или лучше – «фактор игрек», во избежание путаницы.

БАРИНОВ: Понимаю. Женская интуиция или интуитивная осторожность? Мы вроде бы и так рассмотрели все мыслимые ситуации.

АКСЕЛЬРОД: Мыслимые – да. Но случаются и немислимые.

БАРИНОВ: Гм-м, резонно, однако. Принимается. Итак, шесть гипотез, шесть направлений. «Цели ясны, задачи определены – за работу, товарищи!» Или же строимся в колонну по одному и с бодрыми пионерскими песнями шагаем напрямик в Чым-Коргон**.

ЛЕБЕДЕВ: Павел Филиппович, если источник информации внешний, первым делом надо подумать над поиском агента, несущего информацию в мозг. Ну, не радиоволны же, понятно!

БАРИНОВ: А почему не они? Докажи!.. Ладно, все, финиш. Всем спасибо, большой привет!»

2

Утром в понедельник первым делом Баринов бросил взгляд на журнальный столик, а он был пуст. Значит, ночь на субботу прошла без снов – в противном случае, как он просил, все материалы немедленно несли сюда, в кабинет...

В пятницу он устроил для Ильи Моисева «отвалыный» обед в банкетном зале «Ала-Тоо». Пригласил еще шестерых: трое из мединститута, двое из Академии, один из Минздрава – все свои, все давние приятели, коллеги. Посидели славно и уютно, тем более, конец недели, тем более, давно не подворачивался повод встретиться вот так, накоротке. Поболтали, посмеялись...

Поначалу Баринов опасался, не проговорится ли Илья о цели своего неожиданного и скоротечного визита, но тот на любые вопросы отвечал анекдотами – и в тему, и не в тему. Отделывался только так, что от лобовых, напрямик, что «из-за угла». Слава богу, проникся ситуацией!

Потом всей компанией на двух такси поехали провожать его на вечерний ташкентский самолет... Правда, в середине обеда принялись хором уговаривать сдать билет да задержаться на недельку – съездили бы всем гуртом в пансионат на Иссык-Куле или в академический дом отдыха в предгорьях неподалеку, или просто в горы диким образом... Но Илья хотел ноябрьские праздники отметить дома, с семьей. «А уж после Нового года, ребята, гадам буду – приеду покататься на лыжах!»

Сам Баринов за обедом больше помалкивал, играл в благодушие, почти не пил. После проводов компания решила задержаться в аэропортовском ресторане, но он, решительно отказавшись, поехал напрямик домой. Вечер, конечно, удался, можно было и продолжить, но хотелось элементарно выспаться, хотя бы раз за последние полгода. Да и неделя выдалась не из простых.

...Хотя бы раз в полгода Баринов старался побывать в Новосибирске. А на обратном пути, как правило, наносил визиты в Томск, Барнаул, Казань или Алма-Ату – лично пообщаться с коллегами. Из этой командировки он возвращался через Ташкент.

Профильных институтов или лабораторий, напрямую занимающихся изучением мозга, в республике не было, но при здешнем мединституте сложился неплохой коллектив психиатров, как практиков, так и теоретиков. Впору даже говорить о ташкентской школе.

Был, конечно, соблазн, поговорить по душам кое с кем из местных корифеев, «проветилировать», так сказать, интересующие вопросы... Однако прилетел он сюда с другой целью.

Во время войны в Ташкент эвакуировалась масса не только творческой, но и научной интеллигенции. В том числе оказалась почти в полном составе харьковская группа по изучению высшей нервной деятельности человека профессора Омельченко. Она с середины тридцатых занималась экспериментами в области, как бы сказали сейчас, нейрофизиологии, здесь впервые делались попытки неконтактной регистрации электрических потенциалов глубинных участков мозга. От собачек и кроликов в качестве экспериментального материала группа принципиально отказалась, работала исключительно с приматами.

Коллектив был небольшой по численности, шесть-восемь научных сотрудников и до десятка лаборантов, но работал успешно и продуктивно, накопив огромный экспериментальный материал. В сорок восьмом или в сорок девятом году лабораторию ликвидировали, почти всем сотрудникам «отвесили по червонцу» с последующим поражением в правах и, по слухам, отправили в спецлагерь то ли на Урале, то ли за Уралом. След их затерялся.

Самого же Богдана Спиридоновича Омельченко расстреляли тут же, в Ташкенте, жену с двумя детьми выслали под Кызыл-Орду. Там они и жили, пока в конце пятидесятых Верховный суд СССР не реабилитировал Богдана Омельченко «за отсутствием состава преступления», и они перебрались в Киргизию. Младший сын, Борис, пошел по стопам отца, окончил ташкентский мединститут. Одно время он работал у Баринова, и отношения у них сложились самые дружеские. Потом его пригласили в Новосибирск, и сейчас он занимал должность заместителя директора НИИ общей физиологии СОАН. Именно к нему летал Баринов – посоветоваться, проконсультироваться, да и вообще, ввести друг друга в курс своих сегодняшних проблем.

Он-то и посоветовал обратиться к ташкентским товарищам за помощью – вдруг сохранились архивы той лаборатории. Тематика похожая, может, найдется что стоящее... Хотя, конечно, надежд мало. Материалы наверняка либо уничтожены, либо в спецхране под разными грифами, хрен выцарапаешь... Но попытаться стоит. За спрос не дают в нос. «Хотя, как раз за такой спрос и схлопочешь наотмашь по сопатке, запросто», – как выразился Борис Омельченко.

Про архивы, конечно, ничего узнать не удалось. Даже от лаборатории документальных следов не осталось. Ни в республиканской Академии, ни в Минздраве, ни в горисполкоме слы-

хом о ней не слыхивали. Баринов подключил к поискам своего однокашника по Первому медицинскому, ныне проректора местного мединститута Илью Борисовича Моисеева, с которым все годы поддерживал если не дружеские, то вполне приятельские отношения. Попутно пришлось, конечно, рассказать, для чего это все ему, и Илья неожиданно заинтересовался. Пусть ёрничая и подхихикивая, но заинтересовался.

Задерживаться в Ташкенте Баринов не стал. Прошелся по старым знакомым, завел новых, обменялся телефонами, договорился кое с кем, что по приезду к себе пришлет официальные запросы. И со всей возможной убедительностью просил, чтобы к поиску отнеслись не формально. Словом, постарался на личных контактах дать делу ход, а на большее он, откровенно говоря, и не рассчитывал. Теперь осталось ждать результатов.

На прощанье Моисеев преподнес-таки сюрприз.

Они сидели в его черной «Волге» на площади перед зданием аэропорта, до начала регистрации время еще оставалось, беседовали.

– Слушай, Паша, а не слетать ли к тебе на пару-тройку дней? – неожиданно сказал он. – Развеемся охота. А заодно посмотрю твою подопытную.

– Думаешь, надо?

– Нет-нет, я знаю, ты в своем деле дока. Раз говоришь, что психика в норме, значит, так и есть. Мне самому любопытно. А вдруг и я на что сгожусь?

– А вдруг и ты на что сгодишься! – засмеялся Баринов. Он совсем не прочь был заполучить нечаянно такого консультанта. – Когда сможешь?

– Да хоть сейчас! Вернусь к себе, выпишу командировку – и в ближайший понедельник я у тебя.

Поначалу-то Илья настроился явно легкомысленно, впрямую хиханьками и хаханьками встретил бариновский конспективный обзор. Слушал – и комментировал, слушал – и комментировал... Однако ж, по мере того, как вчитывался в протоколы опытов и стенограммы рассказов самой Афанасьевой, просматривал ее электроэнцефалограммы и записи показаний сопутствующих приборов, придирчиво изучал результаты разного рода анализов – он становился все язвительнее, все ироничнее, почти до сарказма, но шуточки оставил. С ним так бывало всегда, если что-либо прочно и всерьез его озадачивало, вгоняло в недоумение, в непонятность.

Беседу с Афанасьевой он провел, конечно, виртуозно. В стиле светской беседы «ни о чем». Баринов сам временами забывал, что это разговор врача с пациентом, а уж той-то он голову заморочил изрядно! Мастер, что еще скажешь!.. И она, похоже, осталась в приятном неведении об истинной роли ташкентского профессора, случайно оказавшегося в кабинете Баринова. Просто хорошо посидели за чашкой чая перед очередной ночью в лаборатории, мило поговорили, причем даже касались серьезных вещей... но и только.

По крайней мере, наутро и потом у нее никаких вопросов не возникало.

А вот у Моисеева после ее ухода куража заметно поубавилось, зато прибавилось озабоченности. Особо распространяться он не стал, только мимоходом подтвердил убеждение Баринова, что в данном случае психиатр абсолютно не нужен. Психотерапевт – под вопросом, поскольку дело не в личности, дело в сущности. Пока – в субъективной, в виде ее снов. Но подхода к этой самой сущности он не видит, даже навскидку, что его и раздражает.

– Ничего такого, чего бы ты не знал, Павел Филиппович, не скажу. Психика нормальная, дай бог каждому ко дню рождения. Классические доминанты четко выражены, сексуальная составляющая слегка подавлена. Мышление ясное, конкретное, адекватное. Индивидуальные качества – пожалуйста. Афанасьева устойчива к внешним раздражителям, ничем посторонним не отягчена. Эрудированна, с чувством юмора, эмоционально несколько заторможена, в рассуждениях логична, с хорошей реакцией. Ощущается романтический уклон, зато с ясно обозначенным прагматизмом... Вот, собственно, и все. Экстерьера не касаюсь.

- Уж больно картина благодная, не находишь?
- Ага! И ты на это внимание обратил?
- Практика такая. Если все абсолютно нормально – значит, что-то не так.
- Вот-вот. Ищи зацепку. Обнаружишь – дай знать. А теперь – в гостиницу. Отвезешь?

По дороге он непривычно молчал, не по ситуации. Из чего Баринов сделал вывод, что озадачен его консультант не на шутку. И пока сам не разберется, хотя бы приблизительно, обсуждать вплотную эту тему не будет.

Поначалу в «мозговом штурме» Моисеев участвовать отказался, мотивируя тем, что столь малым и разноречивым объемом информации он оперировать не привык, потому собственных мнений и суждений не имеет. А «свадебным генералом» выступать – нет уж, увольте!.. Пришлось разубеждать и уговаривать, чуть ли не «на слабо» брать... Пожалуй, принял его один-единственный довод: что он своим присутствием послужит своеобразным каталогизатором идей и мыслей его, Баринова, сотрудников.

Наконец он махнул рукой:

- Ладно, черт с тобой! Собирай свою гвардию. Или они у тебя мушкетеры?

На «мозговом штурме» его изредка прорывало, однако в целом Илья вел себя корректно, соблюдая хороший тон. Баринов отлично видел, что тот как будто бы все время держит себя за шиворот.

Может быть, штурм еще потому ничего и не дал, или дал очень мало, что и остальные участники себя сдерживали, не позволяя свободы мыслям и воображению. Или действительно, не хватало допинга?.. Все, что говорилось, более-менее связно озвучивалось раньше, в частных или общих разговорах. Никаких подвижек, в сущности. Ничего нового. А Баринов откровенно надеялся, что в процессе родится что-нибудь оригинальное, неординарное.

Стало быть, наступила пора честно признаться себе и окружающим – это тупик. По настоящему. Надо отходить назад, на прежние, на исходные позиции, и выбирать новый, уже другой путь... А может, не торопить события, не пороть горячку, а сначала до конца, до упора использовать традиционные, классические методы...

В дверь кабинета постучали.

- Разрешите, Павел Филиппович?

- Да-да, Игорь, проходи, садись. Что у тебя?

– Закавыка одна получается, – Игорь выложил из портфеля журнал, папку с описаниями хода эксперимента, несколько рулонов из самописцев. – Я тут вчера и позавчера поработал, еще раз пригляделся к биоритмам Афанасьевой. Более предвзято, попристальнее, каждый сантиметр. Но не шестой фазы, а обычные. И вот на каппа-ритме в фазе глубокого сна обнаружили небольшие флуктуации. Совсем незначительные, но все же... Да вот, посмотрите сами.

Игорь развернул один за другим три рулона, разложил их на приставном столе, придавив специальными грузиками.

– Вот, вот и вот. Я взял подряд ночи начальной серии и на седьмой – вот, пожалуйста. А это пятнадцатая и восемнадцатая. Тех, своих, снов она тогда не видела, так что ночи нейтральные. Отклонения мизерные, но четко локализуемы, и повторяются в определенном интервале времени. Смотрите, Павел Филиппович: мелкое дрожание пера на полусекундном плато, похоже вроде бы на сбой, но через пять-шесть всплесков оно повторяется, потом снова и снова – и так от трех до пяти раз. А через четыре-шесть минут после последнего тремора наступает парадоксальный сон... Видите?

– Интересно... – Из верхнего ящика стола привычным движением Баринов достал сильную лупу, масштабную линейку и измеритель. – Интересно, и даже весьма... Действительно, похоже на легкий тремор пера. Но – периодичность. Значит – импульсы? За пределами погрешности, нет?

- На пороге.

– Любопытно, любопытно... Как же проглядели-то?

– Их немного, Павел Филиппович, по два-три на восемь часов сна, и не в каждую ночь. Я просмотрел девятнадцать рулонов и обнаружил их только на трех.

Они просидели, не разгибаясь, до полудня, пока зубчатые фиолетовые кривые на разграфленных лентах самописцев не принялись плясать и расплываться перед глазами.

Пообедать решили в «Сеиле» – ближе всего и вполне съедобно. За руль Баринов усадил Игоря. «Я сзади посижу, поразмышляю. А обратно сам поведу, хорошо?» Они поднялись на второй этаж, но только за столиком выяснилось, что в ресторане с недавних пор стали практиковать в дневное время комплексные обеды. Баринов недовольно поморщился.

– Салат из одуванчиков и шорпо из верблюжьих мослов?

– Обижаете, Павел Филиппович! – кокетливо улыбнулась официантка. – Салатик «Столичный», суп харчо, сосиски с капустой и компот из сухофруктов.

Баринов вопросительно глянул на Игоря. Тот кивнул в ответ.

– Ладно, Надюша, неси свой комплексный, раз порционных не дождешься. И два по пятьдесят коньячку, только фирменного. – Он остановил жестом Игоря. – Сегодня – можно. А за руль я сам сяду, как обещал.

Официантка склонилась к Баринову, коснувшись его плеча налитой грудью:

– Завезли чешское пиво, «Будвар». Если хотите, я принесу... только в бокалах, извините.

Баринов расхохотался

– Надюша, милая, плюс два на дворе, дождь моросит!

– Ну, летом-то, в жару, у нас и обычное в дефиците, сами знаете.

– Нет, пожалуй, обойдемся коньяком. Впрочем... Заверни-ка нам пару бутылочек с собой. И по парочке бутербродов. – Он повернулся к Игорю. – Работа предстоит долгая, придутся.

После обеда поработать не удалось. Накануне из институтской бухгалтерии притащили ворох бумаг, а лаборантка, которая по совместительству выполняла у Баринова роль делопроизводителя, разобраться с ними не смогла. Да и не в ее компетенции они были.

Скрепя сердце, Баринов отправил Игоря к себе.

– А я превращусь на время в злобного администратора и прижимистого хозяйственника, – с глубоким вздохом сказал он. – Представь, вместо заказанного микротомы прислали черт знает что и требуют принять на баланс. Да я от этого барахла отпихивался еще два месяца назад!.. Ладно, разберусь. А завтра с утра продолжим.

Поднакопились и другие вопросы примерно такого же плана.

До конца рабочего дня пришлось звонить-перезванивать в разные концы города, даже побеспокоить Москву, переговорить с добрым десятком должностных лиц самого разного ранга, дать задание Александре Васильевне подготовить новую заявку, теперь уже напрямую в союзный Академснаб, попутно решить еще кое-какие, более мелкие, внутрилабораторные, но такие же бумажные дела...

Домой он решил не ехать, поработать сегодня до упора. Подушку и плед достал из нижнего отделения серванта, переоделся в спортивный костюм и прилег отдохнуть и поспать хотя бы пару-тройку часов на диване в кабинете.

Да только сон не шел. Стоило закрыть глаза, как всплывали широкие росчерки из-под перьев самописцев: характерные кривые биоритмов спящего человека, а на них, наложением – слабые, с еле заметной амплитудой, колебания, которых быть не должно. Однако ж они существовали, и первое, что напрашивалось – это четко локализовать их появление на различных фазах сна...

Его, Баринова, первое упущение: нет у них полноценной записи биоритмов Афанасьевой в бодрствующем состоянии.

Нет, конечно, эталонные, контрольные записи делались перед началом эксперимента – в состоянии покоя физического, эмоционального, интеллектуального, потом при физической нагрузке на велотренажере, при эмоциональном возбуждении, когда ей демонстрировались слайды, сюжеты которых должны были вызывать нежность, радость, страх, ненависть, ужас, брезгливость и так далее, а также при нагрузке интеллектуальной во время решения ею различного рода задач – простых арифметических, логических, дедуктивных, а также размышлений вслух на стандартные темы: бытовые, научные, религиозные, политические, служебные... Словом, обычные контрольные образцы биоритмов бодрствования, главным образом для того, чтобы заведомо исключить патологию любого рода – от эпилепсии до явлений посттравматического характера.

А вот провести полную запись, набрать статистику, чтобы потом можно было сравнить, сопоставить ее бодрствующую с ней же спящей – это раз! – да постараться выявить возможные аномалии в ее биоритмах не только во сне, но и наяву – это два! – не додумался. Вернее, посчитал наличествующее достаточным.

И это непростительно. И дает повод усомниться в чистоте эксперимента.

Частично оправдывает то, что в контрольных записях не нашлось даже намека на какие-либо отклонения, настолько классически выглядели все ритмы энцефалограммы, ну просто в учебники помещай! Да и нацелен он был прежде всего на сновидения, на изучение процессов, которые проходили именно в спящем мозге...

Есть и второе упущение, посерьезнее – проглядели флуктуацию при первичном, самом основном просмотре рулонов ЭЭГ. Оправдание тоже можно найти, только стоит ли искать... Игорь молодец, проявил здоровую дотошность и тщательность.

Ладно, ошибки ясны, исправить их довольно легко и еще не поздно. Нарботкой контрольных биоритмов займется Александра Васильевна со своим сектором. У Игоря задача тоже понятная – вычленив обнаруженные флуктуации, методом сравнения постараться найти аналоги или схожие явления по картотеке.

Они ведь что-то напоминают! Нет, разумеется, полной аналогии нет и, скорее всего, не будет... Однако ж, Баринов готов был поклясться, что где-то когда-то он что-то наподобие уже встречал. И не очень давно.

Знание в данном моменте отсутствовало, работала интуиция, а ей Баринов, вообще-то, умел доверять. Казалось, что стоит успокоиться, расслабиться, начать думать о чем-то другом – и в памяти всплывет: где, когда и что...

Нет, определенно, уснуть не удастся. Баринов поднял руку, посмотрел на часы. Ну и ладно, полтора часика все же отдохнул.

Он поднялся, собрал постель, переоделся.

Походил по кабинету, посвистывая в ожидании, когда вскипит самовар, и, прихватив чашку кофе, уселся за стол. И как по команде, зазвонил телефон – Игорь справлялся, не освободился ли шеф.

– Давай, заходи, чего уж там! – было слегка досадно, что не удалось поработать в одиночестве, но что-то в его голосе насторожило. Не иначе, раскопал что-нибудь. Дай-то бог!

Дверь открылась почти сразу, видно звонил он из своего кабинета через стенку, который делил с завсектором биохимии. Баринов не ошибся, в руках Игорь нес запыленную коробку с рулонами ЭЭГ и пару десятков личных дел из архива – старых, десяти-, а то и пятнадцатилетней давности.

Он свалил их прямо на стол и отряхнул руки, а на лице его проглядывало с трудом скрываемое удовлетворение.

– Ты чего? Рабочее время кончилось.

– Вот, Павел Филиппович. Узнаёте?

Баринов сидел, откинувшись в кресле, и, не прикасаясь к скоросшивателям, узнавал каждый. И вспоминал без труда все, что было в них, а не только надписи на обложках – фамилию, имя, отчество, год рождения, место жительства, род занятий...

– Ты как на них вышел? Догадался? Вспомнил?

– Нет, счастливый случай! Пошел я от вас, значит, прямо в архив. Пока Татьяна Андреевна готовила подборку из картотеки, решил посмотреть оригиналы – все же в карточках только образцы и описания энцефалограмм. А ноги сами понесли к стеллажам, самым дальним. Взял первую попавшуюся коробку – Давлетовой из Романовки. Поднялся к себе и – не поверите! – во втором рулоне: нате вам! Тремор – как две капли воды! Когда знаешь, что искать, оно само в глаза лезет... Ну, до завтра ждать не стал, вы все равно еще здесь.

Игорь выглядел таким счастливым и довольным, что язык не повернулся попенять – субботу и воскресенье работал, и сегодня без отдыха!... Впрочем, молодость и азарт, и здоровое желание опередить всех... Нормально!

– Кофе хочешь?

Баринов сам навел ему чашку растворимого, положил сахар, достал нераспечатанную пачку печенья.

– Различия, конечно, налицо – амплитуда, продолжительность и так далее, – Игорь говорил, не останавливаясь, чтобы уж выложить все сразу. – Но сходства гораздо больше – форма кривой, фаза, частота и вообще... Я просмотрел еще двоих, по аналогии, флуктуаций, правда, не обнаружил. Отобрал, тоже по аналогии, двадцать два дела, надо будет детально изучить. Да и другие, похожие, придется проштудировать. Как, Павел Филиппович?

Баринов переключал скоросшиватели, начиная с верхнего: «Давлетова Мария Осиповна, 1904 года рождения, село Романовка, пенсионерка», «Зощенко Ольга Дмитриевна, 1953 года рождения, Кызыл-Кия, домохозяйка», Лифшиц Роза Львовна, 1944 года рождения, село Чон-Арык, заведующая оранжереей», «Тлеулинова Канат Джумабековна, 1937 года рождения, село Кочкорка, домохозяйка»...

– Та-ак, вижу... Все мануальные целители, ни одного «чистого» «травника». У всех, как помню, природные задатки гипноза, все лечат «возложением рук», заговорами, обрядами...

– Именно так, Павел Филиппович. За образец я взял Давлетову. Мужиков только двое – Коршунов из Токмака и ваш Коровников.

– И насколько я помню – ни у кого в анамнезе нет нарушений сна, тем более – странных сновидений.

Они помолчали.

– Ну что ж, – прервал молчание Баринов. – Вари настоящий кофе, а эту бурду выливай. И садись. Раз такое дело.

3

К полуночи ясности не прибавилось, но хотя бы можно было сориентироваться в дальнейших действиях.

Игорь предусмотрительно взял ключи от архива и уже несколько раз привозил из подвала на тележке тяжелые коробки с бумажными рулонами электроэнцефалограмм тех людей, чьи личные дела он положил днем на стол Баринову.

Мини-флуктуации в каппа-ритмах обнаружились еще у двоих.

Странно и непонятно, почему до сих пор никто не обратил на них внимания. То, что они были лишь вкраплениями в общую картину, не извиняло. Все ж работали с целителями достаточно плотно в свое время, должны были скрупулезно и тщательно просмотреть каждый сантиметр бумажных лент самописцев, на которых фиксировались энцефалограммы. И все же...

Что ж, и из этого факта тоже надо сделать соответствующие выводы. Следовало теперь заново проверить ЭЭГ чуть ли не по всей картотеке, а вот это уже адский труд. Архив накопил тысячи таких энцефалограмм: целителей и лозоходцев, провидцев и телепатов, гадалок и прочих экстрасенсов, вплоть до медиумов-спиритов, йогов и прочих лиц, которые считали себя причастными к паранормальным явлениям и которые соглашались когда-либо пройти обследование у Барина. Все они обмерены и описаны, занесены в учетные карточки, по ним сделаны какие-то выводы.

Но флуктуации и здесь прошли незамеченными... или их посчитали сбоем, помехой, накладкой... Вот и остались они «вещью в себе».

Впрочем, так бывает частенько. В экспериментах, как правило, стараются фиксировать максимально возможный объем материала, а уж выбирают из него только то, что относится к заявленной или поставленной задаче. До остального или руки не доходят, или оно считается второстепенным, или оставляется «на потом»... Да что греха таить, иногда просто списывается на ошибки эксперимента, сбой или дефект оборудования и так далее...

И случается, что на материале старых опытов делаются открытия. Или, анализируя старые данные, находят подтверждение новым идеям. И зачастую это делает не сам экспериментатор, а тот, кто приходит следом. Нередко – через много лет.

Коробки с «пустыми» ЭЭГ складывали на диване, на журнальный столик выставляли те, в которых обнаруживался хотя бы намек на флуктуацию. Любую, не обязательно похожую с энцефалограммы Афанасьевой. На стол попадали абсолютно все ЭЭГ, в которых глаз усматривал хотя бы малейший намек на отклонения от нормы. В сущности. Барин с Игорем шли сейчас мелочайшим бреднем, вели быстрый и грубый отбор, а детально разбираться еще предстояло. Все впереди.

Даже на первый взгляд, все выявленные флуктуации разнились между собой, не попадалось ни одной похожей, не то, чтобы одинаковой.

...Ровно в двенадцать решили на сегодня заканчивать.

Выключив верхний свет, они сидели за приставным столом при свете настольной лампы. От кофе уже першило в горле, и Барин вспомнил, что сверточек, который собрала им официантка, так и остался нетронутым.

Бутерброды оказались с копченой колбасой, а «Будвар» приятно взбодрил.

– Вся беда, что на ЭЭГ мы фиксируем излучение верхних слоев коры головного мозга, снимаем, так сказать, пенки. А что творится там, в глубине?.. Думаю, что вот эти «веретенца» или «тремор», как ты их назвал, это особо сильные импульсы, которые прорываются иногда наружу. И еще не вопрос, характеризуют ли они способности перцепиента. Как ты считаешь, Игорек, а?

– Не знаю, дядя Паша, не знаю, – в такие вот неофициальные моменты он, сам того не замечая, переходил на более привычное обращение. Игорь приходился Барину родным племянником, правда, мало кто об этом знал. Свою родственную связь они не афишировали, Игорь даже наедине обращался к нему по имени-отчеству и на «вы». Обращением по-родственному, по-простому он не злоупотреблял даже в домашней обстановке. А тут вдруг вырвалось, впрочем, осталось оно незамеченным как Бариновым, так и самим Игорем. – Не вживлять же им электроды, не так ли?

– Ну да, ну да, – рассеяно согласился Барин и продолжил: – Надо искать методы. А пока давай искать людей... Завтра у меня день биохимии, сразу после праздников – операционный. Орозбек собачку уже готовит, будем ей ставить электроды по «ленинградской» схеме. А ты возьми двух-трех лаборанток – согласишься с Александрой Васильевной – и ищи. При малейшем намеке – до кучи! Не беда, если отберешь лишнее, лучше перебдеть, чем недобдеть. Думаю, человек десять-пятнадцать наберется в доступном радиусе. В Кызыл-Кию, Ош, Джа-

лал-Абад, вообще на юг пока лезть не будем. В понедельник возьмешь машину с водителем, дня за три объедешь их всех. Вопрос один – не видят ли они странные сны?.. Да что я говорю, сам понимаешь, о чем спрашивать. При малейшем подозрении – уговаривай на повторное обследование, зафиксируй сюжеты и темы сновидений. С собой бери институтские бланки командировок, официальные письма в сельсоветы с просьбой о помощи, наличные под отчет – словом, как обычно в свободном поиске. Только теперь поиск будет целевым и конкретным. Город не включай – тут я сам. Тем более, что здесь под подозрением только трое – Залыгина, Верочка Малова и Коровников. Прокопец и Бикбова, по моему, «пустышки», но для порядка...

– А сама Афанасьева отрицает свои способности к экстрасенсорике? К целительству, или, допустим, к биолокации?

– Понимаешь, при общем опросе я на этом внимание заострял, но не акцентировал. Главным все же оставались ее сновидения. По ее словам, больше ничего особенного с ней не происходит.

– Могут быть латентные, нереализуемые возможности и способности.

– Вот это и надо выяснить... В четверг мы с ней по заведенному порядку беседуем о результатах прошедшей недели, тогда постараюсь и этот вопрос затронуть... Ну что, оставляем в кабинете все как есть и – по домам. Надо немного и отдохнуть. День, как мне кажется, прошел плодотворно.

– Так в среду же – Седьмое ноября! Послезавтра... вернее, уже завтра, – вдруг спохватился Игорь.

– Ах, черт! И верно... – Баринов с досады даже пристукнул кулаком по столу. – Ну что за невезуха! Я и забыл, три дня праздников, «веселится и ликует весь народ»... Значит, сдвигаемся на следующую неделю. Досадно.

...Перед тем как ехать домой, Баринов наведлся в лабораторию на заднем дворе, Игорь с ним.

Через темный двор шли с остановками, не торопясь, после закрытого помещения наслаждаясь свежим, холодным и влажным воздухом. Дождик уже не моросил, однако и звезды не просматривались.

В «сонную» комнату не заходили. В эту ночь там спали четверо: Афанасьева, два очередных студента-добровольца и мужчина лет сорока после перенесенной трепанации черепа. Его Баринов не знал, но согласился проконсультировать по просьбе профессора Метченко из республиканской клиники.

В комнате отдыха дежурная бригада из трех человек пила чай, по телевизору передавали ночные новости. Визиту начальства не удивились. Необходимости в нем не было, просто уж такая сложилась традиция.

От чая они отказались, выслушали доклад, что все в порядке, все в норме и, попрощавшись, пошли к машине.

Ноябрьские праздники благополучно закончились. Теперь, слава богу, до Нового года никаких вынужденных перерывов не просматривается.

В ожидании девяти часов, когда должна была появиться Афанасьева, Баринов снова и снова перебирал стопку скоросшивателей. За эти дни Игорь отобрал двадцать три кандидата на дополнительное обследование.

Сегодня после обеда они вдвоем их еще раз профильтровали, наметили первую очередь из одиннадцати человек, живших сравнительно неподалеку. Пятерых городских Баринов взял на себя. На долю Игоря пришлось шестеро – в Чуйской долине и на Иссык-Куле. Юг республики, а также Таласскую и Нарынскую области решили пока не трогать. И сейчас он еще раз просматривал протоколы опытов, образцы энцефалограмм, прикидывал, с кого начать.

Но прежде всего, конечно, следовало поговорить с Афанасьевой, и вопросы к ней теперь должны быть более целенаправленными и вполне определенной тематики.

...Верхние два скоросшивателя он отложил в сторону после небольших раздумий.

Разумеется, с Еленой Сергеевной Прокопец поговорить надо, вот только будет ли толк? Мутная какая-то тетка, в общении тяжелая. Притворяется дуручкой, мало что понимающей, глазки хитрые прячет по сторонам, так и снуют они туда-сюда, ни за что особо не цепляясь. Хорошо усвоила, что у нас с дурака – какой спрос?..

Как же она насторожилась, когда Баринов заявился к ней якобы за помощью – болеет он, мол, а знающие люди посоветовали к тете Алене сходить, вдруг поможет. И напоролся на полную «несознанку» – я не я, и лошадь не моя, и сроду-то я никаким знахарством не баловалась, да и мало ли что люди со зла скажут, им, людям, и сбрехать недолго, а вот так-то честную пенсионерку и под монастырь-то подведут, и глазом моргнуть не успеешь. И зачем ей знахарство, у нее пенсия, слава богу, и вполне хватает. Государство не обидело, за сорок два годочка трудового стажа хорошую пенсию дало, вон, даже дочери может помогать, да и сейчас она работы не боится, полы в соседнем магазине моет, и участковый может подтвердить, что ничем таким она не занимается... Явно опасалась, что Баринов «из органов», и прищучит ее за незаконное врачевание.

Его красное удостоверение завлаба академического института напугало еще больше, даже смотреть его не хотела. Еле-еле уговорил обследоваться, пришлось всякую наживку пробовать, а сработала самая элементарная. Как только она поняла, что надо просто приходиться и спать в тепле и уюте, а за каждую ночь отвалит ей по пять рубликов, моментально согласилась. Вот только в ведомости никак не хотела расписываться, чтобы значит, следов не оставлять... С ней, пожалуй, нужного разговора не получится.

Вторую, Евгению Алановну Бикбову, Баринов помнил плохо. С ней работала Александра Васильевна, она ее и нашла. Дама оказалась солидной и респектабельной, с высшим техническим образованием. Видимо, и по сей день работает в своем КБ, проектирует сельскохозяйственные машины типа пресс-подборщиков и сеялок-веялок. А в свободное время подрабатывает гаданием, снимает и наводит порчу, занимается приворотами, а заодно и исцеляет «от женских болезней» – вплоть до бесплодия. Особая статья – криминальные аборты без хирургического и медикаментозного вмешательства, просто словом и возложением рук. Только их она, естественно, категорически отрицала...

На обследование пошла охотно, быстро уяснив, что ничего ей за незаконное врачевание, гадание и привороты не будет.

Хваткая баба постаралась вынести для себя максимальную пользу: выпросила письмо на официальном бланке института, в котором он, Баринов, как заведующий лабораторией, доктор медицинских наук благодарит Е. А. Бикбову за «личное участие в экспериментах, направленных на изучение мозговой деятельности человека, чем принесла определенную пользу науке»... Пожалуй, и к ней, кроме вопросов, Баринов ничего не будет иметь...

Антонина Серафимовна Залыгина – доморощенная гадалка (снимала и наводила порчу, разбрасывала карты на «червовую даму» и «благородного короля», толковала сны, варила приворотные зелья, приторговывала травками, собранными в городских парках и скверах) – обладала ясным и практичным умом, несмотря на семьдесят с гаком.

«Люди любят, когда их дурят, – откровенно заявила она при самой первой встрече, сразу поняв, кто такой Баринов, и что неприятностей от него ждать не надо. – Причем, не за бесплатно. Денег брать не будешь – никто тебе не поверит. Они думают, чем дороже – тем надеже. Я их силком не волоку, сами приходят»...

В узких кругах ее прозвали «киргизской Вангой». Держалась она со всеми надменно и отстранено, а с клиентами разговаривала двусмысленностями и намеками, порой даже грубовато, на грани хамоватости. Похоже было, что с властями отношения у нее налажены на проч-

ной и деловой основе. Легко призналась, что никакими способностями, кроме как заморочить человеку голову, не обладает, даже гипнозом, вроде цыганок, не владеет. От платы за «ночные смены» категорически отказалась, пришлось направить ей деньги почтовым переводом. Тогда она принесла в подарок новенький дефицитный палас два на три метра, стоивший в пять раз больше, чем заработала, и собственноручно постелила перед «своей» кроватью в «сонной лаборатории». Сотрудники смеялись: «Это что, баба Тоня, вроде взятки? За что, за какие такие заслуги?», а она посмотрела внимательно и строго, и изрекла: «Я науку люблю. И научных людей очень даже уважаю. И потому желаю науке помочь, как могу». А у самой образование – три класса довоенные, да курсы швей-мотористки...

На нее самую Баринов не рассчитывал, надеялся на другое – людей к ней за помощью обращается много, вдруг симптомы у кого-то напоминают «эффект Афанасьевой», вдруг кто-то из ее клиентов-пациентов тоже мучается такими же непонятными снами?

Ну а Верочка Малова, хорошенькая полукровка (отец цыган, а мать русская), молоденькая «ведьмáчка» из Рабочего городка, обладала несомненным даром воздействия на животных (на людей – отрицала, не признавалась, хотя о таком поговаривали). Была она замужем за разбитным и веселым парнем, который в ней души не чаял, только что на руках всюду не носил. Работал он слесарем в железнодорожном депо, и каждый раз привозил ее вечерами в лабораторию на стареньком «горбатом» «Запорожце», а по утрам встречал у ворот. Не из ревности, как поначалу решили, просто-напросто ни минуты не мог без нее обойтись. И она, похоже, отвечала тем же: «Мой Валечка, у моего Валечки, моему Валечке...» – не сходило у нее с языка. Завидная пара, было приятно на них смотреть...

Дар ее, как она сама была уверена, происходил от прабабки по отцовской линии, цыганки из табора, в котором Верочка лет до десяти воспитывалась.

Несмотря на молодость, она нигде не работала, занималась домашним хозяйством. Смеялась: муж, мол, жутко ревнивый, на работу не пускает!..

Хоть и слыла она среди соседей «натуральной ведьмой», никто и ни в чем ее упрекнуть не мог. Улыбчивая, доброжелательная, ничем она, кроме красоты, на гоголевскую панночку не походила.

Животные слушались ее неукоснительно – что лошади, что коровы, что собаки: по ее мысленному приказу куда надо шли, что надо делали. Даже кроликов в вольере на своем дворе она могла одновременно поднять на задние лапы и заставить прыгать. А злейшего и свирепейшего на вид цепняка она так же мысленно принудила взять в зубы полуведерную миску-тазик, ползком принести и положить перед ногами Баринова... «Вот только кошки меня не слушаются, потому как сами ведьмы!» – пошутила она однажды в разговоре. И на овец в массе, в отаре, она воздействовать не могла. Зато, выбрав их вожака, могла повернуть его в любую сторону – без взмаха руки, без голоса! – а уж ему подчинялись и все остальные. В кошару ли, из кошары, по правильному кругу ли на пастбище – три, четыре, пять полных кругов без остановки: «Хватит, Павел Филиппович, или пусть еще кружок нарежут?»

Лечила она животных во всей округе. Здесь, на городской окраине, почти у предгорий, где можно было пасти на неудобьях скот, хозяйства держали многие. Лекарств не признавала, излечивала нашептыванием, поглаживанием, иногда приказывала поить отварами тех или иных трав, причем хозяин сам должен и травы собрать, и отвар приготовить, и животное напоить...

Никоим образом к «эффекту Афанасьевой» Малова тоже не подходила, но в ее электроэнцефалограмме «тремор» на кап-ритме просматривался весьма отчетливо, вдобавок по всем параметрам был очень близок. Ближе, чем у кого бы то ни было.

Поговорить, порасспрашивать стоило, да и просто узнать, что нового, что интересного. С приятным человеком всегда приятно общаться...

А вот у Коровникова, на его ЭЭГ «тремор» вообще не обнаруживался, но Баринов все же включил его в список. И очень надеялся на его существенную помощь. Дело в том, что Василий Петрович, в отличие от большинства, не только не таился, сам охотно шел на контакт. Его скоросшиватель был, по крайней мере, впятеро толще остальных.

Знакомился с ним Баринов дважды.

Первый раз сам, можно сказать, стихийно.

Горы Баринов не любил, в том плане, что не видел никакого смысла по ним лазить из чисто спортивного интереса. Когда уж сильно приставали друзья-альпинисты, шел с ними на восхождения, даже маршрутами третьей-второй категории сложности, но особого удовольствия от самого процесса не испытывал. Приятно постоять на вершине, полюбоваться ледником, моренными озерами, другими высокогорными красотами – но не более.

Отдыхать они с Лизой предпочитали в бесхитростных вылазках в отдаленное ущелье. Как правило, доезжали машиной до предела, где техника становилась бессильной, иногда уходили пешком дальше на километр-два, а чаще оставались прямо на месте. Даже в таких местах случалось довольно дико, восхитительно красиво и экзотично: скалы, хрустальная речушка с ледяной прозрачной водой, тянь-шаньские голубые ели, горный разряженный воздух, перепады температур на солнце и в тени – все, что нужно, чтобы отключиться от городской обстановки. А дальше – по возможностям и желанию: шашлык или бешбармак, коньяк или водка, ужение форели или тривиальное ничегонеделание...

В таких вылазках «на природу» встречались им лишь аборигены – чабаны, лесники, егеря или просто местные жители из недалеких аилов. Редко-редко – городские рыбаки или охотники: группками по двое, по трое.

И вот как-то, компанией на двух машинах, они забрались в очередное ущелье в районе то ли Новороссийки, то ли Ак-Тюза. И там, в двух десятках километрах выше устья, на открытой поляне противоположного склона увидели одноместную палатку, оборудованное кострище-очаг, а рядом – большой брезентовый тент, под которым пучками были развешаны свежесобранные травы. Всякое подобие дороги здесь кончилось, и они расположились через речку, почти напротив.

Вскоре появился хозяин – коренастый мужчина лет пятидесяти с полотняным мешком за плечами. Какое-то время они присматривались друг к другу через ущелье, а когда намерения кампании стали очевидны, мужчина перешел речку вброд – знакомиться. Назвался Василием Петровичем Коровниковым. Пришел не с пустыми руками, принес три рыбины килограмма по полтора и пучок каких-то трав (когда их заварили в котелке, получился восхитительный напиток вместо чая). От коньяка он вежливо отказался, водки выпил пару стопок, с удовольствием закусил шашлыком. Признался, что за неделю соскучился по мясу. Рыба надоела, консервы он в горы не берет – тушенка и дороговата, и тяжело тащить банки на горбу. «В принципе, подножной еды тут хватает».

В профессиональном плане он тогда Баринова не заинтересовал – обыкновенный «травник», ничего особенного. Но запомнился как фигура колоритная. И рассуждал он здраво, и, как выяснилось, медицине был не чужд – имеет фельдшерское образование, работал, как выразился, всю жизнь в глубинке, сейчас на пенсии. На удивленные возгласы скромно ответил, что это на вид ему «полста», а на самом деле – шестьдесят три. Травы он собирает, сушит, потом сдает в специальный приемный пункт аптечной конторы, с которой имеет договор. Платят хорошо, жаловаться грех. Заготавливает, в зависимости от сезона, душицу, чабрец, зверобой, мяту, корни солодки, более редкие травы, а также плоды боярышника, кизила, шиповника. Здесь, в горах, они особенные, целебной силы в них куда как больше, чем, скажем, в долинных.

Уехали они под вечер воскресенья, пробыв здесь двое суток, оставили новому знакомому хлеб, сахар, крупу. От рыбных консервов он вежливо отказался, а остальному был искренне рад. Одарил тремя полотняными мешочками – по числу пар – со смесью сушеных трав, про-

инструктировал, как правильно заваривать, как пить. Такой травяной настой, по его словам, ни от чего не лечит, но поднимает жизненный тонус, и в качестве профилактики для всего организма хорош, в чем зимними вечерами Баринов убедился самолично.

А год спустя их познакомили второй раз.

Методично выискивая по республике людей «с отклонениями от обычности», в частности лозоходцев, людей, способных к биолокации, Баринов через третьих лиц вышел на главного геолога геофизической экспедиции Управления геологии.

В кабинете Шварцмана ему сразу понравилось, выглядел тот достаточно необычно, щедро сдобренный геологической экзотикой. Хотя основой своей ничем не отличался от служебного кабинета любого начальника средней руки – те же казенные стеновые панели из ламинированной ДСП, типовой двухтумбовый письменный стол с приставным столиком, полумягкие стулья. Но за спиной хозяина половину стены занимал ручной работы застекленный шкаф-стеллаж, где в ячейках виднелись разнообразные минералы, объемом претендующий на музейную экспозицию, вторую половину – громадная топографическая карта Киргизии, испещренная цветными значками, линиями и пятнами. На тумбочках в двух углах громоздились необработанные каменные глыбы солидных размеров и, стало быть, веса, по стенам развешаны величиной с хороший плакат цветные фотографии Иссык-Куля и других горных озер, виды ледников, ущелий, вершин и отрогов Тянь-Шаня...

С неожиданным пониманием Юрий Вениаминович отнесся к его специфическим изысканиям, не только не удивился, оказался, пожалуй, рад заинтересованному, хоть и нечаянному собеседнику. И тут же объяснил причину. По его словам, геология, по крайней мере, полевая, по сей день оставалась в большей степени не столько наукой, сколько искусством. Она всегда опиралась не просто на знания, но прямиком на интуицию, а порой была связана и с откровенной чертовщиной. «Ведь там, где интуиция, недалеко и до суеверий, не правда ли, Павел Филиппович?»

Уяснив тему разговора, хозяин пригласил пересесть на диван, за журнальный столик, налил из термоса по чашке душистого кок-чая, поставил пепельницу...

С ходу, почти не задумываясь, главный геолог пообещал свести его с людьми, которые сами «баловались» биолокацией, считали себя в ней специалистами, и знали людей, которые тоже с не меньшим искусством владели рамкой. Тем более что сейчас, в конце зимы, все сидели по домам, готовясь к полевому сезону. Отчеты по предыдущему написаны и защищены, планы и графики на будущий сданы и путешествуют по инстанциям в ожидании соответствующих резолюций, отпуска, практически, отгуляны... очень в удобное время попал уважаемый Павел Филиппович!

А по существу вопроса... Шварцман, например, твердо уверен, что две линзы пресной воды на глубине около полукилометра в восточной части Чуйской долины, открытые в конце семидесятых, найдены именно на основе биолокации, а не научных данных и геофизических исследований.

Токмак, второй по величине город северной Киргизии, постигла, можно сказать, катастрофа – пласт, из которого качали воду в город, неожиданно иссяк, а дополнительно разведанных запасов не оказалось. Куда вода делась – никто не знал. Чертовщина, одним словом... На полив годилась ледниковая, текущая по арыкам с гор, да и Чуйский канал неподалеку, а вот питьевая... «Киргизбурвод» разводил руками, попав впросак, и никаких обнадеживающих прогнозов не давал, ведь даже предварительную разведку они в том районе не проводили, считалось, что воды хватит лет на полтора. Тогда кто-то из руководящих в ЦК проявил «политическую волю», и директивно обязал геологуправление в течение полугода открыть месторождение воды в окрестностях города. На прорыв направили буквально всех – от «золотарей» и «редкоземельников» до «сейсмиков» и «гравиков». А Шварцман в геофизической экспедиции заправлял тогда сейсмо- и гравиразведкой.

«Партия сказала, комсомол ответил – «есть!»...»

Обложились картами, подняли все геологические данные по этой части долины, пригорюнились. Как ни крути, а чтобы организовать масштабную разведку, снять полноценные профили, да потом скважины бурить – клади год, не меньше. И без гарантии, что вода здесь имеется. Ну, сделали грависъемку, провели серию взрывов на прямые и отраженные волны, но признаков водоносного слоя не просматривалось. Было подозрение, правда, на характерную складочку в десяти километрах на север, но гарантию на воду дать никто не решался. Сроки же поджимали, а с ними – и соответствующие оргвыводы.

И вот пришел к Шварцману его геофизик Борис Алин, последнюю неделю по своей инициативе исходивший с металлической рамкой предполагаемый район вдоль и поперек. Сказал: «Юрий Вениаминович, давай команду на бурение. Есть вода, и много». И положил на стол кроки, на которых явственно прорисовал две линзы по 40—50 кубокилометров каждая... Не прерывая основные работы, рискнул Шварцман – а что оставалось? – и на глубине пятьсот тридцать метров получил прекрасную воду. Ту артезианскую водичку и пьет по сей день пятидесяти тысячный город.

Кроки Бориса он, конечно, держал в секрете – с ним по договоренности. Потом, когда традиционными способами и методами оконтурили месторождение, подсчитали запасы – вернулись к ним...

Словом, на поиски водички затратило геологуправление без малого год, вбухало десятки миллионов рублей и почти пятьсот человеко-смен квалифицированных специалистов. А Борис получил то же самое, на своих на двоих обойдя местность, в общей сложности, за полторы недели, и посидев потом за столом в камералке еще пару-тройку дней.

Вот тогда Шварцман окончательно и бесповоротно поверил в биолокацию, сиречь в лозоходство, даже пытался сам крутить рамку под руководством Алина. Получалось слабо, поэтому сам он Баринову не помощник, а вот с Борисом сведет обязательно!

На контакт Алин пошел охотно, ему самому было интересно – что там в мозгу происходит, когда рамка начинает вертеться в его руках? Работал заинтересовано, находил и время, и силы, а ведь по полгода дома не бывал!..

А потом он защитил диссертацию, и переманили Бориса Алина на Урал. Перед отъездом он пригласил Баринова к себе домой, обещал познакомить с интересным человеком.

И тут-то неожиданно оказалось, что давнишний знакомец Баринова приходится Алину родным дядькой по матери. «Это что же, – не смог удержаться от вопроса Баринов, – семейное, что ли? Дядька – „травник“, племянник – лозоходец?» И осторожно осведомился – а нет ли в семье еще кого-нибудь с необычными способностями?.. Вторая неожиданность его ожидала, когда оказалось, что травами Коровников занимается постольку поскольку, основной же его профиль – целительство, причем мануальное. «Ну, ребята, – не удержался от возгласа Баринов, – не зря говорят, что на ловца и зверь бежит!» Коровников ему был симпатичен с первой встречи в горах, и симпатия, к счастью, оказалась взаимной.

Секрета из своей целительной практики Коровников не делал, и к Баринову сразу проникся уважением, граничащим с почтением. Хотя, как оказалось, у него имелся печальный опыт общения с людьми науки. «Я к ним с открытой душой, да только ничегошеньки эти доктора с кандидатами не поняли. И – с потрохами сдали меня прокуратуре». Этот негативный опыт он приобрел еще в шестидесятых, когда только-только почувствовал и понял свои способности, и попытался применить их на практике. О тех временах он вспоминал неохотно, и на одну доску ставил ученых, милицию, важных и не очень «шишек» из горздрава, а также соседей-«доброжелателей»... А вот для Баринова сделал исключение.

В теперешней практике Коровников никогда не соглашался лечить детей, только и исключительно взрослых. В приеме никому не отказывал, но за лечение принимался только будучи уверенным в стопроцентном результате. Малейшее колебание, сомнение трактовал в свою

пользу, и тогда уж без обиняков заявлял – идите, мол, в больницу, а если не хотите к врачу, так к другому целителю. И страшно не любил, когда его называли «знахарем» или «лекарем». «Я – целитель, – гордо заявлял Коровников. – Лекари – вон, в больницах. Я людей исцеляю, а знахарством отродясь не занимался».

Исцелял он голыми руками, в необходимых случаях не чурался достижений медицины – использовал различные мази и притирания, асептики, бинты, вату. Но странным образом как бы заиклился лишь на наружных средствах. Таблетки, микстуры, порошки, тем более инъекции – не то чтобы не признавал, а категорически из своей практики выбросил. Хотя и был профессиональным медиком, дипломированным фельдшером, и на пенсию ушел с должности заведующего фельдшерско-акушерским пунктом в каком-то далеком заполярном поселке.

При малейших намеках на инфекцию он сразу и категорически отсылал пациентов в поликлинику. Ему вполне хватало последствий травм – переломов и ушибов, гематом, вывихов и растяжений, а также бронхитов, зубной боли, астмы... да мало ли по каким причинам можно было к нему обратиться и получить помощь.

Причем вполне реальную, Баринов убедился на собственном опыте. Давным-давно, в самые первые годы в Киргизии, он, катаясь на лыжах, упал, ушиб правое колено. Принцип – «Врачу: исцелись сам!» – помог мало. То ли не долечился, то ли еще что, однако на погоду нога в суставе начинала ныть, тянуть, словом, беспокоить.

И однажды, когда Коровников явился в лабораторию на очередную запись биотоков, то, сидя в кабинете Барина, на правах старого знакомого осторожно заметил, а не сможет ли он, Коровников, чем-нибудь помочь Павлу Филипповичу? Барин удивился. Он никогда не упоминал о травме, а тут как раз второй день испытывал дискомфорт в колене – атмосферное давление менялось, из Казахстана пришел обширный антициклон. Согласился он охотно – скорее из любопытства, чем из желания избавиться от неприятных ощущений, веря и не веря, но – «испытано на себе!»

Коровников легко, одними кончиками пальцев прощупал сустав, согнул-разогнул его несколько раз. Потом мягкими, плавными движениями прошелся по всей ноге – от бедра до щиколотки – словно массируя и поглаживая, на этот раз ладонями: вверх, вниз, снова вверх...

Субъективно в мышцах чувствовалась слабая волна тепла, однако Барин был склонен относить это ощущение за счет самовнушения, а более ничего он заметить не смог.

Процедура заняла минут пятнадцать, на следующий вечер повторилась. «Эх, Павел Филиппович, раньше надо было бы, – посетовал Коровников. – А так – запустили вы коленку-то. Придется третьим сеансом закрепить»... И надо отдать должное, который год колено перестало беспокоить – ни на погоду, ни просто так, без причины. Только привычка осталась – при сильной усталости чуть приволакивать ногу.

Травами, что собирал, Коровников практически пользовал всех пациентов. Советовал и приписывал различные сборы – традиционные, проверенные, что и в аптеках продаются, но какие-то придумывал и составлял сам. Набор трав был всем вполне понятен и немудрящ: душица и зверобой, солодка и чистотел, чабрец и девясил, валерьяна и мята, шалфей и алтей и еще десятка три-четыре других растительных средств – шиповник, ромашка, липовый цвет, анис, пижма...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.